

2

Русская речь

1972

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 2, 1972 март — апрель

В. П. Вомперский. В. И. Ленин читает словарь Даля	3
В. И. Борковский. Слависты — лауреаты 1971 года	10

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. А. Державина. Язык школьной драмы Петров- ского времени	14
А. Д. Жижина. Гордая вражда	22
В. В. Касаркин. Сказочник Казак Луганский	31
И. М. Подгаецкая. Символика в поэзии В. Мая- ковского	35

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Михаил Шкерин. Живопись словом	42
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. М. Огольцев. Знак ударения	51
Б. А. Маргарян, В. С. Гимпелевич. Кофе	56
Ю. К. Стехин. За парту и на парту	63
Ю. А. Бельчиков. Первый словарь новых слов	66

ГРАММАТИКА

И. Г. Добродомов. Новая одежда старых слов	67
А. М. Иорданский. Наш с тобой	73

Л. А. Климкова. «А ткачиха с поварихой»	76
Д. И. Арбатский. Единственное — множественное <i>мозг — мозги</i>	80

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Л. М. Орлов. Диалектизмы и литературный язык	84
--	----

ШКОЛА

В. М. Пянькин. Макаренко о педагогике слова	90
Учебник родного языка	100

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

А. И. Попов. Славяне, Русь, Россия	104
В. И. Максимов. Год, година, время	110
Ю. И. Чайкина. Мера	112

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Н. И. Тарабасова. К истории курантов	115
А. И. Сумкина. Рукописный отдел Института рус- ского языка АН СССР	120

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Г. В. Судаков. Двойные предлоги	124
---	-----

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. М. Корнилаева. Словарные заимствования как источник изучения истории языка	127
--	-----

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

П. С. Пустовалов. К экзамену по русскому языку (Беседа вторая)	131
---	-----

ЗА РУБЕЖОМ

Г. В. Хруслов, В. В. Хруслова. Русский язык в Японии	140
---	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь произношения и ударения	147
---	-----

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

149

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

152

В. И. ЛЕНИН ЧИТАЕТ СЛОВАРЬ ДАЛЯ

Вопрос о том, когда впервые В. И. Ленин познакомился с «Толковым словарем» В. И. Даля, с какого времени он стал использовать его в своей работе, остается до сих пор невыясненным. У исследователей существуют на этот счет две точки зрения. Суть первой сводится к тому, что В. И. Ленин впервые познакомился со Словарем Даля и стал использовать его в своей работе только в начале 1920 года. Такое мнение основано на следующем письме А. В. Луначарскому от 18 января 1920 года: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь и классиками*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение. Ваш *Ленин*» (Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 121—122).

Смысл второй точки зрения в том, что слова Владимира Ильича о его позднем знакомстве со «знаменитым словарем Даля» следует понимать не только как проявление скромности. Странники этого мнения утверждают, что лишь в 1919—1920 годах В. И. Ленин впервые смог основательно и всесторонне изучить давно знакомый ему сло-

варь, в который он заглядывал и раньше для отдельных лексикографических справок.

Однако обе точки зрения недостаточно аргументированы с исторической точки зрения.

Есть целый ряд убедительных свидетельств современников, которые говорят о том, что В. И. Ленин начиная с гимназических лет постоянно использует в своей работе Словарь Даля. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская пишет, что будучи еще гимназистом Владимир Ильич «мог часами просиживать над разными словарями, в том числе и над словарем Даля» (О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1971, стр. 163).

Подтверждая воспоминания Н. К. Крупской, Г. М. Кржижановский, бывший вместе с В. И. Лениным в сибирской ссылке в 1897—1900 годах, рассказывает в статье «Ленин и Маркс», что Владимир Ильич имел в Шушенском «Толковый словарь» Даля и постоянно к нему обращался: «Стоило только при Владимире Ильиче произнести какое-либо незнакомое ему русское слово, как он немедленно учинял допрос: „Откуда вы взяли это слово, правильно ли вы его употребляете?..“. И неизменно рылся в известном словаре Даля, высоко расценивая его авторитет...» (Великий Ленин. М., 1971, стр. 69—70).

Наконец, сохранились выписки Ленина из «Толкового словаря» Даля, относящиеся к 1910—1912 годам. В это время Ленин находился в эмиграции и продолжал напряженно работать над своими политико-экономическими и философскими сочинениями.

При конспектировании пятитомной «Сельскохозяйственной статистики областей Венгерского королевства», написанной на немецком языке, Владимиру Ильичу встретилось слово *Grendel*. В. И. Ленин отмечает в своем конспекте «*Grindel* (или *Grendel*) = *Pflugbaum*». Немецкое слово *Pflugbaum* означает «плужный вал». Затем Владимир Ильич пишет в скобках по-французски: «[„*flèche (timon) de la charrue*“; *age, flèche = la charpente de la charrue*]», то есть «стрела (дышло) плуга; стрела = деревянная основа плуга» и обращается за справками к Далю.

Он делает следующие выписки из Даля: «Грядиль (по Далю) — ж. гра (е)диль — „плужное дышло, вал, дрога, укрепляемая в комле рукоятей и связываемая с полозом или подошвой стояком“. — Дрога = „продольный брус, у летних повозок всех родов, для связи передней оси (подошкы) с задней“. — Стояк — в плуге „связывает грядиль

(или дышло) с полозом у отвала“. Гра(е,я)дѣль ж.— „вал плуга, плужная рассоха, дрога“. Рассоха = стан, дерево сохи; на ноги рассохи набиты сошники, на верхние концы валеж, казачка» («Ленинский сборник», XXXI, стр. 282—283).

За этой выпиской таится кропотливая работа. Ведь В. И. Ленин должен был сначала выписать слова *грядиль* и *дрога* из I тома, которые он находит соответственно в «словопроизводственных гнездах» *гряда* и *дрожать*. Затем Владимир Ильич из IV тома конспектирует толкование слова *стояк*, вновь обращается к слову *грядиль* и заканчивает свою выписку словом *рассоха* из IV тома. Следовательно, запись Владимира Ильича основывается на пяти выписках из Словаря Даля.

Каким именно изданием «Толкового словаря» Даля, первым или вторым, пользовался В. И. Ленин в гимназические годы и в Шушенском, сказать трудно, так как соответствующие исторические документы еще не отысканы. Также трудно ответить на вопрос, работал ли В. И. Ленин над Словарем Даля, который находился в фондах Симбирской публичной библиотеки и в библиотеке Юдина в Красноярске. В этих библиотеках занимался В. И. Ленин, но нет точных свидетельств о том, что Владимир Ильич мог пользоваться „Толковым словарем“ Даля в этих библиотеках. Можно лишь высказать предположение, но пока оно еще не подкрепляется точными данными. Что касается ленинских выписок 1910—1912 годов из Даля, то можно с уверенностью сказать, что они сделаны по второму изданию «Толкового словаря» (см. нашу статью: В. И. Ленин о культуре русской речи.— «Русский язык в национальной школе», 1960, № 2).

Таким образом, изложенные факты и обстоятельства позволяют нам сделать вывод, что Ленин знал «Толковый словарь» Даля и использовал его в своей работе с середины 80-х годов XIX века. Но почему же В. И. Ленин пишет в письме А. В. Луначарскому от 18 января 1920 года, что он познакомился с «Толковым словарем» Даля только в начале 1920 года?

По нашему мнению, дело заключается в том, что в этом письме говорится о так называемом бодуэновском издании Словаря Даля, с которым В. И. Ленин познакомился не ранее декабря 1919—января 1920 года.

Как известно, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля выходил в четырех изданиях. Первое

издание появилось в свет в 1863—1866 годах. Второе, значительно пополненное и переработанное автором, — после смерти В. И. Даля, в 1880—1882 годах. В третьем издании (1903—1909 годы) и в четвертом, стереотипном (1912—1913 годы), Словарь подвергся серьезной и глубокой редакционной обработке профессора Петербургского университета, одного из выдающихся лингвистов современности И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Чем же отличаются между собой первое и второе, с одной стороны, и третье и четвертое издания «Толкового словаря» Даля, с другой?

«Толковый словарь» Даля — это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX века, широко охватывающая живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию многообразных ремесел, торговли и наук того времени. В Словаре содержится колоссальный этнографический, фольклорный материал, который относится к разным сторонам хозяйственной и духовной жизни русского народа. «Толковый словарь» Даля — это патриотический подвиг подлинного народолюбца.

Не соглашаясь со многими научными взглядами Даля, профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ тем не менее, как писал в «Предисловии» к новому изданию Словаря, «из уважения к монументальному труду Даля понял свою редакторскую задачу прежде всего в смысле усовершенствования подробностей внешней отделки Словаря, исправления ошибок и включения слов, почему-либо пропущенных Далем, а также тех новых слов, которыми обогатился живой русский язык за последние годы».

Эта задача, потребовавшая семилетнего упорного труда, была выполнена образцово. Прежде всего Бодуэн де Куртенэ располагает все слова словника по алфавитному принципу. Благодаря алфавитному расположению слов облегчаются поиски тех или иных лексем и фразеологизмов. Старая система расположения слов по гнездовому принципу затрудняла пользование Словарем. Часто по недоразумению или по смешению понятий в одно гнездо попадали разные по семантике слова. Так, например, в одном гнезде *авангард* оказывались *аванзал*, *аванпост*, *авансцена*, *аванс*, *авантаж*, а в гнезде *акт* — слова *актер*, *акциденция*, *акцизный*, *актерка*, *актерствовать*, *акция* и т. д.

Но хотя Бодуэн де Куртенэ располагает словник по алфавиту, при помощи специальных значков можно было

быстро найти каждое словарное гнездо предшествующих изданий Словаря. Кроме того, новый редактор создает более правильную смысловую перспективу словообразования, вносит исправления и дополнения в грамматические комментарии, к объяснениям слов. Он проверяет по научным источникам всю ботаническую и зоологическую номенклатуру, добавляет много новых слов и выражений, которые ставятся им в особые редакторские скобки и не смешиваются с авторским текстом самого Даля, хотя, как отмечал И. А. Бодуэн де Куртенэ, «из текста Даля не выпущено ни одно слово; ни одна фраза не заменена другой фразой». Благодаря таким исправлениям и дополнениям объем «Толкового словаря» Даля увеличился на 15 процентов. В него вошло не менее 20 тысяч новых слов.

В соответствии со своими лингвистическими взглядами Бодуэн де Куртенэ включает в новое издание «Толкового словаря» Даля много бранных, вульгарных слов и выражений. В то же время слова и выражения, которыми обогатилась русская литературная речь в результате творческой деятельности русских писателей XIX—XX веков, в это издание не вошли.

Итак, бодуэновское издание Словаря представляет собою новый лексикографический труд с принципиальными дополнениями и с существенными изменениями, построенный на совершенно иных научных принципах, чем I и II издания. Исходя из этого, можно предположить, что в письме А. В. Луначарскому от 18 января 1920 года речь идет о бодуэновском издании, с которым В. И. Ленин познакомился впервые только в декабре 1919 — январе 1920 года.

В письме справедливо отмечается, что и бодуэновское издание носит «областнический» характер, что этот словарь «устарел». Понятие нормативности литературной речи ему не свойственно. Это издание не словарь образцового, как говорит Владимир Ильич, «классического» литературного языка.

На все эти особенности нового издания «Толкового словаря» Даля В. И. Ленин обращает свое внимание и предлагает создать новый толково-нормативный словарь современного русского литературного языка. С особой силой В. И. Ленин подчеркивает, чтобы новый словарь был словарем «не вроде Даля» (т. 51, стр. 192). По мысли В. И. Ленина, новый толково-нормативный словарь должен содержать в себе слова и выражения образцовой современ-

ной литературной речи, употребляемые всеми говорящими на русском языке и писателями-классиками XIX—XX веков. Это должен быть «словарь,— пишет В. И. Ленин,— настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького». Этот словарь должен быть адресован широкому кругу читателей всех возрастов и разного образования, как замечает В. И. Ленин, «для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка...» (т. 51, стр. 192). Толково-нормативный словарь не должен включать в свой состав экзотическую, вульгарную лексику, подобно той, которую ввел в новое издание Словаря Даля Бодуэн де Куртене.

Теперь, когда сделан необходимый комментарий к письму В. И. Ленина А. В. Луначарскому от 18 января 1920 года, следует изложить историю знакомства Ленина с бодуэновским изданием Даля и рассказать об обстоятельствах, при которых в его личной библиотеке появился этот словарь.

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву Ленин поселился со своей семьей в небольшой квартире в бывшем здании судебных установлений в Кремле, где разместились ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. В декабре 1919 года Владимир Ильич обращается к В. Д. Бонч-Бруевичу, который в то время был управляющим делами Совнаркома, с просьбой купить для своей личной библиотеки книги. Причем первый список книг он составляет сам.

В этот список В. И. Ленин включает и «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля. В. Д. Бонч-Бруевич покупает для В. И. Ленина книги и словарь. Получив словарь, 4 января 1920 года В. И. Ленин пишет Бонч-Бруевичу:

«Дорогой В. Д.!

Мою библиотеку оплачиваю *я лично*.

Прошу Вас, *когда выздоровеете*, заплатить все

$$\begin{array}{r} 3200 \\ + 500 \text{ (Даль)} \\ \hline 3700 \text{ и т. д.} \end{array}$$

и сохранить расписки.

Ваш Ленин

Прилагаю 4000 рублей.

Другое дело библиотека Управления делами СНК» (т. 51, стр. 112).

С этого письма начинается переписка В. И. Ленина с А. В. Луначарским, М. Н. Покровским и другими государственными и партийными деятелями о «Толковом словаре» Даля и о программе нового толкового словаря русского языка.

В. Д. Бонч-Бруевич свидетельствует в своих воспоминаниях, что «Владимир Ильич поставил его [словарь] на вертящейся этажерке возле своего письменного стола. Он очень часто занимался им, не только просматривая, но и внимательно читая приводимые там в качестве примеров пословицы, поговорки, а также изучая отдельные слова в их многообразном значении» (Воспоминания о Ленине. М., 1969, стр. 417).

Те языковеды, которые бывали в Музее В. И. Ленина в Кремле и видели знаменитую книжную вертушку, могут сразу сказать, что в кабинете В. И. Ленина находится одно из бодуэновских изданий Даля, так как внешне третье и четвертое издания Словаря выглядят одинаково. Но теперь, когда напечатано полное описание библиотеки В. И. Ленина в Кремле, можно уточнить, что у Владимира Ильича было третье издание «Толкового словаря» Даля (см.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961, стр. 477). Это как раз то издание, которое для В. И. Ленина приобрел В. Д. Бонч-Бруевич.

Таким образом, следует признать ошибочными два распространенных среди филологов и историков мнения о том, когда впервые В. И. Ленин познакомился с «Толковым словарем» Даля, с какого времени он стал использовать это справочное издание в своей работе. По нашему убеждению, В. И. Ленин еще с гимназических лет стал использовать «Толковый словарь» Даля в своей работе и хорошо знал его разные издания, второе и третье.

*Доктор филологических наук
В. П. ВОМПЕРСКИЙ*

СЛАВИСТЫ — ЛАУРЕАТЫ 1971 ГОДА

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР, рассмотрев представление Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, постановляют присудить Государственные премии СССР 1971 года:

Аванесову Рубену Ивановичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заведующему сектором Института русского языка Академии наук СССР, **Атраховичу (Крапиве) Кондрату Кондратьевичу**, вице-президенту Академии наук Белорусской ССР, бывшему директору Института языкознания Академии наук Белорусской ССР, **Мацкевич Юзефе Флорнатовне**, члену-корреспонденту Академии наук Белорусской ССР, **Бирилло Николаю Васильевичу**, заведующим секторами, **Войтович Нине Трофимовне**, старшему научному сотруднику, докторам филологических наук, **Кривицкому Александру Антоновичу**, **Орешонковой Анне Владимировне**, **Романович Евгении Михайловне**, старшим научным сотрудникам, **Чебзрук Елене Ивановне**, младшему научному сотруднику, кандидатам филологических наук, сотрудникам Института языкознания имени Якуба Коласа Академии наук Белорусской ССР, **Груцо Алексею Петровичу**, доктору филологических наук, профессору Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького, **Мурашко Антине Григорьевне**, кандидату филологических наук, доценту Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, **Шелег Ольге Михайловне**, филологу, — за комплекс работ по белорусской лингвогеографии.

В комплекс работ по белорусской лингвогеографии, заслуживших такую высокую оценку, вошли капитальные труды, позволяющие по-новому поставить многие вопросы истории белорусского языка, развития белорусской народности и нации:

Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. Минск, 1963; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск, 1963 (карты); Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Минск, 1968; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Минск, 1969.

Идея создания диалектологических атласов восточнославянских языков возникла уже в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. О необходимости подготовить диалектологический атлас русского, украинского и белорусского языков с указанием распространения в каждом из этих языков тех или других черт выдающийся славист, основатель белорусской филологии и белорусского языкознания академик Е. Ф. Карский писал еще в 1926 году (Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР. Л., 1926).

Диалектологические атласы (многотомные) русского и украинского языков не закончены, атлас белорусского языка, как отмечено выше, закончен и вышел в свет.

В дореволюционные годы трудно было и мечтать о диалектологических атласах, хотя опыты такой работы имелись в Западной Европе. Диалектологический атлас, опирающийся на обследование огромного числа населенных пунктов, не может быть создан усилиями одиночек. Нужны сотни, тысячи научно подготовленных исследователей-студентов, филологов, преподавателей высших учебных заведений — языковедов, специалистов в области данного языка, сотрудников лингвистических научных институтов.

До революции у нас было ограниченное число университетов и историко-филологических институтов, причем все они были за пределами территории Белоруссии. С какой грустью говорит об этом академик Е. Ф. Карский, белорус по национальности (об Е. Ф. Карском см.: «Русская речь», 1971, №1), в предисловии к опубликованному в 1916 году (за год до Великой Октябрьской социалистической революции) первому выпуску третьего тома своего знаменитого труда «Белорусы»: «Выпущая в свет это сочинение, автор желал выказать посильный знак уважения к многострадальной Западной Руси, всегда переносившей

в первую голову все невзгоды, выпадавшие на долю русского народа, но до сих пор по злой иронии судьбы, может быть, вследствие бедности и скромности основного своего населения не получившей ни одного высшего культурно-просветительного учреждения, которое могло бы заняться всесторонним изучением этого забытого и заброшенного края. *Какую богатую жатву для себя нашла бы здесь университетская наука!*» (стр. IV—V. Курсив наш.— В. В.).

1 ноября 1921 года осуществилась мечта ученого-патриота: в Минске был открыт Белорусский государственный университет, в создании которого принимал самое деятельное участие академик Е. Ф. Карский. Большую пользу в подготовке филологов принесла полученная университетом в дар от Е. Ф. Карского его прекрасная личная библиотека. Благодаря открытию университета, многочисленных педагогических и учительских институтов, готовящих кадры филологов, наконец, что особенно важно, благодаря основанию Академии наук БССР, в числе институтов которой — Институт языкознания, была подготовлена почва для того, чтобы начать работу по созданию диалектологического атласа белорусского языка.

Почва была подготовлена и благодаря тому, что научное изучение белорусского языка началось давно — еще в первой четверти XIX века. Собирался белорусский фольклор, этот ценный для диалектолога и историка языка материал, создавались областные словари белорусского языка, был издан в 1870 году «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича, опубликованы многочисленные памятники белорусской письменности. Особое, почетное место занимают труды Е. Ф. Карского, в первую очередь его трехтомное исследование «Белорусы» (семь выпусков, 1903—1922), по праву названное белорусской энциклопедией.

Для нашей темы важно отметить, что на основании имевшихся статей отдельных авторов о говорах тех или иных местностей, личного изучения белорусских говоров и многочисленных поездок вдоль предполагаемых границ белорусского языка Е. Ф. Карский составил «Этнографическую карту белорусского племени» (1903), где во внимание принимаются исключительно особенности местных говоров. Таким образом, эта карта является по существу картой белорусского языка и его говоров. Она была опубликована в I томе «Белорусов». Признавая большое значение «Этнографической карты», авторы «Диалектологического

атласа белорусского языка» (Минск, 1963) поместили ее в том томе, где даны карты.

Исключительную роль в деле изучения белорусских диалектов сыграла составленная Е. Ф. Карским «Программа для собирания особенностей белорусского наречия» (1897; 2-е издание — 1916). Ответы на программы позволили не только уточнить имеющиеся данные по белорусским говорам, но и содержали новый ценный материал. Ответы редактировались лично Е. Ф. Карским.

В послереволюционные годы успешно продолжалось изучение белорусского языка, его говоров, и оказалось возможным, учитывая предшествующий опыт, подготовить «Программу по изучению белорусских говоров и собиранию сведений для составления диалектологического атласа белорусского языка» (на белорусском языке), которая была издана массовым тиражом в 1950 году.

Силами сотрудников Института языкознания Академии наук БССР, преподавателей и студентов Белорусского государственного университета, шести педагогических и шести учительских институтов было обследовано 1174 населенных пункта. В атласе картографированы материалы по 1027 населенным пунктам. 338 лингвистических карт ярко иллюстрируют языковые явления на территории БССР. На картах отражены особенности фонетики, словообразования, синтаксиса и лексики. Таким образом, исследованы все уровни языковой системы.

В книгах, посвященных группировке белорусских диалектов, тщательно разработан и вопрос группировки говоров, освещены вопросы происхождения отдельных языковых явлений в белорусских говорах в их взаимосвязи с русскими и украинскими говорами.

Белорусский лингвистический атлас — первый в Советском Союзе атлас одного славянского языка, его опыт будет использован и у нас, и за рубежом. Белорусский атлас — большое достижение советских языковедов, им может гордиться не только белорусское, но и все советское языкознание. Это памятник белорусского языка, белорусской культуры, важнейший источник для сравнительно-исторического исследования славянских языков.

*Член-корреспондент АН СССР
В. И. БОРКОВСКИЙ*

ЯЗЫК ШКОЛЬНОЙ ДРАМЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Конец XVII и начало XVIII века на Руси связаны с бурной эпохой Петровских реформ, коснувшихся всех сторон жизни страны, в частности культуры. Стремясь как можно скорее поставить Россию в ряд европейских государств, правительство усиленно пропагандирует идею сближения с Западом, видя в приобщении к западной культуре проявление любви к отечеству. Сам царь Петр едет за границу, а вернувшись, посылает в западные государства молодых людей, стараясь таким образом подготовить европейски образованных людей, нужных молодой империи. С той же целью переводятся и печатаются новые научные книги, выпускается первая газета, создается светская школа, из-за границы привозятся произведения искусства.

Чтобы приучить русское общество к «людскости» и «полите-су», организуются ассамблеи, на которые русская знать обязана была ездить по долгу службы. Русская женщина, освобожденная от тюремного затворничества, впервые получает возможность быть в обществе.

В повседневный обиход вошло много нового, необычного, для чего в литературном языке того времени не находилось соответствующих слов, поэтому названия не известных ранее предметов и понятий заимствуются из голландского, французского, немец-

кого, польского языков. Это прежде всего морские и военные термины, названия различных орудий и приборов, слова, связанные с наукой, с театром, с новой формой одежды и проч.

Но помимо этого новыми западными словами часто заменяются и привычные русские слова: вместо *битва*, *сражение* говорят *баталия*, вместо *победа* — *виктория* и т. п. Употребление иностранного слова в данном случае вызвано не только модой; оно как бы указывало, что говорящий — культурный, европейски образованный человек. Этим объясняется огромное количество варваризмов как в разговорном, так и в литературном языке эпохи, в частности в записках современников Петра — молодых дворян, а также в повести и драматургии начала XVIII века.

Несмотря на то, что в эпоху Петровских преобразований светская культура была отделена и сознательно отмежевалась от церковной, основой литературного языка оставался старый язык русской письменности XVII века, включавший в себя формы, восходящие к церковнославянскому языку. В этом легко убедиться, раскрыв хотя бы очень популярную в то время повесть «О российском матросе Василии Кориотском». Вот как описываются здесь впечатления Василия, попавшего после кораблекрушения на неизвестный ему остров:

Стоящу ему на острове, много мысляще и осматривающесе семо и овамо в которые страны принесло и какой остров; *токмо* хотя и много время по морям ходил, а такого острова не видал, *понеже на оном* острове великой и непроходимой лес и великия трясына и болота, что от моря никуды и проходу нет.

Еще ярче эта особенность языка сказывалась в драматургии. Мы не будем касаться здесь переводной драматургии — пьес, ставившихся на сцене театра, руководимого Кунстом, и на сценах придворных любительских театров. Наиболее показательны с интересующей нас точки зрения оригинальные пьесы, игравшиеся на сцене школьного театра, в частности в госпитальной школе доктора Бидлоо.

Театр при госпитальной школе пользовался особым покровительством Петра. Это объясняется тем, что и сам Бидлоо, человек по тому времени широко образованный, интересующийся искусством и театром, и его ученики умели сделать постановки театра злободневными, отвечающими требованиям текущего момента, а этого именно и ждал Петр от театра. Здесь были поставлены едва ли не лучшие образцы школьной драмы того времени — пьеса «Слава Российская» и «Слава Печальная», по убедительному мнению исследователей, принадлежавшие перу одного из учеников школы Бидлоо Федору Журовскому, обнаружившему незаурядный талант драматурга.

Украинец по происхождению, Журовский, попав в Москву, учился в Славяно-греко-латинской академии, а затем как способный и знающий латинский язык ученик был взят в школу Бидлоу, которую и окончил со званием лекаря в 1727 году.

«Слава Российская» написана Журовским в связи с коронацией Екатерины I, «Слава Печальная» посвящена смерти Петра I. Эти пьесы — типичные школьные драмы, в которых «действуют» не живые люди, а так называемые «измышленные персоны», то есть олицетворения отвлеченных понятий, пороков и добродетелей, Вселенной, Смерти, Славы, европейских государств и в их числе России; Екатерину I изображает Российская Добродетель.

Рядом с этими персонажами действуют Фортуна (счастье), Марс (война), Нептун (морское дело) и Паллада (премудрость, наука). В «Славе Печальной» в конце появляются и люди: старики, молодежь и кавалеры-воины, которые оплакивают умершего императора.

Обе пьесы написаны силлабическим стихом с парной рифмой, но в ряде случаев автор обращается и к прозе. Прозой написаны пролог и эпилог обеих пьес; кроме того, в «Славе Печальной» прозой изложена речь Вечности в сцене 5-й и первая и последняя речи России, где она говорит о заслугах Петра перед родиной (сцена 1-я) и о своем горе по поводу его смерти (сцена 7-я).

Обращаясь к языку пьес, прежде всего следует отметить, что автор-украинец сумел избежать украинизмов, казалось бы, свойственных ему. В «Славе Российской» нам встретилось лишь одно украинское слово *хмары*; украинское произношение местами — очень редко — сказывается в рифмах типа *хранити — герпети*. Зато автор широко использует латинский язык.

Название пьесы «Слава Российская» и названия действующих лиц даны и по-русски и по-латыни; акты и сцены обозначаются также по-латыни; в реплики действующих лиц вставлены латинские фразы, частично заимствованные из «Энеиды» Вергилия; ремарки обычно даются на латинском языке. В «Славе Печальной» латынь почти отсутствует, но и здесь в начале пьесы читаем: «Actus 1-mus, Antiprologus, Prologus, Scaena 1-ma», а ниже — ремарку: «Nec frangit votam».

В отличие от пьес, ставившихся на сцене Славяно-греко-латинской академии, где обычно использовались библейские сюжеты, «Слава Российская» и «Слава Печальная» совершенно лишены религиозного элемента и носят светский характер. В то же время текст пьес обнаруживает хорошее знакомство Журовского с литературным языком своего времени, тем языком, которому его обучали в академии. Если в постановках духовной школы элементы церковнославянского языка в значительной степени

оправдывались сюжетом, в пьесах Жуковского они едва ли не в первый раз в русской литературе начинают играть особую роль: «высокая тема» той и другой пьесы вела к тому, что старинные формы и выражения, «поднимая» стиль, казались не только неизбежными, но и вполне закономерными. Здесь они были более уместны, чем в цитированной выше повести о матросе Василии.

Типичным примером общего строя языка Жуковского может служить отрывок из первой речи России в пьесе «Слава Печальная»:

...Кто днесь, видя Россию, не удивится, кто не возвеликоствует, аще бо бы воистинну праотцы и отцы россискии и других империи, из мертвых воставше, мя Россию ныне узрели кроме всякого чаяния и надежды, в зелное пришли бы сумнение; не премудра ли еси, Россие, не мужественна ли еси, не страх ли, не победа ли, не благочестна ли еси, не украшенна ли еси, Россие? Где Марс тако воюет, яко россиски? Где Палляда и Минерва свои так представляют учении зеркала? Яко в России есть бо уже и механика, оптика, музыка, но что глаголю, и медицина своя уже в россиском недре сочиняет транжементы; сия же вся от всех моих россиских едино, ей, едино россиское чадо, россиского корене ветвь богоизбранная... Петр Первы... отец отечествия россисаго, учини, восстави и прослави.

В этом отрывке отражаются основные особенности языка автора: рядом со старыми русскими и церковнославянскими формами и оборотами он, где это нужно, использует новые, свойственные эпохе слова: Марс, Палляда, механика, оптика, медицина, транжементы. То же наблюдается и в прологе к «Славе Российской» — рядом стоят *сия, нарещися, зрится, коликий, произыде, несть, точию, присовокупншася, есте, в онь же* и т. п. и слова и термины Петровского времени:

Когда бо прежде в Россиском Государстве быша *геометры, навигаторы, инженеры, в медицине и хирургии искуснии*, когда так прежде *регулярно Марс* Россиский военные обучения имел, яко ныне?

Подобное смешение обнаруживается не только в тех частях пьес, которые написаны прозой, но и в основном тексте, изложенном стихами, в репликах действующих лиц. Так, в речи Нептуна «Славы Печальной» наряду с *аз, сие, выну, зело, вящше, востаха, потщусь, имех, принесох* читаем: *флот, флаки, галеры, буеры, шлюпки, шнявы*. Марс сообщает о баталиях с врагами и славных викториях, говорит о пулях, штыках, шпагах, пушках, бомбах, гранатах, упоминает офицеров, гренадеров, бригадиров, фендрихов (военный чин того времени), солдат с мушкетами, капитанов; все

они — «храбры ковалеры», которые стоят в *карауле* или *пдут маршем* под гром барабана:

Как затрубят, загудят звучны барабаны,
бодрится Марс военны, с ним же капитаны,
фендрихи, брегадиры, тут же генералы.
Глас бывает от войска и зело немалы,
А салдаты с мушкеты все и гренадеры
марсовато ходят все, аки бы кавалеры.

Паллада-Минерва, повторяя сказанное в прологе, говорит об архитектуре, оптике, механике, медицине и химии, которые теперь процветают в России, о том, что русские люди, благодаря Петру, стали «полированнны» (культурны) и «политизованнны» (политически образованнны).

Как видно из приведенных примеров, большая часть новых слов, использованных автором, — слова-существительные, названия предметов, наук, появившихся на Руси в Петровскую эпоху, терминов, связанных с флотом, с новой организацией военных сил страны. К той же категории относятся слова: декрет, инструмент, артикул, триумф, куранты, regiment, афект, авантаж, багаж, реванж, тестамент, персона, аудиенция, сатисфакция, квартаера. Значительно реже встречаются слова-прилагательные: помимо двух, упомянутых выше (полированнны и политизованнны), в пьесах использовано еще очень популярное в ту эпоху слово *куриозный*. К глаголам нового типа относятся: рекомендуем, имперовать, триумфует.

Любопытны сочетания, в которых используются новые слова и термины. Оказывается, например, что умерший Петр получил «аудиенцию» в палате небесной, что Персия «в презент дах» ему «Дербень славы», что она сама «вдахся» Петру в «протекцию драгу». Польша, прочитав известие о смерти Петра, заявляет.

Се вижду авизию, еже начертанну,
Фортуна како имам клясти окаянну...

Несмотря на указанную пестроту стиля, которая увеличивается еще за счет ряда гречизмов, использованных автором (екзарх, монакратор, адамант, аспиды и василиски), язык Жуковского не лишен образности и выразительности. В качестве примера приведем речь Вечности из явления 5-го «Славы Печальной», в которой ярче отражаются подлинные чувства автора, стремящегося показать мысли и переживания передовых русских людей, повидавших, что они потеряли со смертью Петра I:

Ликует небо, печалует земля, весело палает огненны сол-
нечны огонь, смутно колеблется море, радуются небеснии, пла-
чут земнии, торжествует днесь вечность, яко зрит уже в веч-

ных благих покоях того, иже в житии своем ни единого покойного часа имеяше, видит храбрейшаго храбрейших, кавалера приемлет веселящися, царя царей, ибо императора Петра, глаголю, перваго и великаго, перваго, ибо еще не бысть подобен сему избранному мужу, великаго — за его мужественныя и ужасныя дела, сего святую и непорочную, яко в горниле, душу вечность приавши радуется и в небесных вселяет ю жилищах. Триумфует, глаголю, вечность, но рыдает, слезит, стенет от горести души своей, плачет неутолимо любезная его мати... бедная осиротевшая Россия...

Умело подобранные антитезы придают речи особую эмоциональность: ликует — печалует, весело — смутно, радуется — плачет, триумфует — рыдает. Эта эмоциональность увеличивается за счет эпитетов, с помощью которых здесь и далее автор рисует образ Петра: храбрейший кавалер; беспокойный, трудолюбивый царь царей; первый и великий император; избранный муж, совершивший мужественные и ужасные дела; святая и непорочная душа. Свете пресветлый, цвете благовонный, нарциссе дражайший, чистейшая лилея, дражайшая маргарита — так именует своего любимого сына безутешная Россия. Умерший Петр — это «свеча угасшая», «солнце потемненное».

К эпитету Журовский обращается чаще, чем к другим изобразительным средствам языка. Обычно это эпитет-прилагательное, характеризующее предмет в том его качестве, которое в данном случае хочет подчеркнуть автор: высокоумная Польша; храбрые вои; быстрые галеры; буеры крылаты. *Крылата, перната* также Слава, которая после смерти Петра является *печальна, крыле отпадши*. Таковы эпитеты: бранный гром; прегордое око; суровый глас; мужественное сердце; огненосные стрелы; золотое время; смертная печаль. Некоторые из них носят метафорический характер. Метафора как художественный прием также не чужда Журовскому, хотя к ней он обращается реже. В его пьесах можно встретить такие выражения: сердце пылает; ключ разума; сломать роги или стереть главу врагу; злоба не изливает яда и т. п. Образцом сравнения может служить выражение: «сокрушили врагов, яко львы свирепы».

В пьесе «Слава Печальная» показано состояние России, потевшей царя-преобразователя: «бедная», «осиротевшая», она оплакивает своего защитника, покоящегося в «темном» гробе. Ее неутешное горе выражается в гиперболических образах:

Горких слез ввидите в мя полны окияны,
остры мечи России люты дайте раны,
И звери вся созданны мене раздерите,
горы, яже суть везде, се ныне падите.

...Ах, боже единый, днесь пошли звери люты,
чтоб они сердце мое могли исторгнути,
сошли с высоты на мя громовую тучу
или камней парящих смертельную кучу,
испусти огненосны ко мне, бедной, стрелы,
ехидны люты сердце дабы днесь проели...

Говоря о победе России над Швецией, Журовский использует очень распространенную в его время аллегорю:

Российский орел со львом бился довольно,
Свейску птица зверю ранит ногу больно.

Хромой лев (намек на раненую ногу Карла XII) постоянно фигурирует среди изображений, украшавших триумфальные арки, и в фейерверках, устраиваемых по случаю побед Петра.

Аллегорически изображается в «Славе Печальной», и смерть Петра — Предупедение загадывает присутствующим загадку, которую они должны разгадать:

Выцвел цвет в поли,
быть еще нет воли.
Бежит к нему коса,
сама весма боса.
Тотчас его скосило,
сердце всем уныло.
Цвет бо когда упал,
страх всем напал.

Как особый художественный прием, приведем монолог Славы, построенный на повторении одного и того же по значению корня:

*Славна славою Петра россиская слава,
тем и твоя славна есть, Россие, держава.
ибо когда Петр не был, ниже славы было,
ныне славно летаю, россияном мило.*

Образованный автор лишь в редких случаях разрешает себе обратиться к просторечию: Гнев в «Славе Российской» говорит о себе и Злобе: «Мы и в нос не дуем», а Фурия спрашивает: «Что им загорелось?». В «Славе Печальной» молодые люди огорчаются, что не сумели защитить Петра от смерти:

...когда б смерть вшедшу мы бы увидали,
чем ни попадя, тотчас всю бы забросали.

Пестрота языка и условность образов не помешали писателю создать произведения, хорошо выражающие основные идеи эпохи, отразить в них чувства современников и показать, несмотря на неизбежную идеализацию, роль Петра в деле преобразования страны.

Доктор филологических наук
О. А. ДЕРЖАВИНА

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА

1. В каждом из приведенных ниже словосочетаний слово *верный* имеет различные значения. Вы убедитесь в этом, подобрав к нему синонимы.

Верный друг; верное средство; верный расчет; верная гибель; верный глаз; верная походка; верный ответ.

2. Не меняя основного смысла, измените данные словосочетания так, чтобы в каждом из них повторялось одно и то же слово в разных значениях.

Поддержать под руку; свернуть влево; ухватить за подбородок; захватить в плен; заключить в скобки; посадить на колени; преодолеть препятствие; призвать в армию; овладеть собой; отказаться от сказанного; принять на себя обязательство; прицелиться в кого, во что.

3. Значение слова можно определить в контексте, то есть в сочетании с другими словами, которые конкретизируют общее значение этого слова. В свою очередь значение корня можно установить в «морфологическом контексте» — в сочетании с аффиксами (приставками и суффиксами) или частями сложного слова, в которое входит данный корень.

Перед вами родственные слова с общим корнем *вод(ить)*. Попробуйте установить различные значения этого корня.

Поводырь, экскурсовод, полководец, водитель, хоровод, птицеводство.

4. Вспомните, какие новые значения приобрели в разговорной и литературной речи слова *география, голосовать, дикарь, композитор, морж, развязка, сборник, холостяк.*

5. Отгадайте загадки:

1) Какое слово в зависимости от значения может относиться к руке, винограду, скатерти, живописи?

2) Какой глагол в различных значениях может переносить действие на мяч, тесто, стальные листы?

3) Я у человека и животного; могу быть гусиной и чертовой; в меня советуют влезть, чтобы узнать, каково другому; из меня вылезают, стараясь кому-либо угодить.

4) Когда строится здание, я его украшаю. Когда строятся люди, они меня украшают.

5) Я в дверях, я в замке, я и в нотной строке; я и гайку отвинчу; я могу, если хочу, телеграмму передать и загадку разгадать.

(Ответы на стр. 65)

А. Т. Арцирий
Ужгород

Гордая вражда

Лермонтов пережил Пушкина всего на четыре года. За это время в русском литературном языке не произошло заметных изменений. Ученые отмечают «общность словаря» обоих писателей. Почему же при всей ясности пушкинского языка нам все еще многое непонятно в творчестве Лермонтова и часто кажется, что он противоречит себе? Прежде всего потому, что мы не знаем всех закономерностей лермонтовского словоупотребления. Даже там, где все кажется очевидным, где слово имеет на первый взгляд единственное значение, мы можем исказить мысль Лермонтова, понимая его речь буквально, прямолинейно.

В языке Пушкина мы не сталкиваемся постоянно с превращениями, которые приводили бы к распадению единого понятия на противоположные, как это происходило у Лермонтова. Лермонтовская разомкнутость понятий отлична от пушкинской определенности и законченности. Общеизвестное слово он расщепляет на контрастные омонимы (слова с противоположными значениями).

Обратимся, например, к слову *земля*. Оказывается, в поэзии Лермонтова «земля» (человеческий род) со всем, что в ней мило и ненавистно поэту, распадается на два противоположных по своему содержанию образа. Один символизирует жизнеутверждающее начало, второй становится олицетворением мрачных сил, приземленности, пошлости.

«Как землю нам больше небес не любить?»— восклицает Лермонтов в стихотворении «Земля и небо» (1831). Здесь земля — символ того, что близко поэту, с чем не хотел бы он расстаться. И почти в это же время в стихотворении «Ночь. II» (1830) земля названа «гнездом разврата».

С отрицательным значением образ «земли» встречается и в поэме «Демон», владевшей творческими помыслами автора почти до конца его жизни и имеющей восемь редакций. Уже в первых редакциях поэмы упоминается о людях, жителях земли. Но если там о них говорилось порой сочувственно, то начиная с пятой редакции образ «земли» наполняется новым содержанием, становится символом одних только порочных сторон жизни. Демон клеймит «бедную землю»,

Где носит все печать презренья,
Где меж людей, с давнишних лет,
Ни настоящего мученья,
Ни счастья без обмана нет.

В первых редакциях «дух зла» нес смерть существам совершенно невинным, теперь же заслуживающим презрения людям он угрожает лишь «пагубными» речами, убивающими веру.

В ранних редакциях Демон *грешным взором* созерцал земли пустынные равнины». В пятой же эпитетом *грешный* поэт

клеймит не «беглеца Эдема», а мир вокруг него: «Он взор, исполненный презренья, Вперил на грешный мир земной...».

Поляризация двух основных сторон единого явления (того, что в нем священно, и того, что порочно), разрастание каждой из этих сторон до размеров самостоятельного целого — обычный для Лермонтова прием позволял в данном случае сосредоточить огонь осуждения на всем пошлом и низком, собранном воедино. Напрасно Демона, презирающего «землю», пытаются представить человеконенавистником. «Дух зла» неповинен здесь ни в каком «расширительном применении» отрицания, в распространении его на весь объем явления, то есть на все человечество. Наоборот, происходит сужение понятий. Название целого явления (земли) присваивается теперь одной из его частей — тому отрицательному, что есть на земле.

Попытка осудить Демона за равнодушное, пренебрежительное отношение вообще ко всем смертным несостоятельна. Она возникает вследствие буквального истолкования встречающихся в поэме слов *люди, земля*. Нелестные отзывы, которыми Демон награждает эту землю, «где носит все печать презренья», вполне заслуженны. В контексте всей поэмы обвинения, которые Демон предъявляет «земле», должны восприниматься как справедливые, они совпадают с авторской оценкой. Ведь не только Демон, но и сам поэт называет земной мир «грешным», «развратным», чего не было в первых редакциях.

В более позднюю, шестую редакцию Лермонтов вводит новые строки о «ничтожном» земном мире:

Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

На «грешной» земле живет и героиня поэмы, которую полюбил Демон. Однако противоречия здесь не возникает. Дело в том, что по замыслу автора Тамара не принадлежит к этому греховному миру. Недаром именно ей Демон изливает душу, полную презрения к «миру развратному».

✱

Трактовка главного образа и, следовательно, идейного содержания поэмы не может быть успешной до тех пор, пока не решен вопрос о природе лермонтовской символики, об особенностях его поэтической «терминологии». Совпадение названий различных явлений вводит в заблуждение тех, кто надеется разгадать смысл

лермонтовского слова, взятого отдельно или в небольшом отрывке. Чтобы постичь язык Лермонтова, часто приходится одно лишь слово соотносить с целой системой образов, вникать в произведение во всем его объеме. Только таким путем можно определить, например, значение несущих большую смысловую нагрузку слов *гордость, свобода, мятежность*.

Начавшееся в пятой редакции расхождение «злого духа» с мировым злом не исчерпывается его отношением к «грешной земле». Демон приобретает теперь неизвестные ранее свойства, которые в совокупности образуют враждебное божеству начало, а следовательно, уже по одной этой причине должны быть признаны злом — именно так Лермонтов подходил к проблеме в ранних редакциях. В пятой редакции вместо того, чтобы осудить нового Демона, который свою энергию обращает против небесных сил, божеской добродетели, Лермонтов все более открыто выражает ему сочувствие.

Что же это за новые свойства «духа зла», и можно ли считать их приобретением именно пятой редакции? В облике Демона данной редакции поражают прежде всего его гордость и свободолюбие. Но разве их не было в первых редакциях? Они действительно были. И принято думать, что, найденные сразу, они переходили затем из редакции в редакцию, не меняя основного значения, что происходило их усиление, и Демон будто бы становился более гордым, более могучим. И в самом деле, определения «гордый», «свободный» и подобные им встречаются в поэме и в 1831 году и раньше.

Уже во второй и третьей редакциях «дух зла» не склонен был заключать мир с небом. Недолго длилось просветление, вызванное чувством любви. Отрадная картина блаженства и святости (ангел и монахиня) будила в «злом духе» ненависть, желание мстить. И ничто не в силах было помочь погрязшему в преступлениях. В финале второй редакции перед нами являлся все тот же Демон — «дух отверженья», «искуситель гений», «прелести творенья неопозволительный укор».

Во второй и третьей редакциях юный поэт огорченно восклицал:

Как жалко! Он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрых дел,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, может быть,
Внушил бы Демон сожаленье,
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.

Лермонтов опечален неудавшейся попыткой Демона вернуться к богу и тем самым исцелиться — вот смысл отрывка.

Таким образом, в трех первых редакциях добро и зло выступают в своем традиционном для того времени значении, как противоположные, но замкнутые в себя понятия. Зло остается абсолютным и неизменным независимо от того, привержен ли ему Демон или временно отделился от него.

Сочувствие к мучениям богоотступника говорило лишь о душевной щедрости автора, но никак не влияло на представление о добре и зле. Лермонтов пояснял поведение «духа зла». Между автором и его героем происходил как бы скрытый диалог, внутренний спор. Поэт не намерен был оправдывать зло, которое, по его мнению, проявлялось во враждебном отношении Демона и к людям и ко всевышнему. Как бы в ответ на соболезнования юного автора по поводу несостоявшегося «спасения» его героя (во второй и третьей редакциях) раздавались дерзкие слова Демона-искусителя:

Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.

И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.

Но какова цена такой гордости? Ведь он, этот ранний Демон, в отличие от Демона пятой и следующих за ней редакций решился враждовать с богом не ради избавления от всякой тирании. Он просто поменял одного властелина на другого: бога — на сатану, с которым оказался «связан клятвой роковой». Демон не был волен в своих действиях. Едва забрезжило просветление, способное рассеять его всепоглощающую ненависть, как он потопился спастись бегством, чтобы не прогневить своего нового повелителя:

Прочь-прочь от места, где впервые
Земные слезы уронил,
Нарушил клятвы роковые
И князя бездны раздражил...

Так в ранних редакциях разрушалось впечатление о могучей воле Демона, о его стремлении к свободе. Последовав за «гордым сатаню», Демон приобретал его черты, его адскую гордость, которая представляла собой не что иное, как ушорство в злых помыслах. Лермонтова печалила эта заносчивость, строитивость перед лицом божеской добродетели. Такая гордость мешала его герою исправиться, и поэт говорил о ней с горечью: «Как жалко...».

Все мы с детства знакомы с поэмой в ее окончательном виде. Задумав обратиться к первым редакциям, мы невольно переносим на раннего Демона черты, присущие более позднему варианту образа. Наблюдая, например, в Демоне первых редакций постоянные проявления гордости, порождающей непокорность, мы склонны считать ее той же самой гордостью, которая так привлекает нас в могучем, блистающем неземной красотой «духе зла» последних редакций.

Но гордость раннего Демона — это лишь отражение его мятежности, осужденной автором.

...Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум.
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд преступных, черных дум.

Так рассказывал поэт о «духе зла» в первых редакциях. Если восстановить в памяти весь контекст, смысл такой мятежности становится очевидным: в Демоне бунтовали темные силы.

Правда, в одном из первоначальных набросков к поэме Лермонтов заявил: «Как демон мой, я зла избранник». Но это было всего лишь признанием своего несовершенства, продиктованным повышенной требовательностью к себе. На словах уподобляясь герою, автор всем отношением к событиям поэмы опровергал такое тождество. Он сочувствовал Демону, но сочувствовал только нестерпимым мукам «злого духа», а вовсе не целям, во имя которых тот страдал. Это невольное участие, эта чуткость юного поэта, желающего всем добра, еще больше оттеняла злой нрав Демона.

Какие изменения произошли в поздних редакциях? Прежде всего устранен образ сатаны. Демон независим. С адом он больше не связан. Упоминание о роковых клятвах осталось, но вычеркнуты строки, в которых говорилось, что эти обеты он давал сатане. «Дух изгнания» не признает ни небесного добра, ни адского зла, живет

Угрюм и волею, избегая
И свет небес, и ада тьму...

Из поэмы исчезает отрывок в тринадцать строк («Как жалко! Он уже хотел На путь спасенья возвратиться»), в котором автор уповал на бога.

Здесь впервые появляется понятие «рабство». В противоположность другим понятиям, не избежавшим авторской переоценки,

оно заключает в себе одно, неизменное значение. «Рабство» — этот термин античной истории успел утвердиться в литературе, приобрести злободневный политический смысл в поэзии декабристов, в гражданской лирике Пушкина. Понятие «рабство» (вполне определенное, не подверженное в поэме Лермонтова никаким колебаниям) давало возможность выявить позиции двух враждующих сторон: Демона и бога. Рабство исходит от всевышнего и, следовательно, характеризует его как тирана. Оно распространяется, в частности, на Демона, который восстает против тирании бога, явившись

...меж рабов
Великому царю вселенной
В часы той битвы незабвенной,
Где на преступное чело
Проклятье вечное легло.

Это — повествование автора. И благодаря ему слова самого Демона, обращенные к монахине:

Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на меня роптать
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать,—

воспринимаются как искреннее выражение его свободолобивых устремлений. И хотя, беседуя с монахиней, Демон нередко пускает в ход и притворство, и явную ложь, но, объявляя себя противником рабства, он говорит правду: его слова подтверждены речью самого автора.

*

«Новый» Демон не губит «без всякой нужды» толпы невинных людей, как это было раньше. Теперь он не способен на такое прямое, бесцельное злодейство. А к «грешной земле» (образ, возникающий здесь впервые) Демон относится неприязненно. Он противостоит ее мелочному злу. «Дух отверженья» ненавидит рабство. И, действительно стремясь к свободе, он уже не зависит от сатаны и не желает служить всевышнему, который из праведного судьи, не чуждого милосердия (каким он был в ранних редакциях) превращается в деспотического правителя мира.

Сопровождающие образ Демона эпитеты *грешный, нечистый, завистливый, коварный*, обозначающие конкретные проявления порока и вызывавшие осуждение, в поздних редакциях затрагивают лишь вполне определенную сторону образа — отношение героя к монахине — и нисколько не порочат его тираноборческих устремлений.

Не только отдельные слова, но даже целые отрывки, попав в новые условия, оказываются полностью переосмысленными. «Новый» Демон повторяет слова, которые он произносил в ранних редакциях:

И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья...

Но теперь они воспринимаются иначе. Лермонтов не сожалеет больше о том, что «дух изгнанья» не раскаялся. Гордость Демона становится оправданной. Его стойкость перед лицом всемогущего владыки вызывает восхищение. Изменившийся смысл этих слов Демона подтверждается и авторским мнением. До сих пор о своей гордости говорил лишь сам «дух зла», искушая монахиню. В пятой редакции, в самом начале ее, Лермонтов, представляя Демона читателю, предупреждает:

Он с гордым встретил бы челом
Прощенья глас, как слово казни...

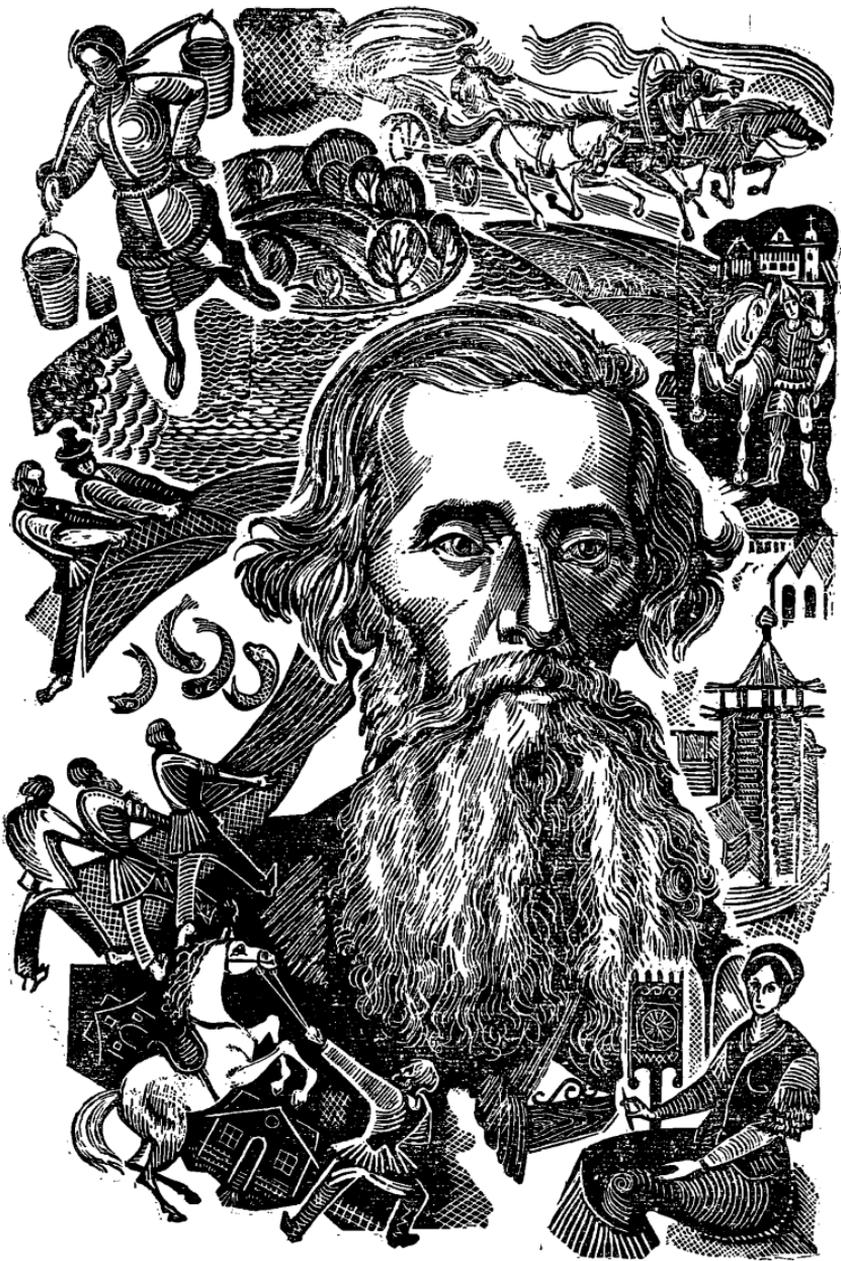
Лермонтов открыто ставит вопрос о правах личности, ее проснувшемся самосознании, о чувстве достоинства. Идея справедливого мятежа против тиранической власти бога появляется именно в пятой редакции. Становится ясно, что не всякое бунтарство можно объявить злом.

После того как мятежность Демона признана благом, постоянно сопутствующее изгнаннику определение «злой» теряет отрицательную окраску в том случае, когда «злом» именуется необходимая, оправданная месть. «С небом гордая вражда» — эти слова, восхитившие Белинского, появятся в поэме позднее, но основной перелом совершился уже в пятой редакции.

Не давая нового названия изменившемуся, переходящему в свою противоположность понятию, поэт заставляет читателя сначала усомниться и наконец возразить: какое же это зло, если в нем столько привлекательного? Поэт не навязывает своих выводов, он подводит к ним читателя, побуждая переосмотреть привычные позиции.

Такой способ переубеждать был действеннее и нужнее, чем прямое разоблачение. Характерным свойством образного мышления поэта (которое невозможно отделить от специфики языковых средств его произведений) является переосмысление прежней лексики, наполнение привычных слов новым содержанием.

*Кандидат филологических наук
А. Д. ЖИЖИНА*

КАЗОЧНИК

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

Я думаю по-русски

В. ДАЛЬ

Владимир Даль известен как составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», но немногие сейчас знают что Даль также автор когда-то широко популярных русских народных сказок, вышедших в 30-е годы XIX века под псевдонимом «Казак Луганский». Даль писал: «Я задал себе задачу познакомиться земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому открывается такой вольный простор и широкий разгул в народной сказке... Сказочник хотел только на первый случай показать небольшой образчик... запасов, о которых мы мало или вовсе не заботимся, между тем как рано или поздно без них не обойтись».

По свидетельству современников, сказки Даля «были с восторгом встречены лучшими писателями того времени; особенно Пушкин был от них в восхищении. Под влиянием... сказок Казака Луганского он написал лучшую свою сказку „О рыбаке и золотой рыбке“ и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи с надписью „Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин“».

Но не только пропаганда «запасов» народного языка вызвала к сказкам большой интерес у современников. Сказки содержали в себе сатиру на царскую Россию. Так, в сказке «О Иване, молодом сержанте, удалой голове» действие происходит в «самодержавном царстве», царь которого «как медведь в лесу дуги гнет: гнет — не парит, переломит — не тужит!». Советники царя «празднолю-

бивые, сердобольные» маршал Кашин, генерал Дюжин, граф Чихирь Пяташная Голова — «все, по владыке своему, на один лад, на тот же покрой — все наголо бездельники». И царь и советники — угнетатели. Они задают Ивану непосильные задачи, отбирают заслуженные награды, желают ему смерти. А Иван служит царю «под оговором, под клеветою, верою и правдою, как служат на Руси». В другой сказке, — «О похождениях черта-послушника Сидора Поликарповича» — Даль показал военную и морскую службу в царской России такой, какова она есть. Эту службу не выдерживает даже черт.

Сказками Казака Луганского заинтересовалось правительство. По инициативе Булгарина начался поход на сборник. Автор был заподозрен в неблагонадежности и по приказу Николая I арестован, а сборник сказок конфискован. Объясняя причину ареста, Даль говорил: «По указанию Булгарина обиделись Пяташные головы... оскорбились и такие, которым цена была целая гривна без вычета». Только по просьбе В. А. Жуковского, бывшего тогда воспитателем царского наследника, Даль был освобожден.

«Не сказки сами по себе были мне важны, — писал Даль, — а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — сказка послужила предлогом». Сказка Даля имеет традиционно-сказочное построение. Она начинается с присказки, настраивающей слушателя на определенный лад, но с присказки своеобразной: «Сказка из походов слагается, присказками красится, небылицами минувшими отзывается, за былями будничными не гоняется; а кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневается, языка доморощенного не пугается; у меня сказочник в лаптях; по паркетам не шатывался, своды расписные, речи затейливые только по сказкам одним и знает».

В присказке раскрывается взгляд Даля на народный язык. Сказочник предупреждает, что его сказка предназначена не для придворного слушателя, а для слушателя, который не чуждается «языка доморощенного». В сказках широко представлены собственные русскому народному языку уменьшительные слова (кручинушка, головушка, сторонущка), фонетические особенности народной речи (скупался, сымать, вишь), деепричастные формы на *учи-ючи* (сидючи, глядячи, живучи), тавтологические сочетания (рад-рад, тьма-тьмуца, руки-ноги, смехи-потехи), встречаются и диалектизмы. Причем диалектизмы употреблены так, что читателю ясно по контексту, что, например, слово *шабр* синонимично слову *сосед*: «Кузя поглядел на него искоса, стал опять разгребать сор поодаль от шабра, от соседа...»; слово *бирюк* — *волк*:

«Серый волк, по-тогдашнему бирюк... побрел наконец на мирскую сходку» и т. д. Диалектизмы некоторых предложений сопровождаемы сносками: «Чего *талы* (глаза) натарашил на меня, *блябла* (оплеуха) те в ухо, чтоб тебя *комуха* (лихорадка) в *ромух* (тряпица) свернула! Чоб тебя *уроца* (упрямец) в *вицу* (хворостина) иссушила да *шоры* (индейки) и *ильки* (цыплята) пупочки с тебя посклевали!».

Диалектизмы Даля очень нравились А. С. Пушкину. Незадолго до смерти Пушкин «услыхал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывает с себя змея, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток, с грустью сказал Дально: „Да, вот мы пишем, зовемся также писателями, а половины русских слов не знаем! Какие мы писатели? Горе, а не писатели! Зато по-французски так нас взять — мастера“. На другой день Пушкин пришел к Дально в новом сюртуке. „Какова *выползина?*“ — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом.— „Ну, из этой выползницы я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу, что и ты не охнешь, не отыщешь ни одной французятины...“. Через несколько дней Пушкина *ье* стало. Случилось же так, что Пушкин был ранен в этом самом сюртуке. И когда в предсмертной борьбе отдал он Дально свой талисман [перстень], дрожащим, прерывающимся голосом промолвил: „Выползину тоже возьми себе“. Этот сюртук с дырой от пули в правой доле долго хранился у Даля».

Особое внимание следует обратить на своеобразное использование Далем разговорной фразеологии, так как это в основном и отличает его сказочное творчество от творчества других писателей-сказочников. В сказках часто встречаются сложные предложения, фразы, целиком состоящие из пословиц и поговорок на определенную тему: «А царедворцы его — кто взят из грязи да посажен в князи; кто и велик телом, да мал делом; иной с высокоу, да без намеку; тот с виду орел, да умом тетерев, личиком беленок, да умом простенок, хоть и не книжен, да хорошо острижен; а которые посмышленее, так все плуты наголо, кто кого сможет, тот того и гложет, ну, словом, живут — только хлеб жуют, едят — небо коптят»; «Есть притча короче носа птичьа: жениться — не лапть надеть, а одни лапти плетутся без меры, да не на всякую ногу приходятся! И истинно жена не гусли: поигравши, на стенку не повесишь, а с кем под венец, с тем и в могилу, — приглядись, приноровись, а потом женись; примерь десять раз, а отрежь один раз; на горячей кляче жениться не езд!».

Нередко в авторском повествовании встречается такая характерная деталь народного языка как пословичный комментарий.

Сказочник как бы живет со своими героями, взволнованно переживает их радости и горести: «...Отец.. накупил сладкого и горького, квашеного и соленого: а он, вишь, держался русской поговорки: пей кисло, да ешь солено, так на том свете не сгниешь»; «...Два наемных резника с кистенями, с ножами бросились с остервенением ему навстречу... Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал; им бы выждать, покуда он взойдет в тесные ворота дворцовые, и захватить его сзади, а они, не поглядев в святцы да бух в колокол, поспешили, людей насмешили, вышли рано, да сделали мало»; «Иван подумал, да и отдал гусли; коротки ноги у миноги на небо лезть!».

В «Автобиографических записках» Даль писал: «Прадеды мои по отцу были датчане и отец датчанин, вызванный Екатериной из немецкого университета (кажется из Иены) в библиотекари». Биограф Даля П. И. Мельников-Печерский вспоминает: «...В каком-то, не помню, журнале напечатано было о славянах в Дании. Там было упомянуто о славянах Далях. Надо было видеть восторг Владимира Ивановича при этом известии!». Около того же времени поднялся в печати вопрос о немцах прибалтийского края. В это время дерптские друзья Даля требовали от него категорического ответа: кто он — русский или немец. Вот что писал он им: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности... Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски».

Сказочник Казак Луганский — балагур, выдумщик. Замысловатые русские присловья, остроумные намеки, рифмованные шуточки — его родная стихия: «— А что, ребята, какой ныне у нас день!.. — А ныне трынка-волынка-гудок, прялка-моталка-валек, да матери их Софии,— отвечал косолапый Терешка, облизываясь»; «А мы, люди темные, не за большим гоняемся, сказками потешаемся, с ведьмами, с чародеями якшаемся»; «...Стоит девица Катерина, что твоя красная малина! Разодетая, разубранная, как рязеная суженая!».

Белинский писал о Дале: «К особенностям его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее на корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком. И — боже мой — как хорошо он знает его натуру. Он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком».

В. В. КАСАРКИН

люция, Поэтохроника» (1917). В этой поэтохронике говорится:

Виджу —
оттуда,
где режется небо
дворцов иззубленной линией,
взлетел,
простерся орел самодержца,
черней, чем раньше,
злей,
орлинее.

Но вот «стоглавая лава» зубами штыков вгрызается «в двуглавого орла императорского черного тело». Вся эта часть идет еще под знаком:

Горе двуглавному!..

Далее события нарастают все стремительнее:

Смерть двуглавному!
Шейщи глав
рубите наотмашь!
Чтоб больше не бжил.

В борьбе с царизмом уничтожается и аппарат подавления, притеснения народа. Этот аппарат символически представлен как «черные орлиные перья»:

Пучками черных орлиных перьев
подбитые падают городовые.

В стихотворении «Февраль» (1927) Маяковский прибегает к метафоре, построенной на материализации понятия орла:

И с неба
будто окуроч на пол —
ободранный орел
подбитый пал,
и по его когтям,
по перьям
и по лапам
идет
единого сменившая толпа.

Широкий переносный план осмысления этой метафоры совершенно очевиден: с высоты политической власти (с неба), (на пол) пал царь, его династия, которую растоптал народ-борец, народ-победитель. Сравнение орла с окурком усиливает, заостряет семантически и стилистически сниженное звучание образа.

Ранее речевой образ этого же плана встречается в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924), где его сатирическое заострение связано еще с глаголом *сплюнули* (их династию):

Империализма прорва!

* * * * *

Ты
 восставшею Росслей прорвана
 от Тавриза
 и до Архангельска.
 Империя —
 это тебе не кўра!
 Клювастый орел
 с двухглавою властью.
 А мы,
 как докуренный окурок,
 просто
 сплюнули
 их династью.

В стихотворении «Екатеринбург—Свердловск» (1928) двупла-
 новость значения слова *орел* формируется при сатирическом изо-
 бражении Колчака:

Октябрь
 из шахт
 на улицы ринул,
 и...
 разослала
 октябрьская ломка
 к чертям
 орлов Екатерины
 и к богу —
 Екатерины
 потомка.
 И грабя
 и испеceleяя,
 орда растакая-то
 прошла
 по городу,
 войну волоча.
 Порол Пепеляев.
 Свиристествовал Гáйда.
 Орлом
 клевался
 верховный Колчак.

Прямое значение слова *орел* служит здесь лишь основой фор-
 мирования переносного значения — указания на связь Колчака с
 двуглавым царским орлом и на проявление в действиях Колчака
 хищнической сути царизма.

Сатирически дается речевой образ, связанный с фразеологиз-
 мом «двуглавый орел» и в стихотворении «Корона и кепка» (1927).
 Фразеологизм сначала используется для характеристики безгра-
 ничной власти царя. Стихотворение начинается так:

Царя вспоминаю —
 и меркнут слова.
 Дух займет,
 и если просто «главный».

стилистически сниженный: «обе шеи помяты» — ассоциативно связывается с фразеологизмами «выгнали в шею», «дали по шее» царской монархии. Уничтожена и хищническая природа царизма: «поломан клюв», «острижены когти». Экспрессия гротеска при характеристике царского герба заключена и в слове *ворона* (сниженный образ) и в сочетании, относящемся к другим атрибутам царской власти: «истрепанные царские монетки».

В стихотворении «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926) образ орла очень интересно включен в многоплановую метафору:

Здесь
дела по горло,
рукав по локти,
знамена неба
алы,
и соколы —
сталь в мсторном клёкоте —
глядят,
чтоб не лезли орлы.

За образом сокола-самолета виден образ сокола — борца за свободу, защищающего наш советский строй, наш «красный герб» от приверженцев царизма, двуглавого царского орла.

Не чище ль
наш воздух,
разреженный дважды
грозою двух революций!

И в этом воздухе парят соколы, которые «глядят, чтоб не лезли орлы». Речевой образ сокола в контексте всего стихотворения ассоциируется с горьковским «парящим соколом»; в первых частях стихотворения поэт вспоминает горьковского сокола, противоположного ужу: «парящий сокол» — «ползущие ужи».

Таким образом, рассмотренные фразеологизмы, органически включающиеся в систему выразительных средств поэзии Маяковского — поэзии, направленной на утверждение нового мира и беспощадную борьбу с врагами революции, указывают нам на богатства и многоплановость ее звучания как поэзии, рожденной революцией.

И. М. ПОДГАЕЦКАЯ
Ворошиловград

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Исправьте предложения

1. Они долго спорили в тот раз по работе спортсекции клуба.
2. Организаторам вечера следовало поручить разработку программы.
3. Товарищи обсуждали пути улучшения организации соревнования в труде.

II. Подберите синонимы к словам

бойкий, волнение, дума, облить, покос

(Ответы на стр. 79)

УРОК ПОЭТАМ

Сыр-бор загорелся из-за слова в песне.

Елена Ивановна, заведующая учебной частью средней школы, опытная, уже в годах учительница, запретила хорошему кружку петь песню «Кони-звери».

— Не знаю, как кому,— призналась Елена Ивановна,—

а мне, выросшей в деревне, бывает стыдно, когда коней называют не вороньими, как полагается, а черными, как кошек и коров. В песне — и смех и грех — «кони черные».

В тот день я встречался в школе с читателями своих книг.

— Рассудите нас,— обратилась ко мне прямо при всех руководительница хора,— можно ли петь песни с искаженными словами?

В это же время мне подали записку: «Петр Петрович, посоветуйте, пожалуйста, нашей Елене Ивановне не подрывать авторитет поэтов. Всем известно, как очень хвалил Максим Горький есенинское стихотворение „Песнь о собаке“. А Елена Ивановна и восхищается этим произведением и зачем-то добавляет, что в нем ошибка. По поводу слов про собаку „А когда чуть плелась обратно, слизывая пот с боков“ она обычно замечает ученикам, что поэт допустил неточность: собаки не потеют, у них нет потовых желез».

Наша беседа приняла любопытнейший характер. Я, конечно, как мог, попытался доказать правоту Елены Ивановны и был рад, что ее забота о чистоте русской речи восхитила всех. Даже участники хора перестали обижаться за нарушение архитектоники концерта.

*Петр Дудочкин
Калинин*

Вот картина:

«Раннее сентябрьское утро занималось в горах. Солнце еще было где-то далеко за ледниковыми вершинами первых появившихся на горизонте белков, а уже полнеба было охвачено таким пожаром, что казалось, — и нестерпимо, до рези в глазах блестявшие снежные хребты и вся горная тайга пылали неугасимым огнем.

Приученные кони сами сбавили бег и начали осторожный спуск в крутое, наполненное каким-то басовым рокочущим гулом ущелье.

Алеша, до половины высунувшись из кибитки, смотрел и на величественную панораму объятую багровым пожаром неба, и на сияющие золотыми гребнями снежные хребты, и на клубящиеся туманами таежные пади и распадки.

Ширококрупный саврасый коренник, под самую дугу вскинув гривастую голову, оседаая на задние ноги, все спускал и спускал кибитку в глубокое шумящее ущелье. Спуск шел спиральями. За одним из поворотов глазам Алеша сверху донизу открылась противоположная сторона ущелья с целым каскадом причудливых скал, покрытых прекрасным смешанным лесом. У подножий их бурлили, пенились, как кипящее молоко, ключи.

Словно бьющие из скал, из корневищ деревьев, десятками рукавов неслись они по ущелью, образуя множество живописных островов, заросших высокими березами, рас-

**С Л О В О
П И С А Т Е Л Ю**

М. ШКЕРИН

С Л О В О М

кидистыми, хваченными уже осенней киноварью тополяме и осинами вперемежку с елями, ракетами и таким толстым и высоким красноталом, какой только, видимо, и могла выгнать эта плодороднейшая, пропитанная живой водой алтайская земля.

Это из романа Ефима Пермитина «Первая любовь».

Картина будто писана кистью, красками, — широкое, многоцветное, романтически волнующее полотно. Нам даже кажется, что мы не только видим все, что тут изображено, но и слышим доносящийся из низин ущелья рокошущий гул множества горных ключей.

Разговор о живописи словом я сознательно начал с пейзажа. Сравнение с полотном живописца тут наиболее наглядно. Но слово как средство художественной изобразительности имеет безграничные возможности. Словами можно писать не только пейзажи и всякие иные видовые картины, не только портреты людей и массовые сцены (как на полотне красками), а и противоречивые, еле уловимые движения души человека. Именно: не просто душевное состояние человека в какой-то данный момент, а движение его чувств и мыслей, их отражения в лице, в жестах, в поступках.

Непревзойденным мастером живописи чувств остается Лев Толстой. Перечитайте, к примеру, те страницы «Войны и мира», где изображаются первые встречи Пьера с Элен. Пьер давно знал эту великосветскую красавицу и

был к ней совершенно равнодушен. И вот однажды за несколько минут все переменялось. Что же произошло? Он сидел с нею рядом, случайно нагнулся над ее полуобнаженной в модном платье спиной и впервые «видел и чувствовал всю прелесть ее тела».

«Пьер опустил глаза, опять поднял их и снова хотел увидеть ее такую дальнею, чужою для себя красавицею, какою он видел ее каждый день прежде; но он не мог уже этого сделать. Не мог, как не может человек, прежде смотревший в тумане на былинку... снова увидеть в ней дерево. Она была страшно близка ему. Она имела уже власть над ним».

У нас часто пишут о богатстве или бедности языка того или иного писателя. Подразумевается обычно при этом словарный запас — велик или мал он. А между тем богатство языка — применительно к художественному творчеству — вовсе не равнозначно богатству словарного состава. Заучивание, запоминание слов в конце концов дело механическое. Есть люди (в том числе писатели), которые держат в памяти огромный запас слов, а пишут так, что читать неохота.

Словарный запас всего лишь потенциальная возможность для художника, все равно что краски для живописца. Пользуясь красками всем известных цветов, талантливый живописец создает бесчисленное множество полутонов и пишет шедевры. Талантливый писатель, пользуясь всем известными словами (а не какими-то особенными, редкими), создает волнующие художественные образы.

Стало быть, талант? Да, конечно. Но талант ведь тоже всего лишь потенциальная возможность. Талант, если он не отшлифован знаниями и опытом, ничего не стоит. Для того чтобы талант раскрылся в творчестве, он должен быть хорошо вооружен. Поскольку речь идет о словесном художественном творчестве, вооружением является язык во всех его тончайших проявлениях.

Изучить тот или иной язык — дело не хитрое. Нужно проявить лишь прилежность и настойчивость, и через какое-то время будешь говорить без акцента и вполне грамотно писать. Но для художественного творчества такого знания языка недостаточно. Писатель-художник должен чувствовать язык, знать его бесчисленные секреты и — как бы это сказать? — потайные возможности. В русском языке их, может быть, больше, чем в каком-либо другом.

Вот самые элементарные примеры из произведений Пермитина: «Мужик! А я его хочу — так ем, хочу — по-солю да сварю», — говорит Матрена Погонышиха о своем муже (Горные орлы); «Керосин-то нынче в сапожках ходит», — говорит Нефед своему братишке Зотику; «Должно, утюжит Пестимею Мокейша, — обрадованно мелькнуло в голове Митриевны» (Когти).

Иной иностранец, недурно знающий русский язык, пожмет плечами: что за абракадабра! Не может быть, чтобы эта Матрена была людоедкой... И керосин — как он может «ходить» да еще в сапожках! А слова «утюжит Пестимею» иностранец, конечно, истолкует в том смысле, что изверг Мокейша бьет женщину утюгом... Ему будет только непонятно, чему при этом радуется Митриевна.

А русский человек воспринимает подобные обороты живой речи не только без затруднений, а с величайшим наслаждением. Мы при чтении с удовольствием задерживаем взгляд и на таких выражениях: «Пиво пить да плясать — не лен чесать, спина не заболит»; «Песни на нем, на воре, возить, а не в общественное дело впрягать»; «Два века не проживешь: смерть причину найдет»; «Нет уж, видно, Митьша, не срубить дубка, не надсадя пупка» (Горные орлы; Когти).

Приглашаю читателя заметить, что приведенные выше обороты живой речи образованы из самых-самых обыкновенных, всем известных слов. Богатство тут не в уникальности словарного состава, а в самих оборотах, то есть в сочетании «рядовых» слов, образующих сочные, метафористические и афористические выражения.

Литературное художественное творчество глубоко национально по своей природе, так как целиком основано на языке. По этой причине советская литература и является многоязыковой. Сколько национальностей, столько и литератур. Тут будет к месту напомнить, что история мировой литературы не знает, пожалуй, ни одного случая, когда бы в великое художественное произведение было создано на чужом для писателя языке. Греки Эсхилл, Софокл, Еврипид и другие писали свои великие произведения по-гречески, великие английские писатели — по-английски, французские — по-французски, а все великие русские писатели писали по-русски, хотя говорили большей частью по-французски. И это, конечно, не случайно.

Каждое слово в языке любой национальности имеет бесчисленное множество самых разнообразных оттенков,

трудно уловимых для человека другой национальности. Одна и та же фраза, сказанная при различных условиях людьми разных характеров, произнесенная с разными интонациями, сопровождаемая разными жестами, мимикой, взглядами, может иметь десятки разных смыслов! Точный смысл родного слова человек чувствует в каждом данном случае, ибо слово всегда связано с конкретной национальной действительностью — с обычаями, нравами, мелкими и мельчайшими привычками людей, с их психическим складом, с социально-экономическим строем жизни.

Поэтому изучить чужой язык во всех его тонкостях, со всеми его секретами и тайнами едва ли возможно. Человек, пишущий на чужом языке, как правило, применяет слова лишь в прямом их значении. Для деловых бумаг и даже газетных статей этого вполне достаточно — грамотно, понятно, чего же боле?

Вот еще эпизод из повести Пермитина «Когти»:

«Старик спросил:

— Замерз, поди, в кожанчике?

Маленький, с вздернутым носиком, с крупной родиной под правым глазом, растопырил над огнем красные пальцы и сощурился от разливавшейся теплоты.

— В эдакой-то куртке — да я на Северный полюс! А вы говорите замерз, — чакая зубами, возразил маленький».

Прямой смысл слов, какие говорит парнишка в кожаной куртке, — ему не холодно. А мы видим, что это не так. Совсем задрог бедняга. Отрицая это, он вовсе не хочет уверить старика, что не замерз, если руки к огню тянет и зубами чакает. Он лишь себя подбадривает.

В строении диалога большую роль играют авторские пояснения к живой речи персонажей. Вот эпизод из романа Анатолия Иванова «Повитель».

Гришка Бородин только что похвалялся перед сверстниками могучестью своих пальцев. «Что уж возьму — намертво. Никто не выдернет, не отберет.

— У тебя вся сила в руках, как у рака в клешнях, — заметил Андрей Веселов, рябоватый парень с густыми и жесткими, как конская грива, волосами. — А ударь тебя щелчком по лбу — ты и с копыт долой. Только в воздухе ногами брыкнешь.

— Я те ударю, — вдруг огрызнулся Григорий.

Его небольшие круглые глаза недобро поглядывали откуда-то из глубины, из-под нависшего плоского лба,

ноздри раздувались, а нижняя челюсть неестественно выдвинулась вперед.

— Что же, попробовать можно, — лениво отозвался Веселов.

— Я те попробую, — тем же тоном проговорил Григорий, но, видя, что Веселов поднимается, трусливо сделал несколько шагов назад. — Но... ты... рябой дьявол».

Почти весь пассаж выдержан в тоне воинственности Григория: «Я те ударю.. Я те попробую». И о силе его рук говорится. Можно было ожидать, что он покажет себя смелым человеком. И вдруг — авторское пояснение: «но, видя, что Веселов поднимается, трусливо сделал несколько шагов назад». Оказывается, он только на словах воинственный.

Очень многозначительно и пояснение автора к словам Веселова: на вызов Григория он «лениво отозвался», то есть без угроз, без бравады, с полным сознанием своего превосходства. Так в кратком выразительном диалоге обрисованы контуры двух противоположных характеров.

Авторские пояснения к живой речи персонажей выполняют и другую важную роль: они дают читателю представление о том, как сказаны те или иные слова, какой смысл в них вкладывается говорящим. А в иных случаях раскрывают недосказанное. В этом смысле характерна сцена завязки сюжета «Повители»:

«Петр Бородин кинулся в сараюшку, где заранее припрятал бутылку самогона для коновала, а рядом с ней небольшой пузырек с темной жидкостью. Торопливо разрыв трясущимися руками солому. Бутылка была на месте, пузырек исчез.

С минуту Петр сидел на соломе растерянный, красный, пытаясь что-то сообразить. Потом тихо, потеряв неожиданно голос, позвал:

— Арина!.. — И погромче: — Ари-ина!!

Жена вошла в сарай с огорода. Завидев ее, старик молча встал, медленно, не разгибаясь, будто крадучись, подошел к ней. Глаза его сделались круглыми, остро поблескивали в полумраке. Молча он схватил жену за горло крючковатыми пальцами. И уже потом прошепел:

— Ты?.. С-стерва!..

— Брось... все... брось... Я его в озеро...».

Бородин нацелился убить бродячего коновала. С этой целью и яд для него в пузырьке приготовил. Вот придет

в очередной раз коновал за самогонкой, он ему отравленную и подсунет... Коновал пришел, а пузырек с ядом пропал. Рушится давно выношенный дьявольский план. У коновала — золото. Случай может не повториться...

Приведенная сцена отличается крайним психологическим напряжением и наглядной картинностью. Как Бородин выглядит, тут не сказано. Упомянуто лишь — старик. Но мы отлично видим, как он трясущимися руками расшвыривает солому, как присел потом — «растерянный, красный», — и как, «потеряв неожиданно голос», тихо позвал жену, а когда та явилась, молча схватил ее за горло «и уже потом прошипел: — Ты?.. С-стерва!..». Заметьте, он ничего ей не объясняет и вроде бы неизвестно, о чем спрашивает, но жене и так все ясно. Похитив пузырек, она хотела предотвратить убийство, и теперь, когда муж позвал ее в сарай, поняла — зачем и не переспрашивает, а говорит: «Я его в озеро...».

Книги Анатолия Иванова отличаются напряженностью диалога. Об этом можно судить и по приведенным выпискам из «Повители» и по роману «Тени исчезают в полдень». Живая речь главных действующих лиц у него индивидуализирована характерами. Об этом стоило бы написать подробно, но тут я вынужден ограничиться лишь упоминанием, что у Иванова можно поучиться строению диалога. Сейчас мне хотелось обратить внимание на одну редкую особенность живой речи некоторых персонажей Анатолия Иванова: таинственную многозначительность. Вот пример.

Хороший работающий колхозник Фрол Курганов однажды «вскипел неизвестно почему» и принародно, со злостью сказал председателю колхоза Захару Большакову:

«— От руководства спина не болит!».

Упрек был совершенно несправедлив и потому жесток. Большакова все знали как честного самоотверженного коммуниста, умного руководителя. Но Фрола никто из колхозников не осмелился одернуть — его все побаивались, — только старик Анисим «насмешливо сказал, мотнув бородежкой в сторону Фрола:

— Грех да позор — как дозор: хошь, не хошь, а нести надо».

Что кроется за этими таинственными словами старика Анисима? Или ничего не кроется? Взбрело вот на ум и сказал... Нет, слова сказаны не зря. Вслед за ними в романе идет такой текст:

«А Фролу, видимо, было бы легче, если бы вместо каждого слова ему вбили в голову по раскаленному до бела гвоздю. Он пошатнулся и, обмякнув, сел, как упал, на кошенину, будто его в самом деле ударили по голове. Глянул на балаган, куда скрылся Устин Морозов, и медленно сник как-то, сжался, стал смотреть вниз».

Стало быть, за туманными, таинственными словами Анисима кроется что-то очень-очень значительное, и Фрол это понял. Мы не поняли, а он понял. И слова эти сразили его. А почему он «глянул на балаган, куда скрылся Устин Морозов»? И почему сник и при этом сжался? Уж не примешан ли и Устин к чему-то, на что намекнул старик Анисим? Все так и есть, но читатель узнает об этом позже... В романе «Тени исчезают в полдень» этот прием таинственной многозначительности применяется автором неоднократно и всегда плодотворно.

Мне уже доводилось писать о романе Алексея Черкасова «Хмель». Произведение это редкой художественной силы — и по сюжету, и по ярким самобытным характерам, и по языку. В данном случае я обращаю внимание только на язык: сочный, картинный, впечатляющий. Это относится и к мастерски построенным диалогам, и к повествовательному тексту. Последнее я считаю особенно важным, так как язык повествования в произведениях многих даже очень талантливых писателей заметно бедней языка диалогов. Это, наверное, заметили и читатели. Язык «Хмеля» богат равно в диалогах и в повествовании. Вот, смотрите:

«Чуждо и дико гремело железо в ковыльном безмолвии. „Тринь-трак, тринь-трак“, — слышались кандалные звуки. Степь и степь... Как моря синь, как неоглядная голубень июльского неба, равнинная степь. Хоть бы лесная опушка, кустик ли — кругом голым-голо. Хоть бы капля дождя упала на отвердевшую, как камень, местами лысую землю с выступающей солью солонцов».

Человек, закованный в кандалы, брел степью неведомо куда, не чая, выйдет ли к чему живому или упадет и никогда уже не подыметя».

Это первые строки романа. Величаво-печальная картина, от которой не оторвать глаз. Элегия в прозе, как бы сказал Белинский. И можно поручиться, что читатель уже захвачен и не отступится от книги, пока не перевернет последнюю страницу.

А вот о русской женщине старых времен:

«Сказывают старообрядцы: судьбами людей наделяет бог с высоты седьмого неба. Еще толкуют: в одной руке у бога судьба, а в другой — горячая, как пламя, любовь, какую редко кто из баб ведает на святой Руси. Точно богу известно, что русской бабе любовь ни к чему, — некуда ее употребить. Как вышла замуж, народила детисшек — тут и конец бабьей любви. То свекор ворчит, то свекровка клюкой стучит, то мужинек попадетя — ни колода, ни вода у брода. Перешагни — не встанет, перебреди — груди не замочит».

Право, это хочется запомнить наизусть, как былинные стихи. Тут и мысль и чувство, и печаль и радость, и слеза и улыбка. Бездна поэзии. А в контексте романа этот фрагмент имеет еще большую художественную силу, чем выписанный вот так, отдельно, — и он предваряет переживания главной героини Ефимии.

У Алексея Черкасова редкий дар: он умеет немногими словами очень точно изобразить видимое и невидимое. Вот, к примеру: «На улицах куражился мороз — колючий и жесткий, сизый в накале, железный. Они шли двое — чужие и близкие; снег сухо скрипел под ногами».

К сожалению, таких богатых по языку произведений, как романы и повести Ефима Пермитина, Анатолия Иванова и Алексея Черкасова, у нас ныне немного. Читаешь роман иного писателя и думаешь: уже не перевод ли с иностранного? — так «окнижен» язык. Слова большей частью иностранные, еле-еле прижившиеся к русскому, канцелярские, технические, а слог, строй речи — какой-то ненашенский. Интерес к чтению такого произведения в лучшем случае поддерживается сюжетной интригой. А если и сюжет слаб, то и читать неохота.

Но, странное дело, как-то уж так у нас повелось, что когда пишут о новых книгах, менее всего обращают внимание на их язык, будто это что-то второстепенное, и нередко случается — превозносят до небес именно те произведения, которые напоминают перевод с иностранного.

Досадно, несправедливо и опасно. Опасно за нашу молодежь. Было бы бедствием, если бы наши юноши и девушки усвоили себе (на всю жизнь!) этакий волашок, составленный из варваризмов, канцеляризмов и техницизмов.

ЗНАК УДАРЕНИЯ

Кíжи или Кижй́?

Наверное, многие из читателей решали для себя этот вопрос. Я столкнулся с ним летом прошлого года в Петрозаводске, в двух шагах от замечательного ансамбля. И что интересно, когда я произносил Кíжи, одни меня поправляли — Кижй́, когда же возвращался к привычному Кижй́, другие говорили: «Не Кижй́, а Кíжи». В справочной краеведческой литературе, как ни старался, указаний на правильное ударение в этом слове не нашел. Из этого случая я вынес два стойких чувства: неприязнь к любителям исправлять чужое произношение и досаду на наши издательства, пренебрегающие простым, но часто так необходимым типографским значком — знаком ударения.

Нет, указатель ударения — не мелочь! Наряду с театром, кино, радио, телевидением основным, наиболее действенным и массовым средством культурного воздействия остается печать. В русском языке ударение разноместно и подвижно, поэтому далеко не всегда ясно, с каким ударением следует произносить слово или его форму. Наша печатная продукция, за незначительным исключением, равнодушна к произносительным затруднениям читателя. Раскройте любое из популярных изданий, прямое назначение которых — повышение культуры масс, и вы не встретите ни одного знака ударения, предупредительно и кстати сообщающего вам верное произношение слова.

Для наглядности приведем примеры наиболее нуждающихся в этом знаке слов хотя бы из брошюры И. М. Мулло «Памятники и памятные места Карелии» (Петрозаводск, 1965). Вот некоторые топонимические названия: дер. Ко-

салма (здесь похоронен выдающийся русский языковед академик Ф. Ф. Фортунатов), дер. Самбатукса (здесь, на месте боя, водружен танк в память о героизме погибших советских воинов), Питкяранта, Лахденпохья, Кестеньга (монументы и обелиски на братских могилах и воинских кладбищах).

А если взять термины старинной деревянной архитектуры Севера: причелины, полотенца, шеломы-охлупки, косячатые двери, постройка «кошелем», тябло... Всякому, видящему все это воочию, хочется надолго, на всю жизнь запомнить ароматные слова седой Руси. Но у каждого ли есть уверенность, что они звучат для него верно?

Конечно, существуют энциклопедия (отрадно отметить, кстати, что в выходящем сейчас 3-м издании БСЭ ударение указывается на каждом слове) и энциклопедические словари, словарь-справочник «Русское литературное ударение и произношение» АН СССР, наконец, «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (изд-во «Советская энциклопедия»). Но отсылать к этим справочникам (которые не всегда могут оказаться под рукой) читателя популярной литературы по меньшей мере нелогично.

К тому же знаком ударения пренебрегают даже многие словари. Мы не говорим о специальных терминологических словарях узкого назначения. Отсутствие знака ударения в них еще полбеды. Мы имеем в виду нормативные лингвистические словари, рассчитанные на широкого читателя и призванные быть средством повышения массовой культуры речи.

Вот перед нами известный словарь Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова», выпущенный третьим изданием. В нем всего три случая применения знака ударения: благорастворение возду́хов, в местечке Пари́же и гробы повáпленные. Согласны, это случаи наиболее вероятно-го искажения произношения. Но разве десятки других крылатых слов не нуждаются в указании верного ударения? Например: авгиевы коню́шни, аредовы веки, бесплодная смоковница, неопалимая кушина, обетованная земля, отделить овец от козлищ, питаться медом и акридами и многие др.

То же следует сказать и о «Кратком словаре синонимов русского языка» В. Н. Клюевой. Этот словарь вовсе не имеет знаков ударения, хотя он предназначен для учителей и учащихся. Сама специфика синонимического слова-

ря усугубляет необходимость в указании правильного ударения. Ведь синонимический ряд, как правило, включает в себе слова, принадлежащие разным стилистическим пластам языка (от просторечий до старославянизмов), слова, характеризующиеся разной шириной и сферой употребления и, следовательно, разной степенью известности учащимся. И если можно быть уверенным, что ученик верно воспроизведет вслух *отшельник, хотеть, польза, шут, дело, несчастье, оратор, рабство*, то вряд ли уместна такая уверенность по отношению к соответствующим синонимам: *анахорет, алкать, корысть, фигляр, тяжба, непогодь, вития, ярем* и др. Да, мы не забываем, что произнесение всех этих слов учеником контролирует учитель. Но ведь предполагается и самостоятельная работа учащегося со словарем, имеется в виду и зрительное восприятие слова. Так зачем же затруднять работу учителя и ученика?

Но вот «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (М., «Советская энциклопедия», 1969), ориентированный, как сказано во вступительной статье на «переводчиков, редакторов, журналистов, преподавателей и т. д.». Знак ударения здесь также не использован вовсе. Недавно вышел в свет двухтомный «Словарь синонимов русского языка» АН СССР (Л., «Наука», 1970—1971). Он предназначен не только для широкого круга специалистов; работающих со словом, но и «для всех, кто изучает современный русский литературный язык и стремится к овладению его богатствами» (см. предисловие). Знака ударения в нем нет.

Укажем также на «Фразеологический словарь русского языка», выпущенный издательством «Советская энциклопедия» (М., 1967). Этот словарь хотя и использует знак ударения, но крайне скупо.

Какие же слова на письме должны быть снабжены знаком ударения? Насколько широк круг этих слов? Какими мотивами должен определяться их выбор? Какие разновидности печатной продукции нуждаются в указателе правильного ударения прежде всего? В принципе знак ударения необходим во всех словах, искаженное произношение которых возможно. Вероятность неправильного ударения зависит от ряда причин как лингвистических, так и нелингвистических, и может быть различной. Наиболее значительной она оказывается в следующих категориях слов:

1. Слова, для которых орфоэпия не в состоянии установить достаточно жестких норм ударения:

а) многие фамилии: Ивано́в и Ива́нов, Печнико́в и Пёчников, Роза́нов и Рóзанов, Дья́ков и Дьяко́в. Верным обычно признается здесь тот вариант ударения, с которым произносит свою фамилию ее носитель;

б) топонимические названия: наименования сел, деревень, рек, озер, курганов, болот и т. д. Ударение в этих словах очень часто определяется особенностями местного говора или местной традицией.

2. Слова с ограниченной сферой применения в речи. Сюда относятся:

а) термины, активно применяющиеся только в той или иной отрасли науки или техники;

б) устаревшие слова (архаизмы, историзмы), вышедшие из активного употребления, но применяемые иногда в определенных литературных жанрах для экспрессивно-стилистических целей — в поэзии, публицистике, исторических романах;

в) диалектизмы, то есть слова, известные лишь в данной местности, не имеющие широкого распространения, но иногда используемые и в литературном языке, особенно в художественных произведениях, с определенной стилистической целью;

г) редко употребляемые книжные слова иноязычного происхождения, в том числе старославянизмы.

3. Слова, впервые предлагаемые читателю. Прежде всего это передаваемые русской графикой иностранные слова (транслитерация и транскрипция). Их применение оказывается неизбежным для газет, которые ежедневно регистрируют новые иностранные фамилии, новые географические названия, многочисленные наименования, связанные с предметами, событиями и явлениями, впервые вступающими в поле зрения общественной мысли.

4. Наконец, слова и формы слов, совпадающие по звучанию (звуковому составу) и различающиеся только ударением (омографы и омоформы): сто́ящий и стоя́щий, доро́гой и доро́гой, чу́дные и чудные, вре́менные и временные, у́же и уже́, насы́пать, и насыпа́ть, узнаю́т и узнают и т. п. Ударение здесь играет смыслообразительную роль. Во избежание двусмысленности и затруднений при чтении знак ударения оказывается совершенно необходимым в печатном воспроизведении этих слов, даже если их значения достаточно выявляются в контексте.

Конечно, не все слова перечисленных категорий, вызывающие затруднения в произношении, нужно снабжать

ударением в обязательном порядке и при всех условиях. Круг этих слов должен определяться редактором (редакционной коллегией) совместно с автором для каждого издания особо, исходя из содержания и назначения книги. Список слов, нуждающихся в обозначении ударения, заметно ограничивается тематикой изданий. Так, если в популярной брошюре, посвященной русской живописи XIX века, упоминается художник Ива́нов, то знак ударения обязателен. Если же автор приводит высказывания инженера Иванова о его впечатлениях от картин художника, то в этом знаке уже нет необходимости. В пособии по судебной медицине должен быть поставлен знак ударения во всех медицинских и юридических терминах, где это необходимо, и он вовсе не обязателен для терминов, скажем, архитектурных или музыкальных, которые также могут встретиться на страницах этой книги.

Таким образом, оказывается, что слов, нуждающихся в знаке ударения, даже в популярном издании обнаруживается не так уж много, тем более что этим знаком достаточно снабдить слово лишь один раз, при первом его употреблении.

Какие разновидности печатной продукции нуждаются в указателе ударения в наибольшей мере? Очевидно те, которые, во-первых, предназначаются для наиболее массового читателя, а, во-вторых, преследуют цели обучения и воспитания человека, повышения его общего культурного уровня. А именно: а) популярная литература всех профилей; б) учебники и учебные пособия для учащихся и студентов (особенно заочников); в) словари всех разновидностей как энциклопедического, так и лингвистического типов; г) газеты и выпускаемые массовым тиражом периодические издания; д) детская литература; е) каталоги и путеводители музеев и выставок, справочная литература для туристов, концертные программы.

В. М. ОГОЛЬЦЕВ

Новгород

НОВЫЕ КНИГИ

Вопросы грамматического строя русского языка. Сборник статей. Науч. ред. В. М. Марков. Казань, изд-во Казан. ун-та, 1971, 187 стр. 72 коп.

Этнография имен. Сборник статей. Отв. ред. В. А. Никонов и Г. Г. Стратанович. М., «Наука», 1971, 263 стр. 1 руб. 08 коп.

Многих наших читателей интересует вопрос о роде слова *кофе*. Вот что пишет нам доцент И. М. Вольпер из Ленинграда.

«По роду своей деятельности мне приходится проверять курсовые и контрольные работы студентов-заочников по товароведению пищевых продуктов. Встретив в тексте выражение «бразильское кофе» или «натуральное кофе», я делаю на полях замечание: надо писать не *бразильское*, а *бразильский*, не *натуральное*, а *натуральный*. Справедливо ли мое замечание?»

Да, с точки зрения грамматики оно абсолютно верно. Во всех словарях *кофе* значится как имя существительное мужского рода.

Слово *кофе* пришло к нам несколько столетий назад и уже давно обрусело. От него образовались и производные слова: *кофейный*, *кофейник*, *кофейня*, *кофеварка* и др. Почему же оно не должно подчиняться общепринятым нормам русского языка? Говорим же мы: «ароматное *какао*», «зимнее *пальто*», «дамское *манто*»!

Выражения эти вполне привычны и грамотны, хотя, к примеру, французские слова *paletot* и *manteau* — мужского рода. И таких слов в русском языке множество. Все они — среднего рода. Почему же надо говорить «*черный кофе*», а не «*черное кофе*», подобно всем другим словам этого типа?

Думается, без всякого ущерба для чистоты и правильности русской речи можно узаконить то, что легче и привычнее для слуха и вполне соответствует общим нормам языка.

Кофе — действительно исключение из правила о родовой принадлежности несклоняемых существительных на гласный, исключение, которое объясняется своеобразной историей этого слова. Нужно ли менять устоявшиеся нормативные рекомендации относительно его употребления — вопрос дискуссионный.

Следуя пожеланиям читателей, публикуем две статьи, первая из которых посвящена истории слова *кофе* в русском языке, а вторая — специально грамматическому роду слова.

История слова кофе

РОДИНА кофе — Восточная Африка, Абиссиния, откуда его перевезли в Аравию. Наибольшее значение приобрел кофе арабийский в XVI—XVII веках: Аравия была тогда единственной страной, разводящей кофе. В Европе напиток этот стал известен в первой половине XVII века; в середине того же столетия кофе появляется в России. О нем упоминается уже в памятнике XVII века: «И ястыв снесли и паки пили кофе с сахаром» (А. Суханов. Проскини-тарий. 1649—1653). Обычно появление этого слова неточно относят к Петровской

эпохе (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). В то время кофе был достаточно распространенным напитком. В бумагах Петра I читаем: «Писать изволите, чтобы его не неволить горячим питьем... Сами можете рассудить... чаю и кофе здесь зело мало».

Сторонники старины, противники реформ Петра, отрицательно относились к кофе, как и к другим новшествам быта эпохи. Это отражено в романе А. Н. Толстого «Петр I»: «А чай, а кофей?.. Все это зелье — из-за моря, и торгуют им у нас лютеране и католики... Чай кто пьет — отчаеся... Кто кофей пьет — у того на душе ков... Да тьфу! — сдохну лучше, чем в лавку к себе возьму такое... Всем морду обреют, всех заставят пить кофей, увидите...».

Старинное слово *ковы* означало «козни, злые умыслы» (отсюда и слово *коварный*). С ним и связывали противники кофе название напитка. У староверов отрицательное отношение к кофе отразилось в пословице: «Кто кофь пьет — ков на Бога кует».

В 30-х годах XVIII века кофе — обязательный напиток аристократов. А. Кантемир в Сатире II (1730) обличает паразитический образ жизни дворян-помещиков, которые спят до полудня и, едва проснувшись, ждут подачи пойла, «что шлет Индия иль везут с Китая» (кофе или чая), а в примечании к стиху дает толкование: «Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит и прихотливым в забаву после обеда».

Однако со временем кофе стал украшением домашнего стола. В русском языке со II половины XVII века наряду с современной литературной формой *кофе* употреблялись многочисленные варианты, многие из которых явно носили народно-разговорный характер: кофий, кефа, кофа, кафе, кафея, кофь, кофей, кава, кохей, кохвай, кохвий, кохвей.

Варианты этого слова, отмеченные в русском языке XVIII века, говорят об усилении влияния ряда западноевропейских языков в разные периоды истории русского языка. В первой трети XVIII века отмечены формы: кофе, кофий, кефа, кофа.

Кофий (из голландского *koffie* или английского *coffee*) впервые употреблено в «Уставе морском» (1724). Источник заимствования бесспорен: в петровское время влияние голландского языка на русский было ощутительно.

Варианты *кофа* и *кефа* встречаются в единичном употреблении в «Путешествии стольника П. А. Толстого» (1697—1699): «Больше употребляют в питьях лимонадов, симады, кофы, чекулаты и иных тому же подобных, с которых человеку пьяну быть невозможно»; «Потом потчивали меня [мальтийские кавалеры] кефою и говорили о том, чтоб я на той галере ехал с ними в Мальт». Окончание *-а* в вариантах *кофа*, *кефа* указывает на то, что автору, возможно, был известен арабско-турецкий источник слова: *qahwa*.

Во второй трети XVIII века употребительны *кофе*, *кафе*, *кафей*, *кофь*.

Кафе восходит к немецкому языку (*der Káffée*) и отражает усиление немецкого влияния в 30—40 годах XVIII века. Форма *кафе* широко используется в литературе этого времени, например: «Чай и кафе суть простые растущия вещи, которые так употребляются, как их естество производит; а на против того шоколат есть художеством из различных плодов зделанное смешение»; «Кофь или кафе — есть Турецкое питье».

В итальянских комедиях и интермедиях, представленных при дворе Анны Иоановны в 1733—1735 годах, употребляются варианты *кафе* и *кафей*: «Бриггелъ учит потом Арлекина как ему надобно будет поступать, когда щоголи или любовники к его госпоже приходить станут, то есть, как должен он будет двери отворять, стулья подавать, кафе подносить, их опять до самых дверей провожать»; «Хочет его потчивать кафеем, чаем, шоколатом». Там же встречаются производные *кафейный* и *кафейщик*.

В литературе последней трети XVIII — начала XIX века можно отметить: *кофе*, *кафе*, *кофь*, *кофей*, *кофий*. Например, в произведениях В. И. Лукина: «Княгиня недавно пробудилась, цвет кофе и седые волосы подвивать велела»; «пришедши домой успела подать два раза кофей». У А. Н. Радищева наряду с *кофе* встречаются *кафе* и *кофий*: «Скоро мне земляки мои нашли учительское место за 150 рублей, пуд сахару, пуд кафе, десять фунтов чаю в год»; «Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что-либо сочинять». Те же формы можно встретить у Державина, Карамзина.

В «Словаре Академии Российской» (1792) отмечена форма *кофей*, а в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1803) — *кофе* и *кофей*.

Кофь также употребляется, хотя и редко, в литературе XVIII и первой половины XIX века: «Высыпал оной (порошок) в кофейную чашку и налил в нее немного кофи» (Эмин. Непостоянная фортуна); «Аксютка принесла кофь (так произносилось это слово в семействе Багровых)» (Аксаков. Семейная хроника).

Кофе и варианты *кофей*, *кофий* вошли в народное употребление, отмечены в сборниках народного творчества XVIII—XIX веков. Вот примеры из песен, записанных Соболевским и Киреевским: «— Баричь, баричь, где ты был?— У девицы кофе пилъ»; «Напою, сударушки, чаем, кофием»; «Чаем-кофеем поил».

В народной речи употреблялись также фонетические варианты — *кохей*, *кохвай*, *кохвей*, *кохвий*: «Ани ево за дубовый стол са-

жали, ани его чаем, кохваем поили» (А. В. Миртов. Донской словарь); «[Дунька] Комиссар Вихорь, завтра на кохвей придешь» (Тренев. Любовь Яровая).

Отметим еще форму *кава* (польское *kawa* 'кофе'), зарегистрированную в Словаре В. И. Даля с пометами «в западных губерниях, с польского». В литературе XIX века она встречается лишь как экзотизм: «Кто из горнушек Вейской кавы Пил нектар медленной отравы» (Вяземский. Станция); «Польские дворяне говорили тогда [в XVII веке] о черной каве, о черном кофее, как о вещи весьма обыкновенной» (Вигель. Записки).

В русском литературном языке в XIX веке оказались устойчивыми лишь формы *кофе*, *кофей*, *кофий*. Примечательно, что все они встречаются у Пушкина: «Большой при зрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и, охая, заказал себе обед» (Станционный зритель); «Здесь почивал он, кофей кувал, Приказчика доклады слушал И книжку по утру читал...» (Евгений Онегин); «Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию зрительши...» (Дубровский).

Судя по словарям современного русского языка, варианты *кофей* и *кофий* употребительны лишь в просторечии. Добавим, что это устаревшие формы. Авторы исторических романов используют их для создания колорита эпохи: «Позади Клейста на чистом столе стояла жареная говядина, румяные хлебцы и золоченая чашка с кофеем» (А. Толстой. Петр I); «Нет, я кофеев с императором пить не удостоился, а капиталы приобрел» (Шипков. Емельян Пугачев).

Таким образом, интернациональное название напитка кофе, восходящее к арабскому *qahwa*, в конце концов утвердилось в русском литературном языке в форме *кофе*. Форма эта одновременно и самая древняя: выше отмечалось употребление ее в русском языке середины XVII века.

Источник этой формы — немецкий. В истории немецкого языка известны два варианта данного слова, заимствованные из разных языков: *der Káffée* (из французского *café*) и *der Kóffee* (из английского *coffee*). Последний послужил источником современной русской формы *кофе*. Несклоняемое *кофе* приняло в русском языке форму мужского рода, как и в немецком.

Слово *кофе* дало в русском языке много производных. Уже в XVIII веке возникли слова: кофейник — 'сосуд для варки кофе', кофейница — 'сосуд или банка для хранения кофе' и 'гадалка, предсказывающая судьбу по кофейной гуще'.

До заимствования слова *кафе*, которое появилось в русском языке не раньше середины XIX века, в русском языке широко употреблялись слова *кофейная* и *кофейный дом* (последнее — перевод с немецкого *Kaffeehaus*). *Кофейная* и *кофейня* сохранились в современном русском языке как устаревшие слова.

Среди новых слов с корнем *кофе* следует отметить сложные слова *кофеварка* 'сосуд для варки кофе' и *кофевар*: «Я сижу за чашкой необычно вкусного черного кофе в кофейне всего на два столика, что притаилась на террасе перед рестораном... Египсе служил кофеваром у хозяина» (газета «Коммунист», 14 апреля 1967).

Б. А. МАРГАРЯН
Ереван

О роде слова кофе

СРЕДИ наиболее употребительных в русском языке иноязычных несклоняемых существительных, относящихся к разряду нарицательных неодушевленных, *кофе*, пожалуй, единственное слово мужского рода. Все остальные слова этого разряда принадлежат к среднему роду: кашне, пенсне, метро, какао, меню, такси, бра и т. д. Такую исключительную принадлежность *кофе* к мужскому роду обычно объясняют связью «с более старой формой кофей» (Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1968).

Однако форма *кофей* не является в русском языке более старой. В словарях раньше была отмечена форма *кофе* (Лексикон российский и французский. 1762), а *кофей* появляется только в «Словаре Академии Российской» (1792).

В XVIII веке параллельно употреблялось несколько вариантов этого слова: кофе, кофь, кофа, кафеи, кофей, кофий и др., причем разные формы слова *кофе* иногда употреблялись одними и теми же авторами, например Радищевым. Эти факты показывают, что в русском литературном языке XVIII века единой нормы не существовало и все эти формы считались законными. На этом фоне любопытный пример нелитературного употребления представляет *кофей*: «[Бемолин Петухов:] Дайте же мне кофею, надобно мне что-нибудь да пить. [Петухов:] Кофею? Хорошо...» (Смешное сборище.— Российский Феатр или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. 1786—1794).

Что касается различной оформленности концовки слова, то здесь надо иметь в виду следующее. Иноязычные слова, оканчивающиеся на гласный (кроме безударного *a*), попадая в русский язык, оставались чуждыми русской грамматической системе, и язык, стремясь приспособить их к своему склонению, снабжал «окончаниями», свойственными русским существительным. Изменения, происходившие в форме этих слов, были трех основных видов:

1. Конечная гласная корня иноязычных существительных заменялась в русском языке окончанием именительного падежа 1-го склонения *-a* (*-я*): гардина (нем. Gardine), граната (нем. Granate), канцона (итал. canzone), клемма (нем. Klemme), лавина (нем. Lawine), линза (нем. Linse), ода (греч. odē), труппа (нем. Gruppe), шина (нем. Schine), юмореска (нем. Humoreske) и т. д. По этому образцу образовалась форма женского рода *кофа*.

2. Конечная гласная корня иноязычных существительных опускалась, и слово оканчивалось уже на твердую или мягкую согласную, изменяясь по 2-му или 3-му склонению: артишок (нем. Artischoke), бутафор (итал. buttafuori), гастроль (нем. Gastrolle),

лафет (нем. Lafette), темп (итал. tempo), тромбон (итал. trombone), тушь (нем. Tusche), форель (нем. Forelle), шаблон (нем. Schablone), шрам (нем. Schramme), штраф (нем. Strafe) и т. д. Этот вид преобразования дал форму женского рода *кофь*.

3. К конечной гласной корня иноязычного существительного на русской почве добавлялось *я* или *й* с переводом слова в 1-е или 2-е склонение: ассамблея (франц. asssemblée), буржуазия (франц. bourgeoisie), ливрея (франц. livrée), мэрия (франц. mairie), португепя (франц. porte-érée), прерия (франц. prairie), скумбрия (новогреч. skumbri), траншея (франц. tranchée), фактория (англ. factory), а также: амбрей (устарелое) — амбрé, желей (устарелое) — желé, жокей — жокé (устарелое), калий — кали (устарелое), карбонарий — карбонари (устарелое), карей и карея (устарелое) — каре, филей (устарелое) — филе.

Подобные изменения привели и к возникновению форм мужского рода *кафей*, *кофей* и *кофий*. Ср. также замену согласным *й* второго из двух гласных, которыми оканчиваются иноязычные имена: алой (устарелое) — алоз, импрессарий (устарелое) — импрессарио, Колизей (итал. Coliseo), чичисбея (итал. cisisbeo), ср. просторечные — буржуй (буржуа), статуя (статуя) и т. п. В некоторых случаях французские слова с непроизносимым конечным *-t* заимствовались в орфографической форме: берет (béret), жилет (jilet), дебют (début), бисквит (biscuit), кашалот (cachalot) и т. д.; ср., однако: пальто (paletot), филе (filet), жабо (jabot) и др.

Сохранившиеся в русском языке в неизменяемой форме иноязычные существительные, как правило, испытывали колебания в роде. В XVIII веке отмечены случаи употребления *кофе* в мужском и среднем роде. Мужской род: «Вообрази себе, говорил мне некогда мой друг, что кофе налитой в твоей чашке, и сахар разпущенной в оном, лишали покоя тебе подобного человека» (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву);

Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный...

Державин. Вельможа

Средний род: «[Бурда:] А я докажу тебе, что ты не угадал. Да и кофе намьясь тоже почти показывало: по картам на ту же статью выходило» (Сумароков. Вздорщица); «Впрочем, когда есть свободное кофе, изредка макароны и блан-манже, то можно еще терпеть по-философски» (Карамзин. Письмо Дмитриеву).

Аналогичные колебания были свойственны и другим словам этого типа: авизо, болеро, жабо, казино, какао, кафе, контралято, куче, ландо, манго, мокко, пальто, пианино, портмоне, сопрано, фойе, фортепяно и т. д.

Из перечисленных форм слова *кофе* в русском литературном языке XIX века сохранились лишь три — *кофе*, *кофей* и *кофий*, причем употреблялись они на совершенно равных правах. Эти формы без каких-либо стилистических различий встречаются у Пушкина, Марлинского, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого и других писателей прошлого века, иногда в тексте одного и того же произведения. У Гон-

чарова: «Пойдут чай, кофеи, бархатные штаны, гармоники.— Мелет она [Агафья Тихоновна] кофе — и не помнит, что делает» (Обломов). У Достоевского: «[Грушенька Алеше:] Ну что тебе, кофею?— Иван Федорович находился тут же за столом и тоже кушал кофе» (Братья Карамазовы).

Такое равноправие, естественно, не допускало расхождения этих форм в роде, и *кофе* закрепилось в языке как слово того же рода, что и *кофей*. Поэтому в XIX веке не отмечено случаев употребления *кофе* в среднем роде. Под влиянием *кофе* установилось употребление в мужском роде и слова *мокко*: «Вы пьете кофей дикорный ... А знаете, какой мы там пили? Чистейший мокко!» (Н. Успенский. Междеворов).

Между тем на протяжении XIX века усилилась тенденция к изменяемости заимствованных существительных на гласную. В это время большинство указанных выше слов на *-й* потеряло конечную согласную и перешло вместе с другими словами, испытывавшими колебания в роде, в разряд существительных среднего рода. Этот процесс захватил и слово *кофе*. Уже к концу XIX века явно намечается переход *кофей*, *кофий* в просторечие.

Особенно наглядно проявилось это в произведениях Чехова, у которого в авторском тексте находим только *кофе*, а *кофей*, *кофий* служат для речевой характеристики определенных персонажей: «Была река, но вода в ней цветом как кофе» (Крыжовник); «Наливал себе стакан темного, как кофе, чаю» (Неприятность); а также: «[Мерчуткина:] Кофей сегодня пила и без всякого удовольствия» (Юбилей); «[Фирс.] Готов кофий? (Вишневый сад).

В дальнейшем формы *кофей*, *кофий* в художественных произведениях служат лишь целям определенной стилизации текста (Горький, Маяковский, Пришвин, Шипков, Антонов и др.). С утверждением в литературной речи, под влиянием общей тенденции форма *кофе* стала тяготеть к переходу в средний род. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в разговорной речи. Вместе с тем встречаются случаи проникновения слова *кофе* в средний род и в литературный текст: «Необыкновенно вкусным кажется кофе, поданное в крошечной чашечке» (Соколов-Микитов. Голубые дни); «Имен славится своим кофе; хотя по размерам сбора он далеко уступает многим „кофейным“ странам, но иеменское кофе „мокко“ считается лучшим в мире» (И. А. Витвер. Экономическая география зарубежных стран. Учебник для IX класса средней школы. М., 1952); *кофе соевое* («Техническая энциклопедия»). Вполне нормальным признавал употребление слова *кофе* в среднем роде — теплое кофе! — большой знаток русской речи В. И. Чернышев (см. его книгу «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики»). Однако современной литературной нормой средний род для слова *кофе* пока не допускается.

В. С. ГИМПЕЛЕВИЧ
Баку

ЗА ПАРТУ И НА ПАРТУ

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» даются оба сочетания *сесть за парту* и *сесть на парту* как синонимические. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова приводится только *сесть за парту*. Как же относиться к этим словарным данным?

В повести «Мальчик из Уржума» А. Голубева пишет: «Здесь (в классе) Сережа впервые увидел школьные парты. Ему очень понравилось, что парта — это и стол и скамейка вместе». Следовательно, *парта* — это не только стол, за которым работают, но и скамья, на которой сидят. Отсюда можно заключить, что правильными являются и сочетание *сесть за парту* (ср.: *сесть за стол*) и *сесть на парту* (ср.: *сесть на скамью*). И действительно, такие сочетания засвидетельствованы в литературе: «Он взрослым парнем стал, хотя давно ли Мальчишкой сидел за партой в школе...» (Щипачев. Он взрослым парнем стал); «Когда Крис была школьницей, она сидела на одной парте с тихой черной девочкой...» (Т. Тэсс. Я живу в американской семье). Но из этих синонимических вариантов чаще мы отдаем предпочтение первому. И вот почему.

В сочетании *сесть на парту* довольно ясно проявляется двоякий смысл. Оно означает и 'сесть за парту' (на скамью парты) и 'сесть на парту' (на стол парты). Сочетание *сесть за парту* обычно нами воспринимается как имеющее значение 'сесть на скамью парты', а не 'сесть за ней, за партой — на стул, на подоконник или на пол', хотя и такое понимание, конечно, тоже возможно.

Надо, однако, иметь в виду, что эта двусмысленность рассматриваемых выражений иногда возникает, а иногда нет. Все зависит от контекста. Этим, собственно, прежде всего и определяется выбор соответствующей конструкции. Сочетание с предлогом *на* употребляется только в том случае, когда из контекста совершенно ясно, что именно оно выражает, когда второе его значение вообще не возникает. Это наблюдается нередко.

Существенно важны для правильного понимания смысла здесь и характер описываемых событий, и действующие лица, и обстановка: «Садится инспектор на заднюю парту с постной физиономией, кладет часы перед собой, открывает тетрадь из клеенки, черную. Тут и у Ушинского язык бы отнялся!» (Максимова. Ключ-

чи от школы). Немыслимо, чтобы инспектор, осуществляющий контроль за работой учителя, позволил бы себе сесть на стол парты.

Не возникает двусмысленности и тогда, когда в предложении речь идет о многократно повторяемом или постоянном действии: «С Иваном они друзья крепкие: три года на одной парте сидят, и радость и горе пополам делят» (Карасева. Максим); «В младших классах я очень дружила с Лешкой Лытневым ... Мы сидели с ним на одной парте...» (Дементьев. Замужество Татьяны Беловой).

Интересно, что, рассказывая о единичном факте, Н. Дементьев в том же самом произведении использует конструкцию с предлогом *за*: «Светка сидела одна в нашем классе за своей партией и почему-то грустно кивала головой...». Если бы здесь был употреблен предлог *на*, то можно было бы подумать, что сидела она не на скамье, а на столе парты. В отдельных случаях определить подлинное значение конструкции помогают представленные в ней уточняющие слова, второстепенные члены предложения: «Он сел прямо на парту; Он сел верхом на парту».

Иногда при выборе конструкции принимается во внимание и эстетическая сторона, благозвучие. Так, Паустовский пишет: «Я сел на низенькую парту, изрезанную ножом» (Далекие годы). Предлог *за* здесь явно не подходит. Уже само по себе *за низенькую* режет слух, тем более сочетание *сел за низенькую изрезанную* с нагнетанием свистящих. Очевидно, Паустовский, язык которого всегда отличался большой музыкальной выразительностью, намеренно избегает ненужного в данном случае повтора согласных. По этим же соображениям нам кажется неуместным употребление предлога *за* и в таком примере: *сидится за заднюю парту*.

Большему распространению сочетаний с предлогом *за* немало, по-видимому, способствовало и то, что ему противостоит (как антонимическое) широко употребительное выражение *встать из-за парты*. Сочетанию *сесть на парту* может быть противопоставлено *встать с парты* (встать со скамьи, со стула), однако в письменной речи такое сочетание почти не употребляется. Встречаются иногда только эллиптические (неполные) конструкции типа: «Вчера еще со школьной парты, В том ничего плохого нет, Идут в поэзию, как в партию, Мальчишки в восемнадцать лет» (Орлов. Вчера еще со школьной парты...). Впрочем, чаще говорят не *со школьной парты*, а *со школьной скамьи*: «Сама лишь недавно со школьной сосновой свежей скамьи, взлетевшая птицей вольной из дружной юной семьи» (Асеев. Юной учительнице).

Надо учитывать, наконец, и то, что сочетание *сесть за парту* может выступать в русском языке и с переносным значением 'начать учиться': «Да, ей пришлось сесть за школьную парту тоже не в пятнадцать. Деревяночка имела тогда уже двоих дочерей» («Днепровская правда», 4 декабря 1964). Значение 'учиться, овладеть знаниями' выявляется также в эллиптических конструкциях типа *все за парты, взрослые за партами* и т. п. В «Известиях» (10 июня 1964) опубликована заметка, сзаглавленная «Миллионы за партами», в ней рассказывается о введении на Кубе политехнического обучения.

Аналогичное переносное употребление сочетания с предлогом *на* встречается очень редко. В «Известиях» (25 февраля 1970) напечатана статья, в которой ставится вопрос о необходимости пре-

подавания в средней школе основ советского права. Статья называется «Закон на школьной парте». Однако иногда довольно трудно определить, что именно пропущено в эллиптической конструкции. И в данном случае это тоже не очень ясно. По-видимому, автор имел в виду следующее: «закон изучается (или: должен быть предметом изучения) на школьной парте». Таким образом, это переносное значение близко к тому, которым обладает и сочетание с предлогом *за*. Но это не синонимическая близость, их взаимозаменяемость невозможна.

Как видим, оба варианта литературны и, следовательно, вполне допустимы. Поэтому для их фиксации в словарях есть все основания.

Но сочетание с предлогом *за*, как уже отмечалось выше, имеет более широкое употребление. Во многих случаях оно оказывается более предпочтительным, а иногда и единственно возможным. Вот почему, определяя нормы общелитературного словоупотребления, С. И. Ожегов совершенно правильно называет только сочетание с предлогом *за*. В наше время это, безусловно, основной вариант, а его синоним с предлогом *на* — дополнительный.

Ю. К. СТЕХИН
Днепропетровск

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(Ответы. См. стр. 21)

1. Преданный друг; надежное средство; точный расчет; неминуемая (неизбежная) гибель; зоркий глаз; твердая походка; правильный ответ.

2. Взять под руку; взять влево; взять за подбородок; взять в плен; взять в скобки; взять на колени; взять препятствие; взять в армию; взять себя в руки; взять свои слова обратно; взять на себя обязательство; взять на мушку.

3. *Поводырь* — «направлять движение идущего, заставляя его идти за собой»; *экскурсовод* — «ходить с кем-либо, что-либо показывая»; *полководец* — «быть предводителем войска»; *водитель* — «управлять движением машины»; *хоровод* — «ходить с песнями кругом, взявшись за руки»; *птицеводство* — «заниматься выращиванием (растений, животных, птиц)».

4. *География* — «географические границы распространения чего-либо»; *голосовать* — «поднимать руку в знак просьбы об остановке проезжающего мимо автотранспорта»; *дикарь* — «тот, кто отдыхает «диким образом», неорганизованно без путевки»; композитор — «составитель шахматных композиций (задач и этюдов)»; *морж* — «любитель зимнего купания в реке, пруду»; *развязка* — «сооружение на автодорогах, позволяющее потокам транспорта безостановочно двигаться в различных направлениях»; *сборник* — «член сборной спортивной команды»; *холостяк* — «холостой, порожний рейс или пробег».

5. 1) Кисть. 2) Катать. 3) Кожа. 4) Колонна. 5) Ключ.

Первый словарь НОВЫХ СЛОВ

(Новые слова и значения.
Словарь-справочник
по материалам прессы
и литературы 60-х годов.
Под ред. Н. З. Котеловой
и Ю. С. Сорокина.
М., «Сов. энциклопедия»,
1971)

В словаре регистрируются слова и значения слов, которые за последние 10—20 лет стали достоянием литературного языка или считаются допустимыми в литературной речи. Составители и редакторы ограничиваются материалом прессы и литературы трех лет: 1965—1967. Методически такой подход оправдан, хотя и создает некоторую условность в составе словника. Для будущих подобных изданий (по мнению составителей, словари такого типа должны появляться в свет каждые 6—8 лет) было бы целесообразно расширить временные рамки наблюдаемых фактов. Это поможет сократить элементы случайности при отборе слов, повысить «надежность» регистрируемых лексем и значений, усилить нормативный характер издания.

Не все новые явления вошли в словарь, например, *запросто*, *за счет*, *качественный*, *умелец*, *целина* (в новых осмыслениях), *межконтинентальный*, *целинник* и другие. Вместе с тем зафиксированный материал дает достаточно полное представление о существенных про-

цессах развития лексики и словообразования в последние два десятилетия, особенно в сфере словосложения — *ракетоноситель*, *радиомост*, *нефтегазведчик* и т. п., образования слов типа *гидровзрыв*, *интервидение*, *космовидение*, *микроэлектрод*, *макромир*, *межатомный*, ср. *космодром*.

Однако находим и слова, которые скорее всего не следовало бы давать или из-за их явной нераспространенности, ограниченности рамок употребления: *холостяк* (порожний рейс), *четвертак* (25-тонный самосвал), *снаб* (учреждение, ведающее снабжением), *сборник* (член сборной спортивной команды) [эти слова к тому же омонимичны «старым» словам], *ходка* (ездка), *шкерить* (потрошить рыбу), или потому, что в языке есть эквивалентное слово: *фанат* при *фанатик*.

Тесная глубокая связь словаря с современной эпохой очевидна. Она обнаруживается прежде всего в обилии научных и технических терминов, представленных в настоящем издании. И это вполне закономерно. Достижения научно-технического прогресса прочно входят в жизнь. Естественно, что в наш речевой обиход, в литературную речь входят и соответствующие слова и обороты.

Толковые словари при всем их громадном культурно-историческом и научном значении отстают от стремительного бега времени. Поэтому оперативное лексикографическое обобщение нового, свежего словесного материала чрезвычайно важно и актуально.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

НОВАЯ ОДЕЖДА СТАРЫХ СЛОВ

В недавно вышедшей книге «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» (М., 1971) отмечается среди прочих и слово *йогурт* 'кисломолочный продукт, по консистенции напоминающий заварной сливочный крем'. В словаре приведены два примера из газет 1966 и 1967 годов, которые, по-видимому, должны указывать на время появления слова в русском языке. Однако названные даты весьма неточны, так как это слово (правда, в несколько ином орфографическом облике — *иогурт*) отмечено уже в шестом издании «Словаря иностранных слов» 1964 года.

Как в написании *йогурт*, так и в написании *иогурт* отражена довольно беспомощная попытка передать средствами русского алфавита орфографию распространенного во многих европейских языках тюркского по происхождению наименования болгарского кислого молока (англ. *yog(h) urt*, нем. *Jog (h) urt*, франц. *yoghurt*, *yaourt(h)*, венгр. *joghurt* и т. п.). Так как сочетание звуков *йо-* в начале слова по-русски следует передавать буквой *ё-*, то на русской почве это слово должно было бы выглядеть *ёгурт*, и такая форма отмечена, например, в 1945 году.

Есть это слово также и в славянских языках: чешское *jogurt* (и устарелое *jaгурт*), словацкое *jogurt*, сербскохорватское *јогурт*, болгарское *югурт*. Все славянские формы слова прямо или через болгарское посредство восходят к тюркским языкам.

В русском также отражена разновидность, тесно связанная с болгарским *югурт*.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (вслед за «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) помещена форма, более закономерная для отражения на русской почве тюркского слова — *югúрт* ‘болгарское кислое молоко, применяемое как диетическое средство’, и указано, что словарно впервые *югúрт* отмечено в «Словаре иностранных слов» (1937). Но это не вполне точно, ибо *югурт* получило довольно пространное объяснение еще в «Словаре иностранных слов, вошедших в русский язык» (1933): ‘болгарское кислое молоко, содержащее, по исследованиям Мечникова, большое количество молочнокислых бактерий; примен. как диетическое средство».

Форма *югúрт* попала и в «Орфографический словарь русского языка» (М., 1957), поэтому самодеятельные написания *йогурт*, *иогурт* не что иное, как орфографические ошибки, которые не должны были попасть в словарь-справочник «Новые слова и значения», так как, хотя последний и «не ставит перед собой нормативных задач», он «не учитывает встретившиеся в материалах варианты написания слов, которые могли быть результатом случайной ошибки или притиворечат Орфографическому словарю...».

Югурт — не самый старый облик слова на русской почве. В. И. Даль в «Толковом словаре» поместил диалектное *яурт* ‘овечий варенец; вскипяченное овечье молоко заквашивается сметаной и остужается’, записанное в русских говорах тогдашней Новороссии.

В русской части иноязычно-русских словарей употребляется также еще одна редкая разновидность — *ягúрт* (К. А. Ганшина. Французско-русский словарь; И. И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь).

У Даля отмечен еще один вариант этого существительного, но в сильно измененном звуковом виде: *чурт* (у ногаев) ‘род варенца, кипяченое молоко с закваской’. Здесь сильные отличия в звуковом оформлении слова даже мешают признать единство с предыдущими его формами.

Чем же вызвано столь большое разнообразие форм одного слова на русской почве? Относительно написаний *йогурт*, *иогурт* уже было сказано, что они возникли в результате ориентации на западноевропейские языки, в которых сложилась отличная от русской традиция оформления звуковой и орфографической стороны тюркских слов. Несходство других разновидностей слова в русском и иных европейских языках объясняется тем, что в тюрк-

ских языках, откуда оно пришло, название заквашенного молока также не вполне единообразно.

Филолог XI века Махмуд Кашгарский упоминает тюркское слово: *йогурт* 'кислое молоко', которое известно и с немного другой огласовкой — *йогрут* (Древнетюркский словарь). В средневековых тюркских словарях, составленных на основе арабского алфавита и с арабскими толкованиями, это слово читается как *йагурт*. По мнению М. А. Рясянена, автора «Опыта этимологического словаря тюркских языков», гласный *-а-* начального слога в *йагурт* возник не фонетически, а под влиянием тюркского существительного *йаг* 'масло, жир'. М. А. Рясянен обращает внимание на редкую тюркскую средневековую форму *чуграт* (возможно, *джуграт*), весьма напоминающую слово *чорт* 'кислое молоко, простокваша' в сагайском диалекте хакасского языка, а также форму *чурт* у В. И. Даля.

Отмеченная в древнетюркском форма *йогурт* встречается и в современных тюркских языках: азерб. *йогурд*; турецк. *йогүрт*, *йо'урт* 'кислое молоко, творог'; крым-татарск. *йогурт* 'кислое молоко', *йугурт* 'творог'; кумыск. *ювурт* 'кислое молоко югурт'; ногайск. *ювырт*, *ювырты* 'кислое молоко, простокваша'; балкарск. *зу'урт* 'заквашенное кипяченое молоко'; киргизск. *жууурат* 'цельное кислое молоко без примеси воды и не снятое, варенец'. Якутское *суорат*, обозначающее разные виды кислого молока, точно совпадает со всеми этими тюркскими формами, ибо начальному тюркскому *й-* (а также *ж-*, *з-* по отдельным языкам и диалектам) у якутов закономерно соответствует *с-*. На основе этого якутского слова возник русский сибирский диалектизм *сорá* 'якутское кислое коровье масло', отмеченный не вполне точно в Далевом словаре в гнезде *соръ*.

Легко проследить и происхождение этих слов: они образованы с помощью тюркского суффикса *-т* от глагола *йогур-* 'месить' (Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962). Сходным образом на тюркской почве получилось название сушеного соленого сыра или творога *кур(у)т*, в котором к глагольному корню *куру-* 'сушить' присоединился редкий суффикс *-т*. Это слово проникло и в русский язык: курт и крут (Даль).

Тюркским наименованием *йогурт* называли первоначально кислое молоко, которое получалось специальным заквашиванием. Только вторично название стало относиться к кислому молоку вообще и даже к простокваше, которая

получалась без специального заквашивания. Тюркские формы типа *йагурт* показывают, что сближение с названием масла *йаг* произошло после разрыва смысловых связей с глаголом *йогур-* 'месить, замешивать'. В некоторых старинных тюркских словарях при глаголе *йогур-* 'месить', существительное имеет вид *йагурт*. Несходство глагола и существительного несомненно свидетельствует о том, что эти слова уже не воспринимались как родственные, однокоренные.

Итак, тюркское название кислого молока *йогурт* неоднократно или прямо, или через посредство других языков входило в русский язык, приобретая в зависимости от обстановки разные формы: чурт, сорá, я́урт, ягúрт, ёгурт, югúрт, иогúрт, йогúрт. Правильной из последних трех следует признать лишь *югурт* (читается *йугурт*), ибо лишь эта форма хорошо укладывается в рамки традиции передачи тюркских слов по-русски. Особенно интересны местные формы: погайская *чурт*, которая не отмечена в современном погайском, и измененная якутская *сорá*; они отражают связи русского народа со своими соседями.

Слово *югурт* — не единственное, которому здесь значительно урезали стаж употребления в русском языке.

Недавно ставшее модным у футбольных репортеров и обозревателей слово *аутсайдер* не такой уж новичок в нашей лексикографии, то есть в русских словарях, хотя его орфографический облик три четверти века назад был ориентирован не на произношение, а на правописание своего английского первоисточника — многозначного слова *outsider* 'посторонний; человек, не принадлежащий к данному кругу, партии и пр.; лошадь или человек, не имеющие шансов в состязании; неспециалист и т. п.', которое произносится *áutsáйдэ*. Оно отмечено, например, в 1897 22-м томе (43-м полутоме) «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «*Оутсайдер* (*Outsider*) — скаковая лошадь, которой при скачке не обещают шансов. При лодочной и др. гонках слово *о.* употребляется так же в противоположность фавориту. На бирже *о.* называются лица, занимающиеся спекуляциями, не будучи членами и не имея действительного интереса в делах».

Впоследствии под влиянием русского аканья и частично английского произношения с начальным дифтонгом *áу* в русском языке возникает новый орфографический вариант слова *аутсайдер*, который конкурирует со старым *оутсайдер*. Колебания орфографии отражены в «Словаре

иностранных слов, вошедших в русский язык» (1933), где имеются две словарные статьи: «*аутсайдеры* — англ. [outsider 'посторонний'] — дикие предприятия какой-л. отрасли производства, не входящие в объединение предпринимателей этой отрасли» и «*оутсáйдер* или *аутсáйдер* — англ. [outsider] — 1) сп(орт). лошадь на скачках, не входящая в число фаворитов, на которую немногие держат пари; 2) ком(ерческий термин) — посторонний на бирже игрок, занимающийся спекуляцией, не состоя ее членом».

В последующих изданиях «Словаря иностранных слов» вариант *аутсайдер* получил дополнительные значения, которые были у его орфографического варианта *оутсайдер*, а последний постепенно превратился в ссылочное слово и потом исчез вовсе из словарей, уступив место своему фонетическому двойнику. Спортивное употребление слова *аутсайдер* с лошадей перешло на спортсменов и даже спортивные команды, получив расширительное значение. Впрочем, в широкое употребление слово *аутсайдер* так и не вошло, оставшись звучным достоянием спортивных комментаторов.

Строго говоря, нельзя считать новым словом также название шерсти ангорской козы и изделий из этой шерсти *мохёр* вместе с прилагательным *мохёровый*, ибо в форме *мóгер* оно известно уже «Словарю иностранных слов, вошедших в русский язык» (1933): «*мóгер* — англ. [mohair] < ар. — 1) шерсть ангорской козы; 2) ткань из этой шерсти». Составители словаря-справочника «Новые слова и значения» обнаружили это слово лишь в «Словаре иностранных слов» (1964), куда оно перекочевало без изменений, но из-за небрежности составителей оно теперь почему-то утратило свой солидный словарный стаж.

Начальное ударение в старой форме *мóгер* обязано влиянию английского источника, а в новейшей разновидности слова *мохёр* можно предположить о влиянии немецкой передаточной среды.

Впрочем, немецкая по ударению разновидность слова была известна еще до революции, когда она попала в оставшийся незавершенным «Словарь русского языка, составленный Постоянной словарной комиссией Академии наук СССР» (1927): *магёр*, *магёровая* материя — сорт шерстяной материи. В этом написании отразилась старая традиция передачи немецкого *h* русским *г*, а также русское акающее произношение гласного в безударном слого.

Само английское *mohair* считается типичным бродячим торговым словом, которое в конечном счете восходит к арабскому причастию *мухайяр* с первоначальным значением 'отборный'. Оно являлось первоисточником текстильного торгового термина в целом ряде языков Европы: фран. *мопсауар, моуцауот, моhair, моиге, моуаире* (часть этих форм уже устарела), польск. *muchajer, muchair, mochajer*; чешск., словацк. *моhér, моарé, моигé*; старочешск. *мошеjр, мисчеjр, mochýr*; новогреческ. *мухайрион*; итал. *мосаjардо, мисоjардо* и т. п. Иногда расхождение в звучании сопровождается в этих языках и разницей в значении, то есть из одного слова получаются разные слова, как это случилось и в русском языке.

Арабское *мухайяр* еще в XVI веке пришло в русский язык через тюркские языки Средней Азии как название старинной бумажной ткани с примесью шерсти или шелка — *мухойр*. А в XIX веке в русский язык пришло это же слово через французское посредство уже в облике *муár* (также *моár, муарé, моарé*) 'плотная шелковая или полушелковая ткань, с разводами, переливающаяся (на свету) разными оттенками'. Разница между словами *мохёр, муár* и *мухойр* не только в их звуковом оформлении, но и в значении (они обозначают ткани разного рода). Это говорит лишь об общности их отдаленного источника в арабском языке (см. подробнее: И. Г. Добродомов. — «Русский язык в школе», 1967, № 2).

История бытования в русских словарях многоликих слов *югурт, аутсайдер* и *мохер* во всех вариантах показывает, насколько важно для составителей словарей соблюдать принцип историзма, следить не только за появлением слова в языке, но и учитывать всевозможные изменения его орфографии, внимательно всматриваясь в источники, из которых слово пришло в русский язык, и учитывая орфографический разнобой. В таком случае за разными написаниями никто бы не видел разных слов. В дальнейшем составителям словарей новых слов следует внимательнее относиться к этимологии, с помощью которой все разнообразные формы могут быть сведены воедино, а довольно старые слова в неправильном написании не будут приниматься за новые.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

НАШ С ТОБОЙ

В русском языке наряду с лично-местоименными конструкциями *мы с тобой, мы с ним (с ней), вы с ним (с ней), они с ним (с ней)* («Русская речь», 1972, № 1) существуют и такие синтаксически неразложимые обороты, как *наш с тобой, наш с ним (с ней), ваш с ним (с ней)* и др. По структуре и функции они имеют много общего. Их объединяет значение «двойственности», но в первом случае речь идет о совокупности двух лиц, а во втором — о принадлежности чего-либо двум лицам. В качестве главного слова в конструкциях второго типа употребляются притяжательные местоимения *наш, ваш, реже их*.

Эти обороты выступают неделимо в роли одного члена предложения — обычно определения. Их широкой употребительности в речи способствует то, что творительный совместный (творительный социативный) здесь, помимо местоимений *с тобой, с ним, с ней*, может быть представлен неограниченным кругом имен существительных. Кроме того, и само главное слово этого оборота может быть употреблено не только в именительном, но и во всех косвенных падежах единственного и множественного числа, а в единственном еще и в формах трех родов: «А наше с тобой дело пионерское: „Будь готов!“ — „Всегда готов!“» (Фадеев. Молодая гвардия); «Я пошел на каток. На наш с тобой каток» (Лазутин. Сержант милиции); «И если мне не хочется погибнуть на войне, то это прежде всего ради тебя, любимая, ради нас, ради нашего с тобой счастья» (Гончар. Человек и оружие); «А он, заслышав наши с хозяйкой шаги, опять поднялся с места и вежливо наклонил в нашу сторону голову» (Э. Грин. В стране Ивана); «Я для того говорю о его светлой памяти, что будь жив он, ваш отец, он бы за ваш с сестрой поступок очень сурово спросил с вас» («Известия», 24 августа 1963); «Я не берусь устанавливать степень виновности тов. Пинского и вникать в их с Толпыкиным взаимоотношения» («Известия», 25 сентября 1963).

При вежливом обращении «на Вы» закономерно возникает оборот *наш с Вами*: «Я хочу вам ответить как человек вашего поколения. Да и не одна этого хочу, просят меня несколько человек нашего с вами возраста» («Известия», 30 апреля 1964); «Наша с вами дружба куда моложе» («Литературная газета», 18 августа 1964).

Внутри такой притяжательной конструкции между двумя частями ее возможна постановка определяемого существительного: *наш с тобой долг, ваша с ним задача и наш долг с тобой, ваша задача с ним и т. п.*

Пределы допустимости таких «перестановок» не поддаются строгому определению, и суждения об их возможности или невозможности в том или ином конкретном случае относятся не только к грамматике, но в какой-то степени также и к области стилистики. Несомненно одно, что обороты типа *наш с тобой* тем непроницаемее для вставок, чем менее способны сами определяемые ими существительные «притягивать» к себе по смыслу и грамматически творительный социативный *с тобой, с ним, с братом* и т. д. Ведь ясно, что в сложных словосочетаниях *наш с тобой каюк, наши с хозяйкой шаги, нашего с вами возраста* и т. п. и при изменении порядка слов просто не может возникнуть иных лексико-грамматических связей, так как невозможны сочетания типа *каюк с тобой, шаги с хозяйкой, возраста с вами* и т. д. Поэтому и самая перестановка слов в таких сложных словосочетаниях — явление редкое и воспринимается как крайняя степень разговорной непринужденной речи, не стесняемой строго литературными нормами.

В таких сочетаниях, как *ваш с сестрой поступок*, при перестановке слов *ваш поступок с сестрой* как будто возможно вычленение словосочетаний *ваш поступок* и *поступок с сестрой*. Но это будет уже совсем иное смысловое и грамматическое наполнение текста, представляющее простую омонимию к рассматриваемым нами явлениям. Сама возможность такой омонимии тоже может быть то более, то менее реальной; ср.: *наше с тобой дело, ваше с ней счастье* и т. п.

Интересны случаи, когда внутри притяжательной конструкции оказывается отглагольное или приглагольное в широком смысле существительное, которое само способно вступать в отношении «сильного управления» с творительным социативным: беседа, встреча, знакомство, дружба, свидание, ссора и др.: «Я совсем не понимаю, мама, почему ты с каким-то особым наслаждением льешь грязь на нашу дружбу с Николаем?» (Лазутин. Сержант милиции); «Первое наше знакомство с Иваном Александровичем оказалось весьма поверхностным» (Кожухова. Не бросай слов на

ветер); «Милый папа, только самое доброе чувство, о котором я тебе говорил в последнее наше свидание с тобой, принуждает меня сказать тебе мое мнение о положении матери» («Литературная газета», 6 июля 1963); «От тех далеких дней, овеванных в моем сознании почти сказочной дымкой, у меня остались лучшие воспоминания. И как одно из самых лучших — воспоминание о нашей совместной работе с Фединым» («Литературная газета», 4 февраля 1964); «Последняя наша встреча с Антонио Мачадо запечатлена на фотографии» («Литературная газета», 21 марта 1964).

Представленный в приведенных примерах порядок слов все более приобретает характер нормативного. Он способствует обогащению лексико-грамматических связей в предложении, делает эти связи взаимно перекрещивающимися, так как творительный социативный здесь выступает не только в качестве показателя «двойственного» значения притяжательной конструкции, но и удовлетворяет потребности существительного в определенном виде управления. Здесь наблюдается полный параллелизм с лично-местоименными конструкциями *мы с тобой*.

При этом, конечно, не исключена возможность омонимии с чисто множественным значением притяжательных конструкций. Так, предложение «Наша беседа с тобой слишком затянулась» можно понимать не только как беседу двух лиц между собой, но и беседу нескольких лиц с одним. Однако в практике речи описанные конструкции гораздо шире и предпочтительнее употребляются именно в значении принадлежности двум лицам, то есть содержат в себе неразложимые сочетания типа *наш с тобой*. В этом их своеобразие.

Обороты *наш с вами* и подобные могут приобретать обобщенное значение и перерастать в своеобразный стилистический прием выражения внутренней близости двух сторон, принимающих участие в речевом общении: говорящего лица (или шире — социальной среды, представляемой говорящим) и его слушателей, аудитории, к которой говорящий обращается. Эта внутренняя близость возникает здесь на почве общего отношения к чему-либо в широком притяжательном плане: «Наша задача — вырастить в человеке коммунистического завтра высокие гражданские принципы, патриотизм, общественное самосознание. И пусть эта задача станет главной в нашей с вами деятельности» («Литературная газета», 9 мая 1963). В этих случаях такие обороты, как *наш с вами*, также представляют полную параллель описанным в предыдущей нашей статье приемам использования с яркой экспрессивно-стилистической окраской оборотов типа *мы с вами*.

Профессор А. М. ИОРДАНСКИЙ
Владимир

«А ТКАЧИХА С ПОВАРИХОЙ...»

Эти слова, знакомые нам с детства из знаменитой сказки Пушкина, роднит не только значение, но и суффикс *-их* (*a*). О нем можно рассказать много интересного.

В современном русском литературном языке суффикс *их* (*a*) многозначен, он употребляется в названиях лиц женского пола, соотносительных с именами мужскими: портниха, сторожиха, ткачиха, трусиха, щеголиха и др.; в названиях самок животных: волчиха, зайчиха, крольчиха, слониха и др.; в единичных названиях действий: шумиха, неразбериха. Этот суффикс участвует в образовании народных названий растений: засади́ха — ‘черемуха’, раздоби́ха — ‘сорт малины’; предметов домашнего обихода: зава́риха — ‘кушание из молока и крахмала’, кружи́ха — ‘приспособление для сбивания сливочного масла’; в образовании имен собственных. В личных собственных именах (антропонимах) он оформляет собственные имена — названия женщин по фамилии, имени или прозвищу мужа: Дорони́ха (Доронин), Дрозди́ха (Дроздов), Мики́тиха (Микита).

Такие антропонимы часто употребляются в художественной литературе: «Крестная у меня тут, бабка Онуфриха»; «Мы ж с Егорихой смотрим: она [рубаха] порвана, и кабы немного, а то вся как есть» (Гайдар. Р. В. С.); «Утром подле амбара... сгрудилась молодежь, распознавшая, что Малафеиха „читаньем“ собирается излечить Марью» (Кочин. Девки).

Употребление антропонимов на *-их* (*a*) характерно для романов, повестей, рассказов, преимущественно о деревне. Это не случайно. Дело в том, что личные собственные имена па *-их* (*a*) — чаще всего прозвища. Они не только называют лицо, но и дают ему характеристику, выражают то или иное отношение к нему, от фамильярного до неодобрительного. Они экспрессивно окрашены, в большинстве случаев имеют отрицательную окраску. Характер ее зависит от того, в какой степени называемое лицо облада-

ет отрицательными качествами. Часто лицо, называемое прозвищем на *-их* (а), отрицательное лишь в глазах кого-то из окружающих: «Не бреш!.. Об прошлое воскресение Сопруниха консерву „Мелкий частик“ брала! Это тебе как?» (Липатов. Серая мышь); «Появление мамы на Селигере воспринималось прорабами, плотниками и печниками весьма оригинально. Им почему-то почудилось, что в образе интеллигентной дамы приехала на Селигер старая барыня. Ее окрестили сразу же „Толстихой“, и всякий норовил содрать с нее „большой куш“» (Д. Толстой. Начало жизни).

Отрицательная окраска этих слов иногда подчеркивается контекстом, в котором обнаруживаются полуимена уничижительного характера или слова и словосочетания, стилистически сниженные, также имеющие отрицательную окраску: «А ну, Светогориха, поддай жару! А то захочу, враз поколочу!» (Наседкин. Великие голдранцы); «Кауриха знала всех в городе, и все знали нахрапистую, горластую калачницу» (Пермитин. Первая любовь).

Наличие отрицательной окраски в антропонимах на *-их* (а) отмечал еще М. В. Ломоносов в «Российской грамматике». Некоторые лингвисты считают, что обилие в русском языке церковнославянизмов на *-иц* (а) со значением лица женского пола (царица) и самки животных (львица) поставило образования на *-их* (а) в этом же значении в ряд стилистически сниженных (см.: В. И. Чернышев. Суффиксы *-иха* и *-ица* в русском языке). Это, видимо, оказало влияние на окраску суффикса *-их* (а) и в антропонимах.

Имена на *-их* (а) употребляются в диалогах, в монологах действующих лиц, в рассказах о событиях деревенской жизни и в авторском описании, куда чаще переходят из речи персонажей: «Алешенька, добеги до Жаздричихи, до Горошихи — пускай побаняться. И пару, и воды горячей с залишком: не пропадать же добру» (Пермитин. Мать); «— Кудрявая?— воскликнула она.— Кудрявая тутощко живет, напротив, у Марьи Ивановны, Матросихи... Домик Матросихи — за палисадником, вход к ней со двора. Кругом — голые ветлы, между ними сугробы, сама хатка до крыши в сугробе...» (Ючин. Нижегородский откос).

Антропонимы на *-их* (а) называют женщину (жепу, реже дочь) по фамилии мужа или отца. Поэтому в художественных

произведениях такие имена выступают чаще как производные от основ фамилий, причем слова с производящими основами указываются обычно самим автором в контексте: «... Алеша собирался было выкрикнуть последний наказ „наговора“, как вдруг увидел соседку — вдову Жаздричиху» — мать Дуни Жаздриковой (Пермитин. Раннее утро); «... женщины, сердито наблюдающие за гордой и важной Варфоломеихой, мертво молчали...»; Варфоломеиха — жена рамщика Варфоломеева (Липатов. Серая мышь).

Значительно реже они употребляются как производные от прозвищ (или имен) лиц мужского пола, чаще мужа: «Замечательная это была пара! Баклан и Бакланиха — звали их» (Пермитин. Первая любовь). Иногда в самом произведении нет указаний на производящие основы фамилии, имени или прозвища: у Гайдара — Егориха от (Егор или Егоров?), Сычиха (от Сычев или Сыч?); у Наседкина — Гуляниха (от Гулянов, Гулянин или Гулян?).

Суффикс *-их* (*a*) в антропонимах, видимо, восточнославянский. В таких славянских языках, как болгарский, чешский, сербский, польский, он не отмечается. В русском языке суффикс *-их* (*a*), при помощи которого образуются антропонимы, немолод: выдающийся языковед А. М. Селищев называет его в числе суффиксов древнего происхождения, служащих для активного образования личных собственных имен в феодальную эпоху (XV—XVII вв.) и даже в более ранние эпохи.

Для современного русского литературного языка образование и употребление антропонимов на *-их* (*a*) не характерно. Считается, что они утратили свою употребительность в русском литературном языке уже во второй половине XIX века. Встречающиеся в это время в произведениях художественной литературы имена на *-их* (*a*) расцениваются как элементы стилизации под народно-разговорную речь. Распространенность, употребительность имен на *-их* (*a*) в языке произведений русской художественной литературы после революции связаны с дальнейшей демократизацией языка художественной литературы, с активным использованием в ней элементов разговорного стиля, просторечия и диалектной речи.

В диалектах современного русского языка, например кировских, бывших тверских, и других, активность образования и употребления антропонимов на *-их* (*a*) сохраняется. Свободно, легко образуются, широко употребляются они и в говорах южных районов Горьковской области. Здесь свободно производятся такие имена не только от основ прозвищ, фамилий и имен лиц мужского пола, но и от нарицательных существительных, от прилагательных и глаголов: Торгаши́ха — Торгаш, База́риха — Базаров, Семёни́ха — Семен, но Петуши́ха — петух, Си́ни́ха — синий,

Балу́йха — балуи́ть — «много и копусту гсворить», Зуи́ха — зуйть — «суетиться, метаться».

И все-таки больше всего образований от фамилий и прозвищ мужского пола, как правило, мужа. Большинство таких производных в говорах южных районов Горьковской области, в частности Арзамасского, имеют отрицательную окраску: «Загрызла Барсы́ниха свою свекровь, все ей не эдак да не так, противна кака́»; «Дани́лиха-то мужика свою чуть до смерти не убила. Изверг баба!»; «Да, чай, она обидится, ежели в глаза назовешь Горши́хой, эт мы так, по-улишному, — фамилия у ней Горшба́нкова». Кроме диалектов, антропонимы на *-их (а)* широко распространены в городском просторечии: в южной части Горьковской области — Арзамасе и Лукоянове. Употребляют их люди разные по возрасту, профессии и образованию.

Итак, употребляемые в художественных произведениях антропонимы на *-их (а)* представляются диалектными или просторечными образованиями, отсутствующими в современном русском литературном языке. Они отражают диалектную и просторечную языковую стихию и используются как одно из средств создания выразительности, образности языка.

Л. А. КЛИМКОВА
Арзамас

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 40)

I

1. Они долго спорили в тот раз о работе спортсекции клуба.
2. а) Организаторы вечера должны поручить разработку программы (кому-нибудь);
б) Организаторы вечера должны разработать программу.
3. Товарищи обсуждали вопрос о том, как улучшить организацию соревнований в труде.

II

Бойкий — живой, разбитной, бедовый, боевой (разговорное); боевитый (просторечное);
волнение — трепет, взволнованность, смятение, смятенность;
дума — мысль, размышление, раздумье, помысел (книжное); помышление (устарелое и книжное); думушка (народно-поэтическое);
облить — обдать, окатить, полить, залить, скатить (разговорное);
покос — сенокос, косовица, косьба.

ЕДИНСТВЕННОЕ — МНОЖЕСТВЕННОЕ МОЗГ — МОЗГИ

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова к слову *мозг* в значении «центральный орган нервной системы» дается помета «только единственное». Такая же помета к этому слову в указанном значении имеется в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, а также в 4- и 17-томном академических словарях.

Мнение об отсутствии множественного числа у слова *мозг* высказывается и другими авторами (Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Папукевич. Современный русский язык. М., 1969). Между тем множественное число *мозги* в русском языке существует.

Прежде всего *мозги* вполне закономерно образуется от *мозг* и употребляется для обозначения обычного множества однородных предметов — *мозгов*: «Мозги у вас не работают»; «Ваши мозги никуда не годятся» (из разговорной речи). Ср. также переносно: кибернетические (или металлические) «мозги» роботов; сумка «мозгов»; «утечка мозгов». «Мы этого не имеем права, — сказал большой дядя ЖЭК, — мозги, хотя и электрические, нам по смете не утвердят» (Политыко. Жечек). Форма *мозги* не может употребляться так же часто и свободно, как *дома*, *руки*, *столы* и др.

Особенность этой формы заключается в том, что она не только обозначает множество предметов данного ряда, но употребляется также и в значении единственного числа. В таком применении, как обозначение сложного (парного) предмета (органа, состоящего из двух полушарий), она возникла давно, по аналогии со словами *легкие*, *почки* и др. В свое время И. И. Срезневский в «Материалах для Словаря древнерусского языка» приводил пример с формой *мозги*, подчеркивающей сложность, расчлененность обозначаемого предмета (мозга). В Толковом словаре В. И. Даля

мозг — *мозги* рассматриваются как равноправные: «Мозг — мозги — серое вещество мозга».

Значение расчлененности, на основе которого возникла форма *мозги*, придает ей экспрессивный, «интенсивно-качественный характер», по выражению В. В. Виноградова. Она охотно использовалась многими писателями XIX века, нередко применяется и в настоящее время: серые или ожиревшие мозги (вместо *мозг*); мозги отдыхают; «Готового ничего нет, мозги высохли и ничего из них не выжмешь» (Тургенев. Письмо Я. Полонскому 8 декабря 1873 г.); «Признаться, от жары мозги раскисли» (Чехов. Дуня); «Всего я не понял, мозги у меня не так устроены, чтобы все понять» (Седых. Даурия).

Обычно *мозги* в значении «мозг» в современном русском языке употребляется в разговорной речи: мозги у тебя свежие; у нее болят мозги. Ср. просторечное: дать, ударить по мозгам. Соотносительная форма единственного числа *мозг* стилистически нейтральна: серое вещество мозга, головной мозг, спинной мозг.

В производном значении «ум, умственные способности» *мозги* имеет даже преимущественное употребление по сравнению с *мозг*. Это косвенно свидетельствует о широком употреблении *мозги* вместо *мозг* и в исходном значении «центральный орган нервной системы», которое как бы сосуществует с производным значением: пораскинуть мозгами; напрягать мозги; промыть или прочистить кому-либо мозги; «Мозги не в порядке» (Достоевский. Братья Карамазовы); «Если Гитлер имеет мозги, он должен немедленно... накинуть петлю на шею» (Н. Думбадзе. Я вижу солнце).

Характерно также, что большинство устойчивых фразеологических оборотов со словом *мозг* связано с множественным числом *мозги*: двигать или шевелить мозгами; мозги набекрень; мозги не на месте; «Книга — книгой, а мозгами двигай» (Маяковский); «У кого-то из нас мозги сегодня набекрень, факт» (Шолохов. Поднятая целина).

На основе первичного значения возникло также производное значение формы множественного числа «кушанье, приготовленное из мозга некоторых крупных животных»: телячьи мозги; мозги с горошком; мозги с огурцом. Однако значение расчлененности в таком употреблении слова *мозги* почти не ощущается: «Заботливая кухарка... ежедневно готовила Ковпаку мозги» (Вершигора. Это было под Ровно).

Таким образом, в настоящее время форма *мозги* в значении «центральный орган нервной системы» сохраняет свою выразительность, экспрессивность и поэтому вряд ли уместна помета «только единственное» при слове *мозг*.

Это слово также относится к группе существительных, форма множественного числа которых может употребляться в значении единственного для обозначения сложности, расчлененности называемого предмета (сани, санки, салазки). Однако оно всегда имело форму единственного числа — *нарта*. В Словаре 1847 года это слово приводится в единственном числе: «Нарта делается наподобие рыбачьих санок». Например: «Глубокие снега и дремучие леса преодолевают они на лыжах, а припас свой на особливых возят санках, нарта называемых» (Лепехин. Дневные записки путешественника).

В связи с ростом продуктивности форм множественного числа со значением сложного предмета (*пролетки, передки* — по отношению к одному предмету), форма *нарты* получила во второй половине XIX и в начале XX века более широкое применение, стала употребляться чаще, чем *нарта*. Это явление было отмечено в «Этимологическом словаре» А. Преображенского, где к слову *нарта* дана помета «обыкновенно множественное — нарты». Такая же помета дается в Толковом словаре Д. Н. Ушакова: «чаще множественное — нарты»: «Зимой едут отсюда на собаках, в так называемых нартах, низеньких санках, лежа по одну человеку в каждых» (Гончаров. Фрегат Паллада); «Когда нарты были уложены, Миону привязал щенка к дереву» (Арсеньев. В горах Сихоте-Алиня); «У подъезда оказались верховые лошади и крошечные нарты, вернее спортивные лыжи, скрепленные маленьким сиденьем» (Игнатьев. 50 лет в строю). Однако у В. Арсеньева мы находим *нарта — нарты* по отношению к одному и тому же предмету: «Стоя на лыжах и изо всей силы упираясь в дышло своей нарты, он стремглав несся книзу... Марунич с нартами врезался в мелкий ельник» (В горах Сихоте-Алиня).

Составители последующих толковых словарей русского языка отдают предпочтение форме *нарты*. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова это слово дается во множественном числе, хотя и указывается единственное. Но такое положение уже не отражает действительного соотношения между *нарта — нарты* в современном русском языке, потому что формы множественного числа со значением сложного предмета в начале XX века в значительной мере утратили продуктивность и сократили область применения. Некоторые из них, например *пролетки, передки*, вовсе вышли из употребления. Словом *нарты* также стали реже называть один предмет.

В настоящее время *нарты* довольно часто по традиции используется вместо *нарта*: сидеть на нартах; легкие нарты; сделать

нарты. Оттенок сложности, расчлененности отнюдь не утрачен полностью: «Сделай мне нарты,— попросил он» (Костюковский. Поездка к солнцу); «Собаки едва тащили нарты» (Рытхтеу. Волшебная рукавица); «Ослепленный пургой Тукай выпал из нарт на торосы» («Правда», 29 сентября 1961).

Однако единственное число *нарта* получает все более широкое применение, вытесняет соответствующую форму множественного: сесть на нарту; сделать нарту; тащить нарту; сломать, опрокинуть нарту; «Он тянул вместе с собакой нарту» (Задорнов. Амур-Батюшка); «Саша Ивлев шагает рядом с нартой, холодный ветер гонит следом за нартой снежную пыль» («Комсомольская правда», 28 ноября 1968); «Два человека в ледяной пустыне тащат нарту, на которой в парусиновом мешке лежит Седов» (Владимиров. 52° 21' северной широты. «Огонек», № 35, август 1962); «Собаки проскочили, а нарта рухнула в воду» («Учительская газета», 10 октября 1967).

В последние десятилетия преимущественное употребление *нарта* по сравнению с *нарты* становится более очевидным. Так, в повести Ю. Рытхеу «Волшебная рукавица» имеется всего две формы *нарты* в значении единственного и 34 *нарта* в обычном употреблении. В повести Г. Федосеева «Последний костер» соответственно 4 и 16, в романе С. Курилова «Ханидо и Халерха» — 1 и 60 и т. д. Было бы более правильным, на наш взгляд, давать в толковых словарях русского языка слово *нарта* в единственном числе но отмечать возможность употребления *нарты* по отношению к одному предмету.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что колебание в числе имен существительных — реальный процесс, который присущ и современному русскому языку. Изучение этого процесса раскрывает некоторые закономерности в развитии категории числа — стремление к более четкому противопоставлению значения множества (расчлененности) и единичности (нерасчлененности, цельности) (об этом см. статью Д. И. Арбатского. — «Русская речь», 1967, № 6).

Д. И. АРБАТСКИЙ
Ижевск

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Диалектизмы и литературный язык

По материалам
районных газет
Волгоградской
области

В районных, а иногда и в областных газетах встречаются слова, формы и устойчивые выражения, которые характерны для местных говоров, но отсутствуют в литературном языке. Это так называемые диалектизмы и просторечия. Читатели и сами газетные работники часто спрашивают: можно ли использовать и в какой мере диалектные и просторечные слова в языке местной газеты?

Вопрос этот сложный, и эя не может решаться однозначно. Во-первых, нужно знать, что состав диалектно-просторечных форм неоднороден во многих отношениях. Это может быть слово, широко употребительное и в территориальном и в социальном отношении, или ограниченное в своем распространении; слово может быть отмирающим, выходящим из употребления или, напротив, активным и в современной народной речи. Важно учитывать и его значение: одно дело обиходно-бытовое слово, другое — сельскохозяйственный термин. Во-вторых, возможность использования диалектизма зависит от жанра газетного произведения, от тематики, от конкретного речевого задания. Большое значение имеет способ подачи нелитературного слова и уместность его в том или другом тексте.

Как известно, в произведениях художественной литературы диалектизмы, как и просторечия, используются в качестве стилистического средства для ха-

рактистики персонажей, для создания местного колорита. Обычно диалектно-просторечные элементы включаются в речь персонажей, но с известной мотивировкой используются также и в авторской речи. На первых страницах «Тихого Дона» М. А. Шолохова мы встречаем в речи героев и в авторском повествовании ряд донских диалектизмов, которые, кстати сказать, распространены и в говорах нашей Волгоградской области: «Прокофий обстроился: плотники срубили *курень*, сам пригородил *базы*... жил в своем *курене бирюком*... не бывал на *майдане*. *Гутарили* про него по хутору *чуднбе*. Ребята пасли телят за *прогоном*... *Жалмерка*. Мавра... разглядела, что турчанка попалась Прокофию последняя из *никудышных*... одна *страма*. *Стрыгёт* глазюками... А глаза *тусменные*...».

Конечно, такой способ использования местных слов возможен лишь в художественных произведениях. Но, очевидно, в пределах художественной меры диалектизмы могут включаться и в те жанрово разнообразные художественно-образные миниатюры, которые помещаются в газетах. Так, в газете «Спутник» (Чернышковский район) был опубликован рассказ «Мальчишка». Рассказ написан хорошим литературным языком, но в речевую ткань повествования введено несколько словоформ, характерных для местного говора. И хорошо, что вводимые в речь героев лексические диалектизмы здесь объясняются самим контекстом: «„Василь,— позвал он брата,— принеси-ка мне рушник“. Вася, сделав гримасу, пошел в хату и тут же вернулся с полотенцем». Читатель понимает: *рушником* в говоре называют полотенце, крестьянский дом — *хатой*.

Можно отметить умелое введение диалектных слов с пояснениями при описании особенностей местного производства и в газете «Колос» (Иловлинский район). В статье о переработке арбузов читаем: «Прекрасный получился *нардек*, как называют у нас арбузную патоку».

Уместны областные донские слова в описании тяжелого проплого крестьян-казаков: «Скрепя сердце, отдал отец в зятя своего сына-помощника только из-за того, чтобы не *справлять* молодого казака на службу». («За урожай» Клетского района).

Стилистически оправданным представляется и диалектизм, употребленный с юмористической целью в очерке о нерадивом заведующем животноводческой фермой, который «просидел с *хваткой* на плотине пруда и не заметил, как пригнали с поля и подмил коров...» (*хватка* — примитивная рыболовная снасть). «Заря» Суровицкого района).

В переносном смысле в калачевской газете «Борьба» употреблено диалектно окрашенное слово *горница*: «Вербовские хутори-

не по вечерам собираются в самой большой „горнице“ своего села — в просторном зале клуба...».

Такой способ подачи диалектизма — хороший прием, стилистически весьма выразительный. Здесь и легкий юмор, и образность, и умеренный речевой колорит. Сходное находим и в котельниковской газете «Искра», где умело обыгрывается диалектное значение слова *резвый*.

Иногда местные слова и формы употребляются как нейтральные средства. В этом случае мы имеем дело уже с нарушением литературной нормы, которое можно объяснить только отрицательным влиянием диалектной речи. Вот несколько примеров:

«Шмелев *сулил* водопровод построить, но так и не сдержал своего слова» («За урожай»). Почему *сулил*? В стилистически строгой, деловой и серьезной критической статье уместнее было бы слово *обещал*.

«Малолюдно у нас *нонче* в мастерских» («Искра» Котельниковского района). Следовало сказать: *сегодня*.

«За это ее [доярку] и *костерили* подруги» («Красное знамя» Нехаевского района). Почему не *бранили*, *ругали*?

А вот просторечное слово, поданное от первого лица: «Будем что-нибудь *мараковать*» («Колос»). Возможно, в прямой речи, в реплике, слово *мараковать* можно бы и одобрить как колоритный элемент устной речи. Но когда эта фраза оказывается в составе обычного, стилистически нейтрального сообщения должностного лица о работе производственной бригады, стилистически ярко окрашенное слово здесь оказывается совершенно неуместным. Следовало бы употребить, например, *думать* или *соображать*.

В газетах встречается много диалектных или просторечных слов и формообразований, часть которых, как видно, вводится в текст с намерением освежить речь нестандартной формой или усилить местный речевой колорит. Однако не всегда это намерение достигает нужного результата. Чаще всего подобные образования оказываются неуместными и портят речь. Приведем наиболее типичные примеры: «Они [покупатели] потребовали *возвернуть* переплату»; «Лошади *стрянут...*» («Красное знамя»); «Приходят, когда *вздумается*, уходят, когда *схочется*» («Заря»). В нескольких газетах отмечена диалектно-просторечная форма *сгодится* вместо литературной *пригодится* («Спутник», «Ударник» Ставропольского района). Просторечное слово *отлынивать* встречается в диалектной форме *лынять*: «Старается всячески *лынять* от работы» («За урожай»).

Всем приведенным формам в литературном языке есть точные соответствия, нейтральные для общенародной русской речи. Использование нелитературных форм в каждом конкретном слу-

чае требует серьезного обоснования. Иначе отступления от нормы становятся грубыми лексико-стилистическими ошибками.

Есть, однако, среди местной, областной лексики и такие словарные единицы, обозначающие важные реалии (предметы, явления), для которых в литературном языке нет соотносительных названий или эти понятия в общенародном языке передаются описательно. Сюда относятся в первую очередь термины, обозначающие объекты и процессы сельскохозяйственного производства. Таково слово *баз* в значении 'скотный двор'. Это слово территориально ограниченное, местное. Оно типично для донских диалектов, но распространено также и в волжских говорах нашей области и далеко за ее пределами на южнорусской и среднерусской территории.

Как известно, слово *баз* встречается в произведениях Шолохова, Бабаевского и др. В 30-е годы с первых же номеров учрежденных в то время районных газет *баз* наряду с массой других сельскохозяйственных терминов проникает в статьи на местные производственные темы: «Ферма на *базу* кулака»; «*Базы* оборудованы»; «Даешь чистые культурные *базы*» («Голос коммунара» Новоаннинского района, 1 июня 1930, 1 мая 1931; «Колхозный Дон» Чернышковского района, 4 января 1930). С того времени слово *баз* не сходит со страниц местной печати: оно употребляется во всех местных газетах юго-западных районов нашей области. Возникли и новые образования с устойчивыми определениями: *выгульные базы*, *разгульные базы*.

На вопрос, правомерно ли употребление *баз* в наших газетах, мы отвечаем положительно. Это слово мы находим в одном из последних толковых словарей русского литературного языка с пометой «областное», однако оно в устной речи, и в местной печати по существу получило полные права литературного гражданства.

Чем можно объяснить такое положение? Во-первых, тем, что это слово общеизвестно и никаких недоумений среди местных жителей не вызывает. Во-вторых, в литературном языке, оказывается, нет соответствующего однословного термина, то же понятие передается описательно — словосочетанием *скотный двор*. Последнее выражение не было известно нашим говорам в прошлом, не является оно общеизвестным и сейчас. Притом определение *скотный* непосредственно связано с активным в современных говорах терминологическим прилагательным *скотная* (овца, кошка), что также, очевидно, не может не служить препятствием для усвоения литературного фразеологизма. Все это говорит в пользу того, что слово *баз* нужно считать допустимым в газетных статьях на производственную тему.

То же следует сказать и о словах *кошара* 'загон для овец' (слова *овчарня* и *овчарник* в современных говорах нашей области известны только в значении 'хлев для овец'), *загонка* 'участок обрабатываемого поля'; *нетель* 'молодая, еще не телившаяся корова'; *тепляк* 'утепленное помещение для ягнят'; *полеглый* 'полегший (хлеб), приклоненный стеблем к земле'.

Все такие слова, безусловно, получили право считаться закономерными. Как однословные термины, они обозначают производственно важные понятия, значение их ясно, и в плане стилистическом они воспринимаются как вполне литературные, а не собственно местные названия. Других синонимических замен в литературном языке они не имеют.

Иной нормативной оценки заслуживает термин *гуляк* в значении 'молодняк крупного рогатого скота' и производное от него новообразование *гуляшник* 'помещение для гуляка'. Очевидно, недопустимы и встречающиеся в газетах донских районов диалектные образования типа *телок*, *ягнок* вместо литературных *теленок*, *ягненок*: «Получают суточный привес по 700 граммов на *телка*) («Нива» Киквидзенского района, «Борьба» Калачевского района).

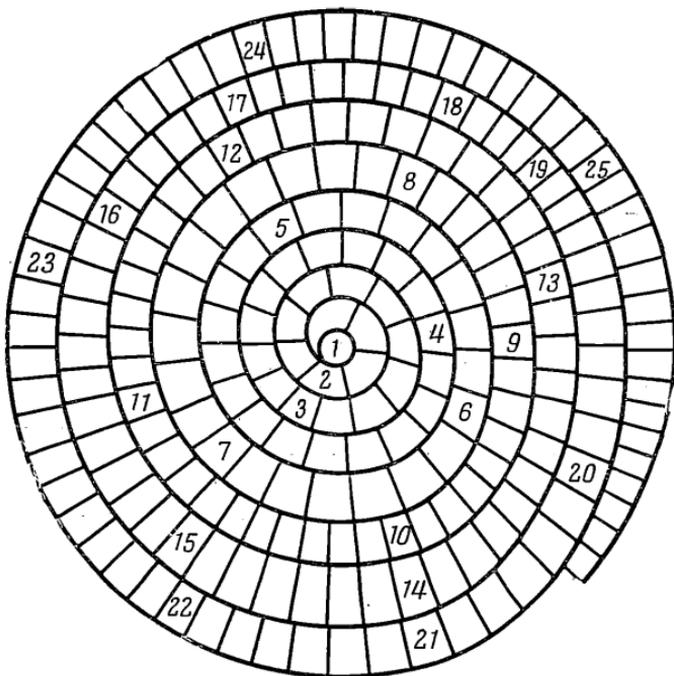
Доктор филологических наук
Л. М. ОРЛОВ

ЧАЙНВОРД «НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ»

По указанному значению найти соответствующее ему слово, вставить его в клетки чайнворда. Большая часть появившихся в 50—60-е годы XX века новых слов не является новообразованиями или заимствованиями из иностранных языков, а применялась ранее в узких языковых сферах. Такие слова часто употреблялись в периодической печати и в литературе и стали достоянием литературного языка. Это отмечено словарем-справочником «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971). В затруднительных случаях пользуйтесь этим словарем.

1. Молодой спортсмен, достижения которого оцениваются по особому возрастному разряду. 2. Боевой корабль или самолет с ракетным вооружением. 3. Сочетание музыки с цветовыми эффектами. 4. Формалистическое течение в изобразительном искусстве XX века многих

капиталистических стран, отражающее кризис буржуазной культуры, порывающее с традициями реалистического искусства. 5. Объединенные в одном устройстве радиоприемник и магнитофон. 6. Аппарат, обеспечивающий дыхание человека под водой. 7. Наука о старении организ-

мов и продлении жизни. 3. Специалист по ядерной физике. 9. Комплекс сооружений и оборудования для запуска космических ракет. 10. Легковой автомобиль с многоместным кузовом. 11. Образное название действий, при которых человек отдает все свои силы и знания какому-либо делу. 12. Пассажир воздушного транспорта. 13. Повествование о чем-либо, передаваемое по радио. 14. Резиновая деталь дыхательного аппарата, вставляемая между губами и зубами. 15. Телевизионные передачи, производимые с помощью космического аппарата на дальние расстояния. 16. Советский современный парный танец, поставленный на мелодию с тем же названием. 17. Политика расового обособления и диск-

риминации черного и цветного населения. 18. Японская система самбо. 19. Оперативный работник, сотрудник органов милиции. 20. Специалист по истории и теории киноискусства. 21. Специалист, изучающий состав и изменение населения. 22. Журналист-фотокорреспондент. 23. Антибиотик, эффективный в отношении микроорганизмов, устойчивых к пеницилину. 24. Политика империалистических государств, направленная на экономическое порабощение стран. 25. Область науки и техники, занимающаяся созданием миниатюрных радиоэлектронных устройств.

*Чайнворд составила
Н. А. Флегонтова
(Ответы в следующем номере)*

ШКОЛА

МАКАРЕНКО О ПЕДАГОГИКЕ СЛОВА

Выдающийся советский педагог-новатор, писатель горьковской школы, А. С. Макаренко целиком посвятил свою жизнь воспитанию нового человека — борца и создателя. Выйдя из семьи рабочего, он прошел нелегкий путь от рядового учителя до заведующего школами, руководителя юношескими воспитательными учреждениями и оставил богатейшее педагогическое наследие. Как педагог-новатор, Макаренко видел огромную потенциальную силу коллектива, способную воспитать и сформировать личность. Одним из основополагающих педагогических принципов этого замечательного человека и педагога было утверждение того, что воспитать настоящий советский характер можно лишь при условии самого большого доверия и высокой требовательности к детям.

Автор «Педагогической поэмы», «Марша 30-го года», «Книги для родителей», повести «Флаги на башнях», Макаренко выступил ярким художником, сумевшим отразить насущные проблемы своего времени. Трудно отделить в нем педагога от художника. Справедливо замечено, что Макаренко был педагогом в литературе и худож-

*...Удивительный
Вы человецище
и как раз из таких,
в каких Русь
нуждается.*

Из письма
М. Горького
А. С. Макаренко

ником в педагогике. Большой художник и педагог, он знал цену слову. Его произведениям присущ простой и ясный язык повествования, подкупающий добротой и изяществом ума. Читая его книги, мы видим перед собой учителя, друга детей, доверительно повествующего о их жизни, о движении юношеских сердец.

А. М. Горький в письмах к Макаренко отмечал важную особенность творческой манеры писателя — эмоциональную окрашенность языка, разнообразие лирической интонации. Макаренко夫斯基 юмор, тонкая умная ирония и высокий пафос придают особую тональность его книгам. Своеобразие языка его произведений обусловлено тем, что писатель-педагог сознательно претворял документальный материал в чисто художественное произведение. «Блеск фактического материала» — сильнейшая сторона книг Макаренко, определившая собой и их язык, разговорный в своей основе. О повести «Флаги на башнях» А. С. Макаренко писал: «Я хотел изобразить счастье в борьбе, в коллективных напряжениях, в требовательности и даже суровой дисциплине, в труде, в тесной связанности с Родиной, со всей страной».

Как и всякий крупный педагог (вспомним замечательного русского педагога К. Д. Ушинского и его «Родное слово», знаменитого чеха Я. А. Коменского, его «Великую дидактику» и «Метод языков»), Макаренко оставил ценнейшие замечания о языке — важнейшем средстве воспитания подрастающего поколения, о насущной необходимости прививать детям культурно-речевые навыки. Этот вопрос Макаренко рассматривал с педагогической стороны. В языке, слове он видел неисчерпаемые возможности для деятельности педагога советской страны. «Образование в нашей стране,—писал Макаренко,—часть ее жизни, оно перестало быть эрудицией потребителя жизни, оно сделалось оружием создателя жизни».

Мечта Макаренко о воспитании культурного, грамотного человека имела реальную основу. Макаренко гневно пишет о постановке дела образования в царской России, разоблачая ханжество и «искренность» речей русской буржуазии о повышении грамотности среди народа. По словам Макаренко, вся романовская фамильная коллекция ничтожеств стремилась сохранить по возможности патриархальную темноту и прославленную «непосредственность» русского мужика. «Воспитать в школах христианские доблести и главную из них — долготерпение так и не удалось, но зато, промучившись три года за изучением мертвого церковнославянского языка, ученик из этой школы выходил таким же темным, каким входил в нее». Преобладающее крестьянское население России жило без книг и газет. Грамотный крестьянин лишь в редких случаях умел нацарапать свою фамилию. Подобную грамотность А. С. Макаренко называет «особым видом косноязычия, комических и жалких потуг выразиться по-книжному». Но и таких «ученых» людей было немного. Большинство же, особенно в провинциях, даже в официальных случаях ставило кресты — «обычай поистине христианский».

Язык многих народностей еще «нужно было открывать, как Колумб открыл Америку. Нужно было еще прислушиваться к этому языку, научиться ему, выяснить его законы, грамматику, снабдить его азбукой». Макаренко с гордостью советского гражданина отмечает, что только Советская власть создала школу и письменность у этих народов, организовала «действительную и глубокую систему народного образования... дала возможность

учиться на родном языке восьмидесяти трем национальностям».

Талант Макаренко, педагога и художника, органически слит с его верой в чудесную силу *хорошего* в человеке. Эта вера и определила собой макаренковскую систему воспитания нового человека, в том числе воспитания его культурно-речевых навыков.

Культурное воспитание детей Макаренко советовал начинать как можно раньше, «когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить». Одними из основных форм культурного воспитания в детском возрасте Макаренко считал сказку, книгу, газету. «В той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляет необходимую принадлежность быта... там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нем».

Макаренко желал видеть на книжной полке каждой семьи сборник сказок: «Хорошо рассказанная сказка — это уже начало культурного воспитания». Но сказка сказке рознь. Выбор их не должен быть случайным. Макаренко советует отбросить те из них, которые «могут направить воображение ребенка в сторону мрачной и пугающей мистики», то есть такие, в которых говорится о нечистой силе, о черте, водяном, лешем и проч. Однако для детей старшего возраста, «когда они уже хорошо вооружены против древней темной выдумки», можно предложить и «страшные». Лучшими для детей Макаренко считал сказки о животных. По мере роста ребенка педагог советует переходить к сказкам о человеческих отношениях. Лучше всего к таким, где непременно побеждает добро, «не выпячивается человеческая глупость», не погибают хорошие люди, а тем более дети. Макаренко предпочитает рассказывать детям такую сказку, «которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь». Любимая сказка Макаренко — «Конек-Горбунок» Ершова. Педагог называет ее прекрасной.

Особо ответственный момент в работе семьи по воспитанию у детей культурно-речевых навыков — начало обучения грамоте, когда «ребенок вступает в область книги и печатного слова». Этот момент очень важен. Дети преодолевают иногда с трудом те технические за-

труднения, которые ставит перед ними буква и самый процесс чтения. Макаренко советует родителям приобретать книги «самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций». Такие книги, если ребенок и не научился еще читать, возбуждают у него интерес к чтению. Роль книги как формы воспитания культурных навыков возрастает, когда ребенок идет в школу.

Чрезвычайно важно чтение вслух. С него начинается знакомство с книгой. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребенок, «чтение вслух должно составлять одно из самых широких мероприятий семьи». Читать вслух должны как родители, так и дети. И не обязательно слушателем должен быть лишь ребенок. Напротив, чтение в кругу семьи, коллективный отзыв, обмен мнениями — все это создает ту особую атмосферу, в которой рождается любовь к книге, к чтению. Родители направляют самостоятельное чтение ребенка, контролируют выбор литературы, следят за тем, чтобы ребенок не проглатывал бессмысленно страницу за страницей, и, наконец, приучают ребенка к бережливому отношению к книге.

Любимыми советскими писателями Макаренко были Шолохов и Горький. Шолохова педагог считал писателем мирового масштаба. В Горьком Макаренко видел одного из лучших педагогов, максимально требовательного к человеку и глубоко уважающего его. Макаренко увлекался оптимизмом горьковских произведений, он называл Горького писателем, умеющим проектировать лучшее в человеке.

Однажды на литературно-педагогическом вечере Макаренко спросили, как поступать в тех случаях, когда дети в переходном возрасте увлекаются книгами, не подходящими для них, хотя и высокохудожественными, например Куприна, Мопассана, Цвейга? Следует ли запрещать такое чтение и каким образом? Макаренко ответил, что «вообще особенно не верит в запрещение». Известно, чем обусловлен интерес подростков к названным книгам. Макаренко, основываясь на собственном педагогическом опыте, наблюдениях, знании психологических особенностей детей, пришел к выводу, что в переходном возрасте «стремления к женщине еще нет, оно не создается, напротив, такой мальчик боится женщин, стесняется, и, может быть, платонически влюблен в кого-нибудь, и даже где-нибудь плачет втихомолку от любви, чтобы никто не

видел». Эту своеобразную болезнь пятнадцатилетний подросток переживает без помощи и вмешательства старших. «Пусть лучше он прочитает Мопассана... пусть эта область человеческих отношений предстанет перед ним в искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей».

Каждой семье Макаренко советует непременно выписывать газету. Ребенок еще не научился читать сам, но газета «уже должна занять прочное место среди его впечатлений». Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребенка, когда родители просматривают ее каждый для себя. В любой газете найдется материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нем в присутствии ребенка. Газета приобретает все большее значение по мере того, как ребенок сам учится читать. Она становится необходимым элементом быта ребенка. Разговор по поводу прочитанного Макаренко не советует планировать специально, отводить ему определенные часы. Такой разговор должен быть непринужденным, без подчинительных интонаций. Напротив, обсуждение прочитанного полезно провести как свободную беседу, возникшую будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. В случае, если не найдется хорошего повода, можно просто спросить: «Что сегодня интересного в газетах?». Газета для детей старшего возраста становится уже «привычным и необходимым признаком советской культурности, активного и живого, близкого и горячего интереса мальчика или девочки к жизни его родины».

Макаренко предостерегает родителей от того, чтобы чтение книги, газеты не преследовало только интересы развлечения, убивания времени. Чтение — радость. Задача родителей — уметь соединить эту радость с воспитательной пользой.

Большое значение Макаренко придавал слову педагога и воспитателя. Педагогика, по словам Макаренко, мастерство. Это мастерство непременно включает элемент игры. «Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умел бы играть». Макаренко пишет в статье «Из моего педагогического опыта»: «Сегодня.. директор в моем присутствии разговаривал с одним мальчиком. Я не буду льстить и говорить, что здесь большой талант, но здесь имело место мастерство. Он сердито разговаривал с мальчиком, и мальчик видел гнев, негодова-

ние, именно то, что нужно было в данном случае. А для меня это было мастерство. Я видел, что директор великолепно играет». Голос воспитателя, его слово имеет не меньшее значение, чем внешний вид. Сам Макаренко признается, что «сделался настоящим мастером тогда, когда научился говорить „иди сюда“ с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса». И это еще не все, говорит Макаренко, для того, чтобы разговор с ребенком получился, нужно также и мастерство в постановке логики.

Роль воспитателя должна вытекать из его эрудиции, его подготовки, его такта и даже «риска». Когда один педагог задал вопрос: как быть с ребенком, который хулиганит в школе, то известный педагогический журнал дал такой ответ: «Надо с таким ребенком поговорить. Педагог должен говорить ровным голосом, не повышая тона, чтобы ученик понял, что учитель говорит с ним не потому, что он раздражен, а потому, что в этом его долг...». Макаренко не согласен с такой рекомендацией: «Как идеальный педагог, вы должны говорить ровным голосом, не повышая тона, и тогда у вас ничего не получится. Он уйдет таким же хулиганом, каким и пришел».

Ровный голос с нарушителем дисциплины, то, что учитель боится показать свое негодование, а показывает свою боязнь,— «это есть самое рискованное действие...». «Разговаривать ровным голосом — это значит: мне безразлично, как ты себя ведешь, но я разговариваю с тобой потому, что я исполняю свои обязанности».

Макаренко считал, что в действиях педагога, педагогического коллектива должна быть предельная требовательность. «Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывается и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и перестраивать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки». Не сюсюканье перед воспитанником, не потворство ему сладкой ложной речью, а настоящий педагогический такт поможет педагогу.

Что понимал Макаренко под тактом? На одной из педагогических конференций Макаренко спросили, что такое такт? Он образно ответил: «Предположим, вы обедаете с каким-нибудь человеком, и он плюнул вам в тарел-

ку, и вы можете ему сказать: что вы делаете, это нетактично.

А можно поступить и так: взять тарелку и разбить у него на голове. И никакого риска не будет».

Этим ответом Макаренко подчеркнул необходимость доведения человеческого поступка до логического предела: тактичность — это взаимное уважение. Не случайно основным принципом педагогической работы Макаренко считал как можно большее уважение к человеку. В статье «Из моего опыта» он пишет: «Я даже восьмилетнего человека называл товарищ Комаров. Так он — Петька, Васька и т. д., а когда я прихожу в коллектив, я называю его товарищ Комаров». От педагога и родителей Макаренко требовал уверенности в своей правоте, такт не должен походить на «уклонение от ответственности».

Макаренко часто «рисковал». Он видел, что в этом случае вокруг него «собирались все макбетовские ведьмы: а ну, как ты рискнешь, а ну, как ты рискнешь?». И он повышенным голосом говорил ребенку: «Что это такое?!». Как педагог, он умел открыто смеяться, радоваться, шутить, сердиться, со своими воспитанниками говорить ласково и нежно, но мог и повысить голос, твердо сказать: «брось!». «Без этого, — учил Макаренко, — нет воспитания». Это вовсе не означает, что нужно кричать на детей. Под строгостью Макаренко не понимал «какой-нибудь гнев или истерический крик». Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики. Считая необходимым вырабатывать в детях умение остановить, задержать, «затормозить» себя, Макаренко вспоминает: «Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом. „Почему ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться?“ — спрашивал я у них. И требовал в то же время: „Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?“ Тоже виноват».

Важной чертой воспитанности детей Макаренко считал их умение ориентироваться, прервать свой разговор с родителями, с членами семьи, если в дом вдруг пришли посторонние, гости. «Дети должны знать, что нужно и чего не нужно сейчас говорить (например, не нужно говорить при пожилых людях о старости, так как им это неприятно. Сперва выслушать, а потом разговаривать самому и пр.)».

Заметим кстати, что требования, которые предъявлял замечательный педагог к детям, он нисколько не ослаблял и в отношении к взрослому человеку. В лекции «Коммунистическое воспитание и поведение» Макаренко, отвечая на вопросы слушателей, говорил: «Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса и разговаривал со мной, развалившись на столе, я ему сказал: „Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно“». Воспитатель должен быть прежде всего воспитанным.

В семье немаловажное значение имеет тон. «Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что его мать самая аккуратная, самая веселая и в то же время самая серьезная, то не нужно его убеждать... Говорите совершенно просто: „Ты должен знать, что этого делать нельзя“. Если он все-таки поступил дурно, потребуйте у него: „Объясни“». Макаренко подчеркивает: «Пусть он вам объясняет свое поведение, а не вы ему». В случае, если педагог или родители желали бы как-то отметить хороший поступок ребенка, то лучшим «премированием» Макаренко считал слова: «Ты поступил правильно» (шоколадку можно дать ребенку независимо от поступков).

И последнее — это точность слова. В прямом педагогическом смысле. Точность времени. Точность исполнения. «Дал слово — сдержи его». Макаренко приучал своих воспитанников к точности в слове и деле. На собрании коммунаров определялся точный регламент: одна минута по песочным часам.

«— Дай слово.

— Получай.

Перевернул песочные часы. Песок посыпался. Минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и получалось просто замечательно». При таком жестком, «воспитывающем» регламенте дети приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. «Человек приучается к деловитости» (Воспитание в семье и в школе).

Вспоминается эпизод из повести «Флаги на башнях». Колонисты обсуждают строительство будущего завода и обращаются к Соломону Давыдовичу, который ручается словом, что опоки будут к первому октября. Колонист

Зырянский Алексей, сдвинув брови, резко взмахнул кулаком: «... А я утверждаю, что они (опоки) не будут готовы и к пятнадцатому октября... И я ручаюсь словом! Если я окажусь неправ, выгоните меня из колонии». Захаров [А. С. Макаренко], следивший за собранием, когда Соломон Давыдович ушел, обратился к ребятам: «Я вижу: вы не расскажете Соломону Давыдовичу, это очень хорошо. Так вот — давайте договоримся. Мы должны требовать от него порядка, мы должны добиваться капитального ремонта... и новых опок. Это мы должны. Но давайте договоримся. Мы все это будем делать в дружеском тоне, во всяком случае, совершенно вежливо. Имейте в виду: вежливость — для некоторых трудная вещь, нужно учиться быть вежливым. Не нужно так думать: если человек вежливый, значит — он шляпа. Ничего подобного. Вот, например, можно закричать, замахать руками, засверкать глазами: „Убирайся вон, такой, сякой, подлец!“, а можно очень вежливо сказать: „Будьте добры, уходите отсюда“».

Педагогика Макаренко, вобравшая в себя лучшие традиции русской педагогической мысли, далека от скучной назидательности, показной манерности. Это не абстрактная, сухая, казенная фраза, а живое, рожденное богатейшим жизненным опытом, в высшей степени человеческое, волевое, партийное слово — одно из социальных завоеваний нашей революционной эпохи.

В. М. ПАНЬКИН

КРОССВОРД «СИНОНИМЫ»

(Ответы. См. 1972, № 1)

По горизонтали.
5. Рефрен. 6. Диалог. 10. Отмель. 11. Круча. 12. Космос. 15. Посредник. 16. Покос. 18. Делец. 19. Натиск. 20. Турник. 24. Юрист. 25. Алмаз. 26. Библиофил. 29. Амулет. 30. Проба. 32. Служка. 33. Аромат. 34. Маревко.

По вертикали. 1. Мерило. 2. Лежак. 3. Битва. 4. Волчок. 7. Эталон. 8. Чучело. 9. Кортеж. 13. Подлинник. 14. Биография. 17. Старт. 18. Длина. 21. Триумф. 22. Приток. 23. Пасека. 27. Пещера. 28. Клятва. 30. Парад. 31. Абзац.

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

О СОСТАВЛЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ТЕМЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В методической литературе часто можно встретить упражнения на составление предложений с конкретными грамматическими категориями и конструкциями, например: «Составить шесть сложноподчиненных предложений с дополнительными придаточными, используя следующие союзы и союзные слова: где, куда, как, почему».

С точки зрения психолингвистических закономерностей порождения фразы такое грамматическое конструирование неверно: латентный (скрытый) процесс речепроизводства начинается с определения содержания (замысла, программы) высказывания, а не с определения линейной структуры предложения. Поэтому подобные задания оказываются непосильными для многих школьников.

В новом учебнике русского языка для V класса составление отдельных предложений как элементов связной речи рекомендуется проводить на фоне темы высказывания, что ставит конструирование в соответствие с психолингвистическими механизмами порождения фразы. Это несомненное достоинство нового пособия.

В учебнике использованы различные приемы подачи темы речевого высказывания. В упражнении 503 дано задание: «Составьте 8 предложений или связный текст на одну из тем: „Как сварить суп (борщ и т. п.)“, „Как сшить фартук (косынку, сарафан и т. п.)“, „Как играть в лапту (городки и т. п.)“, „Как сделать полочку для книг (скворечник, кегли и т. п.)“». В упражнении 260

Продолжаем публикацию материалов о новом учебнике по русскому языку для V класса (М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Т. А. Ладыженская, Л. Т. Тростенцова. Русский язык. Учебное пособие для V класса. М., «Просвещение», 1971; см.: «Русская речь», 1971, № 6, 1972, № 1).

тему высказывания определяет содержание хорошо известной детям книги А. Гайдара «Тимур и его команда».

В некоторых случаях предмет речевого высказывания нужно определить или по ряду слов: *аплодировать, акробат, артист, антракт, зритель, арена, ведущий* (упражнение 75), или по ряду словосочетаний: *белоснежная зима, бесплодная пустыня, лесистая местность, красногрудый снегирь, синеватые тени, предзакатное небо, безветренные дни, длинноносый дятел, придорожные столбы* (упражнение 297). Иногда тема высказывания предлагается в форме вопроса, на который школьники должны ответить письменно (упражнения 4, 80, 168, 180, 190). Авторы не навязывают школьнику одну обязательную тему, а дают на выбор несколько.

Тема речевого высказывания является как бы контекстом, на фоне которого составляются отдельные предложения, поэтому она не только подсказывает содержание предложения, но и создает некоторые условия для работы по улучшению, совершенствованию написанного. Это особенно важно, если «контекстом» являются рисунок, картина, которые тоже встречаются в учебнике. Они ориентируют на составление не отдельных предложений, а связного текста (кроме упражнений 257, 279, 474, где требуется подобрать по картине словосочетания, и упражнения 26, предлагающего написать предложения по рисункам).

Заданные грамматические формы и конструкции являются более естественным путем как средство выражения конкретного содержания. Учебник заботится в первую очередь о том, как наиболее точно и полно пере-

вести на «язык слов» те образы увиденного и пережитого, которые связаны с рекомендованной темой. Эффективность составления предложений по теме высказывания экспериментально проверена авторским коллективом нового учебника (см.: М. Т. Баранов.— Сб. «Воспитание интереса к урокам русского языка у учащихся V—VIII классов». М., Просвещение», 1965).

Разнообразные приемы подачи темы речевого высказывания, использованные в новом учебнике русского языка, способствуют совершенствованию методики конструирования отдельных предложений как элементов связной речи.

*Кандидат педагогических наук
В. Я. БУЛОХОВ
Красноярск*

НОВЫЙ УЧЕБНИК И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Дифференцированное обучение предполагает создание благоприятных условий для проявления индивидуальных способностей учащихся, для успешного усвоения каждым из них всех разделов школьной программы. Идея такого обучения в учебнике реализуется благодаря введению дополнительных заданий, упражнений повышенной трудности, второй, необязательной части контрольных вопросов, помещенных в конце каждого раздела. С помощью дополнительных заданий может быть организована по-разному познавательная деятельность учащихся.

Упражнение 114, например, направляет усилия детей на воспроизведение полученных знаний по готовому образцу: «Назовите орфограмму в выделенном слове и объясните ее». Упражнение 151 способствует развитию творческой активности, углублению знаний, формированию навыков самостоятельной работы: «Что такое *лунник*? С помощью какого суффикса образовано это слово? Какой это суффикс? Продуктивный или непродуктивный? Объясните, почему вы так считаете?». Таких упражнений в учебнике много. Перед учителем открываются богатые возможности для варьирования заданий в зависимости от способностей и подготовки каждого ученика.

Для успешного решения этой проблемы необходимо умело использовать дополнительные задания в работе с различным контингентом учащихся.

Хорошо успевающим ученикам полезно выполнить задание творческого характера, например: «Чем занимается пчеловод? А языковед? Ответьте письменно на один из этих вопросов» (упражнение 168). Можно дать и такое задание: «Сформулируйте правило о том, какую из двух приставок *при-* или *пре-* надо писать в словах с корнями *-лож-*, *-лаг-*» (упражнение 138). Такие упражнения, как 114 («Какие из шуток высмеивают лень?»), 125 («Знаете ли вы людей, которые смогли воспитать в себе настойчивость? Как они этого добивались?») предполагают не только развитие речи и мышления, но и способствуют воспитанию учащихся.

Значительно сложнее предусмотреть систему дополнительных заданий для слабых учеников. Минимум знаний, которые они должны усвоить, содержится в правилах; минимум материала, необходимого для выработки орфографических, пунктуационных и других навыков и умений,— в основной части упражнений. Что дать ученику дополнительно, если он справился с основным заданием, на чем сосредоточить усилия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо тщательно изучить особенности усвоения учебного материала разными учащимися, а также наиболее типичные затруднения, которые легко преодолеваются одними и не даются другим.

Опыт подсказывает, что слабым ученикам целесообразно периодически давать задания на расстановку ударений во всех словах текста, например упражнение 33, с последующим устным определением ударного и безударного слогов, объяснением правописания проверяемых и непроверяемых ударением безударных гласных. Подобные упражнения должны быть предусмотрены авторами учебника и рекомендованы в методических разработках, где желательны также и указания, как успешнее вести дополнительную работу с сильными и слабыми учениками при изучении той или иной темы. Это сложная задача. Решение ее зависит не только от методистов и учителей русского языка, но и специалистов в области психологии, педагогики и дефектологии.

Т. И. ТАМБОВКИНА
Калининград

СЛАВЯНЕ, РУСЬ, РОССИЯ

Такие этнические имена, как *славянин*, *немец* и т. п., вызывают постоянный интерес. Это вполне понятно: выяснение происхождения названий крупных народов, племенных групп представляется заманчивой и во всяком случае любопытной целью.

Однако очень немногие отчетливо представляют себе те трудности, которые стоят на пути исследователя. Обычно, заинтересовавшись по тому или другому случаю вопросами древнейшей истории имени славян (или какого-либо иного этнического имени), обращаются к литературе, по большей части популярной, и находят достаточно определенный ответ, который соответствует одной из многих возможных точек зрения. Ответ этот и воспринимается как установленный научный результат, как достоверный факт.

В действительности дело обстоит совершенно иначе: о происхождении этнических имен почти не существует общепринятых мнений. Попытки этимологизации этнических имен на основе каких бы то ни было языковых данных — своих или чужих — по большей части кончаются неудачей, а высказываемые на этот счет мнения отличаются полной разноречивостью, несогласованностью.

Именно так обстоит дело с попытками объяснить имя славян — *словѣне*, *Sclaveni*, *Sclavini*, *Stlavini*, *Sclavi*, *Stlavi*, многократно встречающееся в разнообразных раннесредневековых памятниках, начиная с VI века. Таких гипотетических попыток существует много, все они об-

ладают некоторой степенью внешнего правдоподобия, но ни в какой мере не могут считаться доказательными, не представляют подлинного решения вопроса, обязательно-го для всех.

Имя славян производили и от *слава*, и от *слово*, и от различных географических названий. В частности уже очень давно возникло предположение об этимологической связи между *словенин* и *слово*, часто подкреплявшееся аналогичным сопоставлением: *немец* и *немой*, которое будто бы обнаруживало различия между двумя племенными группами. Такое сопоставление, внешне правдоподобное, тем не менее вряд ли выходит за рамки частых в подобных случаях народно-этимологических толкований, попыток позднейшего осмысления древних фактов на основе созвучий, чуждых действительной внутренней этимологической связи.

Поэтому можно сказать, что задача выяснения подлинной этимологии имени *славяне* до сих пор не решена. Знаменитый славяновед начала нашего века Любор Нидерле, сам немало занимавшийся этим вопросом, писал в книге «Славянские древности»: «Итак, происхождение названия славян остается невыясненным». В наше время другой выдающийся знаток вопроса — член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин, заканчивая обзор существующих этимологий имени *словене*, говорит: «Имеется немало и других попыток объяснить происхождение этнического самоназвания славян, но среди этого множества

догадок и предположений пока нет ни одной гипотезы, которая опиралась бы на более или менее достоверные и доказуемые основания» (Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962). К этому мнению приходится полностью присоединиться.

Вспомним и слова Ф. Энгельса: «Названия племен, по-видимому, в большинстве случаев скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто случалось, что соседние племена давали племени имя, отличное от того, которым называло себя само племя, подобно тому как немцам их первое историческое общее название „германцы“ дали кельты» (Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, стр. 93).

На примере одного только имени *словене* отчетливо видны причины затруднений, возникающих при определении точных истоков и этимологических связей любого древнего этнического названия. Главные из этих причин — незнание первоначальной истории племени и позднейших, часто совершенно случайных явлений, которые могли наложить печать на то или другое применение названия, а в некоторых случаях и изменить его внешнюю форму. Правда, имя *словене* (*славяне*) звучит в почти неизменном виде уже примерно полторы тысячи лет, но подлинной, неоспоримой этимологии его мы до сих пор не знаем.

Несколько лучше обстоит дело с этническим термином *немцы* (древнерусское *нѣмьци*), если только признать его чисто славянское происхождение, что кажется вполне правдоподобным. Об этом говорит и употребление слов *нѣмъ*, *нѣмый*, *нѣмьць* в памятниках древнерусского языка. А. Г. Преображенский, автор «Этимологического словаря русского языка», справедливо пишет: «От *нѣмъ*, без сомнения, образовано *немец* (нѣмьць), т. е. βάρβαρος, чужой, иностранец, невнятно говорящий». Существует и иное мнение, производящее слово *немцы* от названия германского племени *неметов* — *Nemetes* (в Северной Галлии), но оно крайне сомнительно, несмотря на венгерское *pémet*, имеющее значение 'немец' (ср. также венгерское *péma* 'немой', заимствованное у славян). Действительно, вполне естественно назвать неславянина, у которого «язык нем», непонятым, словом *немец*. Объем этого термина остается очень широким и не вполне определенным почти за всю историю его существования: древнерусские источники

говорят о немцах вообще, о свейских немцах (шведах), французских и т. п.

Таким же точно образом в греко-романском мире широко употреблялся термин βαρβαρος, — barbarus, обозначавший любое племя, говорящее не на греческом или латинском языке, а на каком-либо варварском (впрочем, греки и латиняны причисляли к варварам).

Возвращаясь к этническому термину *словене* — *славяне*, необходимо подчеркнуть, что он отнюдь не составляет какой-то «антонимической» пары к термину *немцы*; предположение о существовании такой пары кажется естественным лишь с первого взгляда, а потому часто и высказывалось, но оно противоречит существующему большому и разнообразному фактическому материалу этнонимике, который обсуждать здесь невозможно.

Огромный интерес давно уже вызывает знаменитое этническое и государственное имя *Русь*. Литература, посвященная этому имени, его происхождению и истории, огромна, почти необозрима. Мы можем лишь в самых кратких и общих чертах обрисовать итоги многочисленных исследований по этому вопросу, содержащих в большинстве случаев неустранимые взаимные противоречия.

Около 70 лет назад знаменитый русский историк В. О. Ключевский в своем курсе русской истории писал об имени Русь: «До сих пор не объяснено ни историческое происхождение, ни этимологическое значение этого загадочного слова». Немногим отличается от этого и мнение академика А. А. Шахматова: «Происхождение имени Русь, несмотря на настойчивые старания ученых, остается темным» (Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919). Ф. П. Филин в 1962 году писал: «Первое самоназвание восточных славян — *Русь*. Происхождение этого имени остается загадочным».

Пока никем не представлено сколько-нибудь обоснованного и доказательного решения вопроса. Вопросов здесь в сущности два, как правильно определил Ключевский: во-первых, об историческом происхождении термина

Русь, то есть каким образом он впервые вошел в историю народов Восточной Европы в качестве этнического и территориального обозначения; во-вторых, какому языку он принадлежал первоначально и каково было его значение в этом языке, что составляет чисто этимологическую, языковедческую задачу.

Следует попутно заметить, что решение этих вопросов не имеет никакого существенного отношения к проблеме происхождения Русского государства, которое возникло, бесспорно, на восточнославянской почве. Заметно было участие в нем «чудских» (прибалтийско-финских) племен; роль скандинавских племенных групп (варягов, норманнов) заключалась не в создании государства, а лишь в образовании династии Рюриковичей, быстро ослабившейся. Кстати, длительные споры «норманистов» и «антинорманистов», нередко осложненные соображениями далеко не научного характера, внесли в свое время очень много путаницы и недоразумений в вопрос о происхождении слова Русь. Содержание этих споров, зародившихся в XVIII веке, уже не может быть отнесено к современной науке, хотя и представляет немало интересных страниц в истории общественных настроений. Для разъяснения исторического и лингвистического смысла термина Русь ни «норманистская», ни «антинорманистская» точки зрения дать ничего полезного больше не могут.

Что касается решения первого из указанных двух вопросов (об историческом происхождении имени), то он неясен потому, что древнейшие источники — древнерусские, византийские, западноевропейские и восточные — не дают вполне определенных и согласных между собою сведений о первоначальных корнях этого имени. В своей древнейшей истории термин Русь представляется то как этнический, то скорее как обозначение социального слоя, то как наименование территории — сначала под Новгородом, а потом в Правобережье Днепра, под Киевом, откуда он и распространился с течением времени на всю Русскую землю в широком понимании. Подробности самой начальной истории имени Русь остаются до сей поры слабо освещенными.

По второму вопросу — об этимологии этого термина — сказать что-нибудь определенное тоже трудно. Единственное, что можно утверждать без колебаний, — это одинаковое происхождение всех иноязычных названий Руси:

от коми *роч* и ненецкого *луца* до общетюркского *урус*. Сюда же принадлежат, конечно, финское *Ruotsi, Ruossi, Ruohti*, эстонское *Roots* и прочие прибалтийско-финские названия, обозначающие, однако, не Русь, а Швецию. Последнее обстоятельство вносит дополнительное осложнение, очень сходное с тем, которое вытекает из некоторых исторических источников, часто не позволяющих судить о древней Руси как об определенной чисто этнической группе. Добавим, что и саамские наименования шведов — *Руосса* и русских — *Руошша* также не очень проясняют картину.

Все это не позволяет точно указать первоначальную языковую принадлежность термина Русь, а тем более его этимологию. Весьма вероятно, что такая этимология лежит за пределами славянских языков, как во многих других аналогичных случаях. И здесь мы вновь убеждаемся в крайней трудности этимологизации этнических имен, еще большей, чем при разъяснении данных топонимики.

В заключение отметим, что из существующих многочисленных попыток этимологического объяснения термина Русь ни одна не заслуживает признания за ней даже какой-то степени правдоподобия. Необоснованным является и предположение о существовании гипотетического племени *Рос (Rhos)*, будто бы упоминаемого раннесредневековыми источниками, вроде сирийского писателя VI века Захарии Ритора. В действительности это только отражение более старой традиции византийских церковных писателей и ораторов, применявших термин *Рос* ко всем пришельцам с севера, начиная по меньшей мере с 20-х годов V столетия: именно тогда по случаю скоростижной смерти одного из гуннских вождей *Роилы* (дяди знаменитого *Атилы*), собиравшегося напасть на Византию, «совершенно было благодарственное моление, и патриарх *Прокл* держал речь, в которой уподоблял гуннов *росам* и *мосохам* [библейского] пророка *Иезекииля*» (*Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. I. Киев, 1913*). На самом деле то, что греки передавали в переводе Библии как *Рос*, в оригинале означало 'главу' 'начальника', 'князя' (семитическое *рош*); греками оно было принято за этническое имя, а конечное *ш* передано буквой *с* (*с* — сигма).

С тех пор такое сравнение любых пришельцев «с севера» с библейским *Рос* становится у писателей Византии трафаретным приемом, применяемым во всех случаях оди-

наково, невзирая на совершенное различие этнической принадлежности пришельцев. Когда же в IX столетии книжное Рос столкнулось у них с именем Русь, оно сделалось в византийской литературе наименованием Руси. Название это в виде *Россия* проникло на Русь лишь в XV веке (см.: А. В. Соловьев. Византийское имя России. — «Византийский временник». XII. М., 1957).

Доктор филологических наук
А. И. ПОПОВ
Ленинград

ГОД, ГОДИНА, ВРЕМЯ

В современном русском языке эти слова имеют разное значение, а между тем история каждого из них самым тесным образом связана с историей других. В далеком прошлом в русском языке (а лучше сказать древнерусском) слово *год* употреблялось в двух основных значениях: время (неопределенное) и период времени в 12 месяцев. Причем первое значение более древнее: оно встречается в церковнославянских по происхождению памятниках и в древнерусских: «Приде год ея, егда же родить отроча» (Остромирово евангелие); «Князь в тыи годы володы всею землею Рускою» (Нестор. Чтение о житии Бориса и Глеба).

В этом значении было широко употребительным и производное *година* с экспрессивным суффиксом *-ин-а*: «Приде година да прославиться сынъ чловечьскый» (Остромирово евангелие); «Грядеть година...» (Иларион. Слово о законе). Однако в употреблении существительного *год* и производного от него *година* было и различие. Первое передавало, как правило, понятие о времени, не отмеченном какими-либо исключительными событиями, то есть о времени как таковом: «В ней же [въ церкви] обычныя песни богу въздають в годы обычныя»

(Повесть временных лет). Производное *година* уже с древнейших пор употреблялось часто с определениями, которые подчеркивали не только его выразительность, но и особый характер обозначаемого им времени. Это время характеризовалось наиболее знаменательными событиями и явлениями (година спасения; година брачная и т. п.): «Уже бо, братие, невеселая година вѣстала» (Слово о полку Игореве): «Не свершенами годинами плоды износить сади» (Хроника Георгия Амартола).

Существительное *год* со значением 'время' выходило из употребления. Оно вытеснялось заимствованием из старославянского языка *время*: «Гладное время» (Нестор. Житие Феодосия); «Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Рускую» (Слово о полку Игореве). Это заимствование, как известно, прочно укоренилось в русском языке как нейтральное слово. Стилистически окрашенное производное *година* поэтому не могло занять позиции исчезнувшего существительного *год*, от которого оно образовано (как это имело место в истории слов *долина* — *дол*, *хижина* — *хина*, *половина* — *пол*): связь производного *година* по значению с корнем *год* стала минимальной. Она не была разрушена полностью только благодаря тому, что в русском языке сохранилось слово *год* со значением 'отрезок времени, равный 12 месяцам', а следовательно, сохранились какие-то связи временного характера с производным *година*.

Можно сказать, что в последнем, с современной точки зрения, произошла как бы замена производящей основы в смысловом плане, но связь слова *година* с этой основой слабая, чисто ассоциативная. Иначе оно никогда не получило бы ту «возвышенную» стилистическую окраску, которую имеет. Этому повышению в стилистическом «ранге» способствовала изначальная выразительность, придаваемая слову суффиксом *-ин-а*, отрыв по значению от производящего слова, своеобразное лексическое окружение, подчеркивающее особенности обозначаемого понятия времени.

Выражения типа *година спасения* приобрели как бы ореол возвышенности, которая ощущается до сих пор. Слово *година* за свою историю обросло постоянными оценочными эпитетами. Они тоже усиливают его выразительность, подчеркивая исключительность, особый характер соответствующего периода времени: горькая, траурная, черная година; година бед, невзгод, испытаний.

Как мы видели, постепенно произошло сужение значения производного *година*. Обозначая ранее 'неопределенное время', оно стало названием времени, означенного какими-либо важными событиями. Эта «важность» также придает слову *година* оттенок книжности, приподнятости и по настоящее время.

Так переплелись судьбы слов не только неодинаковых по значению, но и разных по происхождению.

В. И. МАКСИМОВ
Ленинград

М Е Р А

Вплоть до XVII века весовые меры употреблялись на Руси весьма ограниченно. С помощью весовых единиц измерялись в XVI веке, пожалуй, только масло, конопля, сало, мед и немногие другие товары.

Вместо весовых мер использовались меры вместимости (объема), своеобразие которых зависело от товара. Рожь, овес, ячмень, лук, мелкую рыбу, известь измеряли *четвертями, осьминами, четвериками*. *Четверть* равнялась двум *осьминам* и восьми *четверикам*. В конце XVII века *четверть* соответствовала восьми пудам, отсюда *осьмина* — четырем, *четверик* — одному. Единицами измерения соли были *рогожа* (около 18—25 пудов), *пошев* (около 15 пудов), *мех* (до 7 пудов). Мясо исчислялось *стягами, полтями, тушами*; сено — *возами, копнами, стогами, остратками*; немолоченный хлеб — *сотницами и овинами*; рыба — *возами, бочками, пластями, прутами, звеньями*; металл — *крицами, полицами и прутами*.

Все перечисленные единицы измерения были общеупотребительными мерами Московского государства и, кроме общеупотребительных единиц измерения, в то время были в ходу сохранившиеся от далекого прошлого местные, областные меры.

Так, в Новгороде Великом зерно измеряли не общеупотребительными *четвертями*, а *коробьями*, в Пскове — *зобнями*; в Белозерском уезде вместе с *четвериком* использовалась одинаковая с ним по величине единица измере-

ния — *маленка*, в Вологодском уезде — *лукошко*. Единицей измерения соли в Пермском крае был *сапец*, а в Новгородских землях — *луб* и *сугреб*, в Двинском уезде — *пуз*. Местными единицами измерения сена в Белозерье были *волочуга* и *провозок*.

С течением времени большинство старых мер объема выпадает из обращения. Все упомянутые товары начинают измеряться весовыми единицами, сначала более древними мерами веса: пуд, фунт или большая гривенка, малая гривенка, золотник, почка; позже — новыми мерами: грамм, килограмм, центнер, тонна и т. д.

Процесс замены мер объема мерами веса на Руси затянулся. Еще в первой половине XX века некоторые старые единицы вместимости продолжали использоваться. Нередко люди старшего поколения в начале нашего столетия подсчитывали урожай *четвертями*: «Мой отец говорил: намолотил в этом году пять *четвертей*» (Череповецкий район Вологодской области). Как пережиток старых единиц измерения осталось словосочетание *осьминный мешок*: «У нас все знают: два *осьминных* мешка — *четверть*» (там же). Сено тоже предпочитали продавать *возами*, *стогами*, необмолоченный хлеб — *овинами*: «Занял два овина ржи» (В. И. Даль).

Однако самой устойчивой и распространенной оказалась старая единица вместимости *мера* (примерно равная одному пуду). Она так прочно вошла в широкий обиход, что с ее помощью измерялись, а иногда измеряются и теперь, не только зерновые культуры, но и самые разнообразные сыпучие тела: «В мешок входит 3 меры картошки»; «Клюквы наберем в мешок меры две»; «Яблок продала 11 мер» (Череповецкий район).

Какова история этого слова? Всегда ли оно обозначало единицу измерения? Каким изменениям подверглось его значение?

В XVI—XVII веках *мера* не была общеупотребительной единицей измерения. В этот период слово *мѣра* употреблялось со значением «сосуд для измерения сыпучих тел». С таким значением *мѣра* часто встречается в распоряжениях Московского правительства: «И велѣлъ бы государь сдѣлать во всемъ своемъ государствѣ хлѣбные мѣры вездѣ сдѣлать всѣ равны» (Царская таможенная грамота. 1683).

Стремясь сделать меры сыпучих тел во всех, даже самых отдаленных районах Московского государства

одинаковыми, правительство время от времени рассылало образцы мер — медные сосуды, по которым на местах делались такие же деревянные копии, использовавшиеся для непосредственного измерения.

В XVI — первой половине XVII века эти сосуды были двух образцов: посудина, вмещающая *осьмину* (3—4 пуда), и сосуд, содержание которого равнялось *четверику* (1 пуд). Назывались они общим словом *мѣра*, однако всегда уточнялось, о какой именно мере (сосуде) идет речь: «А подлинную мѣру четверик и гребло велель для образца... таможенным головамъ отдавать межъ себя другъ другу»; «В нашей государеве казнѣ хлѣбная мѣра осьмина мѣдная з гребломъ» (Акты Тульского губернского правления. 1659—1732).

Однако в этот же период, в XVII веке, в городах, расположенных по течению крупнейшей торговой артерии Севера — Северной Двине, слово *мера* означало уже не только сосуд для измерения, но и единицу емкости сыпучих тел, то есть величину содержимого этого сосуда.

В то время как на большей части территории Московского государства в качестве единиц измерения сыпучих тел использовались, как было сказано, *четверть*, *осьмини*, *четверик*, на рынках крупнейшего торгового центра Московской Руси XVII века — Устюга Великого, стоящего на Северной Двине, *мера* была основной единицей измерения сыпучих тел. Вот примеры из «Таможенных книг Устюга Великого» за 1633 год: «Явилъ продать ржи 10 *мер* да овса 2 *меры*... гороху *меру*, пшеницы *полмеры*... черемхи *полмеры*... чесноку и луку 20 *мер*». По мнению историков, величина устюжской меры в XVII веке равнялась московской осьмине (примерно 3—4 пуда).

С 1679 года правительство начинает рассылать в качестве образца меры только медный четверик, вмещавший около пуда, ввиду несомненного превосходства его при торговых операциях. С этого времени слово *мера* и стало обозначать постоянную единицу емкости сыпучих тел, равную пуду.

В течение XVIII—XIX веков эта единица измерения распространилась по всей территории Российского государства, став неофициальной «русской народной единицей емкости для сыпучих тел».

Ю. И. ЧАЙКИНА
Череповец

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

К ИСТОРИИ КУРАНТОВ

Древнейшие материалы, положившие начало русской рукописной газете, как принято было считать, относятся к 1621 году. В действительности они имеют более раннее происхождение. Об этом рассказывалось в статье «Куранты XVII века» А. И. Сумжиной и Н. И. Табасовой (см.: «Русская речь», 1970, № 2). Ниже мы печатаем дополнительный материал к предыстории русской газеты.

В 1827 году в журнале «Московский телеграф» (№ 13) была помещена статья А. Я. Булгакова «Ответ на библиографический вопрос», в которой говорилось: «Самые старинные Ведомости, сохранившиеся в Московском Государственной коллегии Иностранных дел архиве [ныне Центральный государственный архив древних актов — ЦГАДА], от ... 1621 [года]... Они заключаются в рукописных, так называемых столбцах, и ни что иное суть, как переводы и выписки из современных Европейских ведомостей о разных в Европе военных действиях и мирных постановлениях. Они в то время именовались курантами и составлялись (только для царского употребления и для приближенных министров его величества) в Посольском приказе, из донесений разных агентов, пребывавших в чужих краях, а особливо в Польше. Посланники, кои отправлялись к чужестранным дворам, имели также приказание из всех городов, через которые проезжали, писать обо всем ими слышанном и доставлять выписки из выходявших в тех землях ведомостей...». Впоследствии это сообщение послужило основанием для того, чтобы в филологической и исторической литературе дата 1621 указывалась как начальная для русских курантов.

«Курантами» в XVII веке назывались некоторые голландские газеты. В ЦГАДА хранятся, например, амстердамские газеты 1646—1648 годов: «Courante uyt Italien ende Duytschlandt» (№ 15, 16, 43); «Europische saterdaegs — courant» (№ 16, 17); «Europische digsdage courants» (№ 18).

Голландское слово *courant*, *krant* означает ‘газета’, немецкое *Couranten* — ‘ходячие вести, известия’. Общее название амстердамских газет — ‘куранты’ стало нарицательным наименованием

заимствованных из них и переведенных на русский язык разных статей, в русском обозначении — «вестей», а впоследствии и сообщений из русских земель. Название «куранты» свободно употреблялось в русской придворной и ученой среде конца XVII — начала XVIII века.

Известно, что во второй половине XVII века расширяются и укрепляются политические, культурные и торговые отношения между Россией и Голландией. А при Петре I устанавливается тот знаменательный период, когда все голландское становится достойным подражания. Таким подражанием было, по-видимому, уже с середины XVII века использование слова *куранты* в указанном смысле. Лишь с 1702 года по приказу Петра I куранты стали печататься. Они получили название «Ведомости». Экземпляры 1702 года не сохранились, в настоящее время известны только экземпляры 1703 года.

Куранты складывались из разных «вестей». В них описывались военные и политические новости, исключительные явления природы и др. В русских архивах имеются значительные фонды так называемых «летучих листов» (или «известий» о чрезвычайных событиях — Relation, Zeitungen, Aviso и под.), а также газет, сообщения которых в известной степени служили материалом для русских курантов.

В ЦГАДА сохранились печатные оригиналы немецких газет: «Ordentliche Postzeitung» (1631, № 27), «Particular Post-Hamburger und Reichs-Zeitung» (1643) и их русские переводы; немецкие рукописные оригиналы 1639, 1643, 1646 годов и др. Переводы иностранных газет уже в начале XVII века получают особое признание при царском дворе, отбираются и по специально установленным для них правилам обрабатываются в Посольском приказе. Переводы делались выборочно. Так, на последнем листе газеты «Europische saterdaegs courant» (1646, № 16) написано: «переведены ть статьи которые надобны а иные были»; а на последнем листе № 17: «апрѣльская из розных мѣсть были перед сего не одиново».

Среди русских курантов встречаем: 1620 год — «Перевод с вѣстовой немецкой тетрати что дѣялося во Устреи и в Польше и в Шлежи и в Францовской и в Голанской и в Агленской и в Ытальянской и в Угорской земле и в ыних мѣстях нынешнего АХК (1620) году по руски РКИ (128) году»; «Перевод с немецкой тетрати о вѣстях что дѣялось в прошлом в РКИ (128) м году и в Польской и в Францоской и в Шлеской в розных государствах Ческой и в Аглинской и в Голанской и в Итальянской и в Угорской земле и в иных странах»; 1628 год — «Перевод с вѣстовых печатных листов что дѣелось в Цесареве области в розных госу-

дарства в нынешнем во PLS (136) м году S(6) генваря месяца по март по КА (21) е число». В ЦГАДА находится наиболее крупный фонд русских курантов. Он начинается 1621 годом, как было указано А. Я. Булгаковым.

Подготовка публикации «Вести-куранты» в Институте русского языка АН СССР способствовала тому, что были найдены более ранние по времени материалы. Сотрудник архива В. Н. Шумилов в свое время указал куранты 1620 года, а также материалы 1617 года. Научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР Б. Н. Флоря среди Курляндских дел обнаружил рукописные листы с «вестями» 1600 года. Таким образом, хронологические рамки материалов, которые послужили основой зарождающегося уже в те годы жанра русской периодической печати, постепенно расширялись.

Вести 1600 года оказались в составе статейного списка (так назывались отчеты русских послов за границей) А. Власьева. Сообщения 1617 года, судя по форме изложения статей — «вестей», выделены были, по-видимому, также из статейного списка.

Бурные исторические события средневековой Европы (религиозные и классовые войны, политическая борьба и т. д.) создали такие условия, когда выпуск периодических «известий» о политической и военной жизни народов приобретал чрезвычайно важное значение. К «новостям» относились там с особым вниманием. Двор московского государя в этом отношении не был исключением.

Получение различного рода сведений связывалось в то время с вершением обычных дел. По данным Кенигсбергского архива, в Литовском государстве, соседнем с Российским, деловая просьба епископа могла сопровождаться сообщением некоторых новостей из Рима; ответ «гроссмейстера» на письмо герцога Баварского, наполненное новостями, мог содержать новости из Литвы; пастор сообщал разные новости, он писал, например, о приезде лифляндского посланника в Рим. А в 1483 году рыцарь Эрнст Волтузен сообщал лифляндскому магистру политические новости, услышанные им в самой Москве. Не исключено, что тот же рыцарь мог доставлять «вести» и в Москву.

Специальные корреспонденты для получения вестей были и у московских государей. В «Переписной книге всех дел Посольского приказа», составленной в 1614 году (книга издана под редакцией С. О. Шмидта. М., 1960), указываются «расспросные речи торговых немец, которые посланы были от царя Бориса за море для вестей во 113 (1605)-м году». А вестей было много. В Европе уже с XVI века издавались Relation, Zeitungen, Beschreibungen, Berichten и др.

По общей направленности содержания и форме изложения куранты 1600 года целиком совпадают с курантами более позднего времени. Это тоже «перевод немецкой тетради». Основное содержание курантов — описание подробностей борьбы европейских народов против Османской империи и сражений цесарских войск (войск Габсбургов) на Западе Европы. В сообщениях из Угорской земли (Венгрии) и Вратславля (Братиславы) говорится о битве поляков с валашским воеводой Михайлом (Михаеом Храбрым), дается описание боя. В сообщениях из Касова (Кошице) рассказывается, как гайдуки побили турецких людей «и много их погodyем во рву потонуло в воде что мочно де было по мертвым людям и в город войти а за нашими опосле гонялось турецких людей до трех тысяч и ничего над нашими не учинили».

В другом сообщении, где говорится, что у турецких людей «розбойники, которые на море розбивают», отняли военный запас, корреспондент с удовлетворением замечает: «дай им господи и вперед то ж». А из Кольнева (Кельн) сообщается о прибытии в Зеландскую землю английских и индийских кораблей; встречая их, «в колокола звонили с великою честью», потому что «оне много пряных зелей привезли», а английские корабли на обратном пути многое претерпели: «в тех их ездах измешкали назад едучи 6 месяцев... и 52 человека потеряли». Вести из Рима повествуют о землетрясении в Норсесской земле: «учинилось пристрашно земное трясение»; из Лиона и Венеции сообщается о казни жепцины, которая хотела якобы «порчею короля испортити».

Все эти сообщения излагаются в обычной форме «вестей»: из Андерфа \neq AX (1600) го июня 9 (9) день; ис Колнена июня въ 9 день \neq AX го году; из города недерлянского из Бруселя пишут; из Клуземборка вѣсти; да вести из Угорские земли из города Грана июнь въ K (20) день нынешнего \neq AX-го году. Как показывает сравнение русского перевода с иностранным оригиналом, характерный для «вестей» зачин выработался, можно думать, не без влияния на них последнего, где известия начинались следующим образом: auß Venetia vom 20. Junij; außm Oberlandt vom 16. Dito; auß Wien vom 20. Dito; auß Ambsterdam vom 1. Julio.

В русских курантах 1600 года «вести» не только переводились, но и излагались в кратком пересказе: «Да в той же тетради писано после отпуску сѣ грамоты король писал к поляком же» или «В той же тетради [так в рукописи] написано как был бой Михайлу воеводе сѣ Еремеем воеводою под Кемницею в Подольской земле».

Изложение «вестей» ведется в форме спокойного повествования, где простые предложения скрепляются посредством союз-

ных связей в одно целое: «Граф Сварценборской ныне в своем в тайном ъзду был в великомъ в водяномъ страхованье а хотел он ъхати через мость у Рабрища города и мость под нимъ подломил-ся и граф с своими людьми и з животы на великую силу выплыл из воды а Д (4) лошади у него потонули». В составе предложен-ный нет причастий, сложных форм прошедшего времени (единич-ные случаи их свидетельствуют лишь об учености писавших), язык простой и доступный.

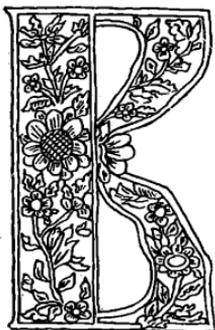
Нельзя думать, что вести-куранты к самому началу XVII века были чем-то непривычным для русских людей. В упомянутой вы-ше «Переписной книге всех дел Посольского приказа» имеются свидетельства о получении «вестовых грамот» (писем с разными известиями) и «вестовых листов» уже с XVI века: «Грамота ве-стовая, а от ково писана именовем, тово не написано, прислана (с) смоляннином с Ываном Уваровым в 7090 (1582)-м году: «12 грам-от вестовых от цесаревых послов от Павлуса Магнусова до от Юрья Фрацбекова к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси», «Грамота вестовая из Литвы к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, а от кого именовем, и того не написано, прислана из Смоленска с Петром Зекзюлиным в 90 (1582)-м году»; «Лист вестовой, а хто писал и хторому государю, того не написано, прислан из Смоленска з Захаром Болтиным, писан в 90-м году»; «Тетрати запискам, что ся деяло у Максим-лияна, арцыкнязя аустрейского, привез Лукаш Павлусов во 97 (1589)-году».

С конца XVI века приводятся сведения о литвине Семене Овсяном, деятельность которого также была связана с доставлен-нем «вестей». От 1600 года в «Переписной книге» указывается целая «свяска 108-го году, вестовая литвина Семена Овсяного». В Посольском приказе имелся также «столц 108 (1600)-го году, вестовой», а о «столпике 109 (1601)-го году, вестовом», говорят-ся: «роспался».

Свидетельство о том, что уже в 1614 году существовали ма-териалы «вестей» в плохой сохранности, когда «столпик», не-большие свитки, «распадались» и составлявшие их листы с ве-стями терялись, когда, может быть, «распалась» и сама бума-га, говорит не только о заурядности подобных материалов для указанного времени, но и о сравнительно раннем их происхожде-нии. В связи с этим наиболее древние из сохранившихся куран-тов — «Вести» 1600 года представляют особую ценность.

*Кандидат филологических наук
Н. И. ТАРАБАСОВА*

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Институте русского языка АН СССР Рукописный отдел существует немногим более десяти лет. Он состоит из 19 фондов, включающих около 400 единиц хранения: рукописи конца XV—XX веков (рукописные книги и столбцы — деловые документы), печатные книги XVII—XX веков, фотокопии и микрофильмы текстов XI—XVII веков, материалы по истории науки. Рукописный отдел сложился в основном из даре-

ний отдельных лиц и организаций. Наряду с единичными поступлениями материалов были приняты на хранение и большие собрания документов, например архив Д. А. Маркова.

Одним из первых больших поступлений была коллекция печатных книг XVII—XX веков, переданных Государственным Историческим музеем в декабре 1959 года. Собрание состояло из 50 книг. В него входят книги канонического содержания, такие, как Устав, око церковное (М., 1633; самая старая в нашем собрании печатная книга), Минея общая (М., 1638), Часослов (М., 1653), Четвероевангелия (М., 1653 и 1668) и др. В этом собрании находятся также сочинения Симеона Полоцкого: Псалтырь рифмовторная (М., 1680), Обед душевный (М., 1681), Вечера душевная (М., 1683). Отметим еще Арифметику Леонтия Магницкого (М., 1703) и Граматику Мелетия Смотрицкого (4-е изд. М., 1721) и др.

В 1961 году это собрание пополнилось двадцатью книгами конца XVII—XIX веков, привезенными из с. Вщиж Брянской области. Они были переданы отделом культуры при исполкоме Жуковского района Брянской области.

Коллекция печатных книг пополнялась и дарениями сотрудников Института. А. П. Евгеньева передала Четвероевангелие (М., 1640); это одна из самых старинных книг, имеющихсЯ в Рукописном отделе. О. А. Князевская подарила книгу Цветник (Гродно, 1787) — собрание евангельских заповедей и поучений. О. Е. Копырин, старший преподаватель Омского педагогического института, прислал Уложение Алексея Михайловича 1649 года, изданное в 1737 году.

В настоящее время коллекция печатных книг, хранящихся в Рукописном отделе, содержит 77 единиц.

Калужский областной краеведческий музей передал в июне 1962 года собрания рукописных текстов XVII—XVIII веков: архив Киреевских, материалы Мосальской и Мещовской приказных изб. Это скорописные тексты — столбцы, в которых обычно представлена деловая письменность того времени.

Архив Киреевских содержит частную и хозяйственную переписку семьи Киреевских (частично материалы вошли в книгу С. И. Коткова и Н. П. Паикратовой «Источники по истории народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века». М., 1964). В архиве Киреевских содержатся также выписи из межевых, отказных, дозорных книг Белевского и Орловского уездов, записи о торговых сделках, уплате долгов, купчие, челобитные и другие материалы отражающие хозяйственную и служебную деятельность семьи Киреевских. В этих материалах находим и рукопись лечебника XVII века (38 л.), где описываются способы приготовления лекарств и народное лечение от разных недугов.

Материалы Мосальской и Мещовской приказных изб конца XVII — начала XVIII века состоят из царских грамот к мосальским воеводам, отписок, отрывков судебных дел. Дела Мещовской приказной избы содержат грамоты из Поместного приказа мещовским воеводам, отписки последних, сказки старост и приказчиков о поместьях в уезде, а также отказные, сыскные грамоты, документы о разделе поместий и проч.

Коллекция рукописей XVII—XVIII веков была пополнена материалами (скорописными столбцами). Р. В. Бахтурина передала в дар грамоту С. Клубкова-Мосальского и др. о проведении росписи служилых людей в Томском остроге, 1641—1642 (5 л.) и документ начала XVIII века — отписи в приеме ясачного сбора с крестьян стольника А. Ф. Нарышкина в Алтырском уезде, 1704—1710 (10 л.). Н. Е. Борковская подарила грамоту о передаче во владение П. Скрыпичиной и ее сыновей поместья и вотчины ее умершего мужа А. Скрыпичына, 1690 (11 л.). От С. С. Высотского получена выпись конца XVII века из Казанских переписных книг, выданная казанцу Ф. Аркатову на его поместные деревни (6 л.). А. С. Львов передал два документа: выпись из отказных книг о размежевании земли, сенных покосов и всяких угодий В. и И. Долбиловых с П. Шипиловым и Ф. Коротким, 1645—1646 (1 л.); список подлинной выписи из Курмышских писцовых книг о поместье В. И. Шипилова, 22 августа 1667 (3 л.).

В 1970 году Т. М. Лебедева и О. А. Носова передали рукописные тексты конца XVII—XVIII веков (15 л.). Среди этих документов имеются скорописные деловые тексты, представляющие собой черновой и белой варианты выписи из Угличской отказной, книги: меновная и отказная записи на поместья Ф. Сарнацкова и Б. и И. Бартлемановых, 4 января 1684 (2 л.). Кроме того, от них

получены: рапорт о состоянии команд на судах, отрывки из отчетов о состоянии ремонта судов, о проверке сигналов на судах (1772—1773).

Помимо оформленных в виде столбцов скорописных текстов XVII—XVIII веков в отдел поступили рукописные книги. От Р. И. Аванесова получена самая ранняя рукопись нашего отдела — Минея служебная на декабрь, список XV века. Л. В. Вялкина подарила рукописную книгу конца XIX — начала XX века — Азбуку знаменного пения. Из библиотеки Института поступили рукописные книги: Описание разных путешественников о святом граде Иерусалиме и прочих окрестных святых местах (конец XVIII в.) и Житие Федора Студита, с миниатюрами (список 1912 г.).

Отдельного рассмотрения заслуживает собрание документов, поступивших от Д. А. Маркова, преподавателя Московского областного педагогического института. Это собрание содержит рукописные материалы 1646—1789 годов — документы помещичьего хозяйства ветлужской вотчины Таракановых: копии грамот, указов, отписи, челобитные крестьян, поручные памяти и др. (всего более 250 л.); книги гражданской печати конца XVIII — начала XIX века, такие, как «Избранные предметы для полезного чтения» (1788), «Всемирный путешественник, или познание старого и нового света» (1801) и др. В собрание входят и составленная Д. А. Марковым картотека ветлужского областного словаря и дополнение к нему, словарь к докторской диссертации «Особенности в языке романа Мельникова-Печерского „В лесах“».

В Рукописном отделе хранятся также материалы по истории науки, биографические материалы, связанные с именами отдельных ученых. Эта часть нашего отдела также сложилась в основном из дарений отдельных лиц и организаций. Таковы машинописные экземпляры работ С. О. Карцевского и В. И. Чернышева. Некоторые статьи члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева, хранящиеся в Рукописном отделе, включены в двухтомник его избранных работ, вышедший в 1970 году.

В 1964 году академик В. В. Виноградов передал материалы Ленинградского лингвистического общества (92 л.); в 1968 году Б. В. Горнунг — по истории Московского лингвистического кружка (машинопись 3 стр.). От Р. И. Аванесова получено письмо Я. К. Грота Ф. И. Буслаеву (4 л.), заметки Ф. И. Буслаева (4 л.); от Г. Ф. Нефедова — письма к нему ученых-лингвистов нашего времени Д. И. Абрамовича, И. И. Мещанинова, С. П. Обнорского, Л. В. Щербы и др. М. Л. Васильева, сестра лингвиста Л. Л. Васильева, передала биографические материалы — фотографии Л. Л. Васильева и его родных.

В отделе есть материалы и исследования по офенскому и другим условным языкам, полученные от В. С. Дубровина (Ульяновская область), В. Д. Бондалетова (Пенза), Д. В. Наумова (Саратов).

Рукописи прошлых веков, печатные книги и другие материалы, хранящиеся в Рукописном отделе, представляют большую культурно-историческую ценность. Они являются важным источником для изучения культуры, быта и письменности того времени.

Институт русского языка АН СССР выражает глубокую благодарность всем лицам и учреждениям, передавшим в дар Рукописному отделу свои материалы, и обращается с просьбой к чи-

тателям «Русской речи» принять участие в пополнении отдела старинными книгами, рукописями и другими материалами, имеющими научное значение.

Обо всех интересных поступлениях редакция «Русской речи» будет сообщать читателям журнала.

Наш адрес: Москва Г-19, Волхонка 18/2, Институт русского языка АН СССР, Рукописный отдел.

Кандидат филологических наук
А. И. СУМГИНА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ОКОЛО И ВОЗЛЕ

«Как лучше построить предложение: "Около избы растет сад" или "Возле дома растет сад"? Мне кажется, что выражение *около избы* устарело. Правильно ли это или я ошибаюсь?» — спрашивает М. С. Шилкина из Харьковской области.

Оба выражения вполне допустимы в литературном языке. Нет основания считать выражение *около избы* устаревшим. При употреблении предлогов *около* и *возле* надо учитывать, что между ними имеется некоторое смысловое различие. У предлога *около* при обозначении пространственных отношений два значения: 1) вблизи, возле кого-, чего-либо — «Около нее [печки] на полу лежали мешки муки» (Горький); 2) вокруг кого-, чего-либо — «Наташа вздрог-

нула и оглянулась около себя» (Гончаров). Предлог *возле* однозначен, его значение совпадает с первым оттенком значения *около*: «Возле Тихой речки начинается густой лес» (Гайдар).

Обратимся к примерам автора письма. Если мы имеем в виду оттенок 'вблизи', 'возле', то для точности речи следует предпочесть выражение *возле дома*, так как предлог *возле* однозначен. Для обозначения оттенка 'вокруг' вполне уместно употребить предлог *около* (а также предлог *вокруг*).

Д. И. Буторин

ДВОЙНЫЕ ПРЕДЛОГИ

«По-за лесом, лесом темненьким, по-за садиком зелененьким пролегал шлях-дороженька»; «По-над речкой расстилается туман» — так поется в народных песнях. Предлоги *по-за*, *по-над* и другие, не свойственные современной литературной речи, можно встретить и в художественных текстах: «Здесь Чичиков скорее за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо» (Гоголь. Мертвые души); «А вот еще трое едут по-над лесом» (Л. Толстой. Набег); Сидит по-над морем!» (Паустовский. Синева).

В чем отличие предлогов *по-за*, *по-над*, употребляющихся преимущественно в народных говорах, от известных литературному языку тоже двойных предлогов *из-за*, *из-под*? Каковы причины их появления, когда они возникли?

Предлоги *по-за*, *по-над* и подобные им можно назвать двойными предлогами вторичного происхождения. Они появились гораздо позднее, чем *из-за*, *из-под* и др. Первые случаи их употребления относятся к XVI—XVII веку, причем во всех известных нам примерах фигурирует только предлог *по-за*, вероятно, древнейший в ряду диалектных двойных предлогов. Один пример обнаружен в «Житии протопопа Аввакума», один — в тобольских актах, один — в вятской грамоте, а два отмечены нами в севернорусских актах. Например: «Да по-за лесу по-за лошке от лесу пошла розчисть Флорова же до томнова лѣсу» (Доезжая память. 1639. Вологодский уезд. Хранится в Вологодском областном архиве); «А слѣдъ шел по-за деревне» (Грамотка. 1695. Усолье).

Единичные примеры с этими предлогами в актах XVI—XVII веков будут обнаружены, по-видимому, и в дальнейшем, но только в текстах, близких к народно-разговорной речи. Во всяком случае появление вторичных двойных предлогов в русском языке следует датировать XVI—XVII веком.

Данных по языку XVIII века, кроме семи примеров из вятской межевой записи, приведенных Е. П. Лупповой в статье «Диалектная лексика. 1969» (Л., 1971), нет, как нет и сведений о языке первой половины XIX века. Записи диалектных текстов второй половины XIX века и более позднего времени (главным образом северо-восточных и сибирских говоров) содержат двойные предлоги. Вот примеры употребления этих предлогов в вологодских говорах: «По-за деревней-то переодевается в голубенький костюмчик» (1968. Дер. Зыков конец Тотемского района); «А по-за маленькой-то избушкой был большой дом»; «По-под землей ездят» (1969. Дер. Великий двор Тотемского района); «Козлухи-то по-под заворам так и спуют» (1969. Село Бобровское, Нюксеницы); «Он по-за mine идет» (1970. Дер. Синдошь Вологодского района).

Современное употребление предлогов, установилось не сразу. Можно, по-видимому, наметить два этапа. На первом этапе, продолжавшемся до конца XVII века, шло развитие предложного управления за счет внутренних резервов русской предложной системы. Именно таким путем закрепились непроизводные предлоги при дательном и местном (предложном) падежах с пространственным и временным значениями, то есть там, где их не было прежде. Эти изменения были вызваны стремлением к более дифференцированной передаче значения посредством предложно-падежной формы. Первый этап был общим для всех разновидностей языка, хотя в говорах и сейчас встречаются остатки беспредложного местного и даже дательного падежей. Например в вологодских говорах: купил магазине; было зиме; ехал двору и т. п.

На втором этапе — с конца XVII века — идет активный процесс создания новых предлогов. До этого, с XIII до XVII века, появилось только несколько новых предлогов: вместо, подобно, противно, смотря по. Характерно, что в деловых текстах XVII века, написанных на севернорусской территории, нет примеров с этими предлогами. Поскольку местные деловые тексты отражают прежде всего народно-разговорную речь своего времени, можно предпологать, что новые недвойные предлоги с момента своего появления характерны для книжно-письменной речи.

С конца XVII века новые предлоги появляются почти непрерывно (см.: Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967). Этот процесс протекал одновременно во всех разновидностях языка, но в разной форме и с разными результатами. В литературном языке шло развитие производных и составных предлогов, причем за счет других частей речи: отвлеченных существительных, деепричастий и т. д. В основном это были предлоги с причинным, условным и целевым значениями.

В говорах, где круг отвлеченной лексики был ограничен, новые предлоги складываются из старых корневых, то есть за счет внутренних ресурсов данной группы слов. Все появившиеся таким образом двойные предлоги имеют пространственные и временные значения. Так по-разному отреагировали диалекты и литературный язык на необходимость создания новых средств более точной и тонкой передачи информации.

Иначе протекал этот процесс в украинской и белорусской письменной речи. Там двойные предлоги отмечаются уже с XV века; употребляются они и в современных украинском и белорусском литературных языках.

Высказанное предположение о причинах появления двойных предлогов в русских народных говорах позволяет предсказать и возможные источники, где они еще могут быть обнаружены. В текстах XVIII века примеров с двойными предлогами по сравнению с текстами XVII века должно быть больше, но только в записях диалектной речи и документах местных канцелярий. В известных нам исследованиях по языку XVIII века, а все они основаны на материале художественной литературы, примеров с двойными предлогами нет, диалектных записей XVIII века очень мало, а материалы этого столетия, находящиеся в местных архивах, почти не изучены. Отсутствие двойных предлогов в литературных текстах этого времени еще раз подтверждает, что появились подобные предлоги именно в диалектах.

В XIX веке и в наше время такие предлоги проникают и в художественные тексты, где используются в целях стилизации или для создания речевых портретов персонажей: «Пойдут по-под снегом ручьи» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); «Я, конечно, отошел в сторону, спрятался по-за корчму и стою» (Куприн. Конокрады); «Закатилось мое солнце по-за болотами» (Паустовский. Золотая роза); «По-над крышами его мечется огонь» (Горький. Исповедь); «Люди, обходя лужу, обычно шли по-над самым плетнем, придерживаясь руками за колышки» (Шолохов. Поднятая целина); «Лучше бы по-под горой пройти» (Куприн. Конокрады). В наши дни двойные предлоги вторичного происхождения можно услышать и в городском просторечии: «Идите по-над мостом, слева и будет магазин» (1970. Москва); «Она шла по-за мной» (1971. Вологда).

Дальнейшее изучение народно-разговорной речи покажет, насколько правильны наши предположения относительно времени и причин появления двойных предлогов вторичного происхождения.

Г. В. СУДАКОВ
Вологда

СЛОВАРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Интересный материал для истории русских говоров представляют перешедшие из них слова в языки других народов нашей родины: татар, башкир, удмуртов, чувашей и др. Русские на протяжении сотен лет непосредственно общались с этими народами, и русские слова переходили к ним устным путем.

Рассмотрим для примера русские слова в касимовском говоре татарского языка. Сейчас эти татары живут в нескольких деревнях Касимовского района Рязанской области. Поселились они здесь в середине XV века. В 1452 году московский князь Василий дал в управление Мещерский Городец на Оке (впоследствии Касимов) казанскому царевичу Касиму. Вместе с Касимом сюда прибыли его многочисленные родственники и подданные. Образовавшееся здесь небольшое татарское ханство просуществовало как самостоятельная административная единица более двухсот лет. Перед Октябрьской революцией поселения татар входили в состав Рязанской губернии.

Поселившись на территории с русским населением, касимовские татары восприняли много русских слов, прежде всего обозначающих предметы и явления, которых у них раньше не было. Вначале таких русских слов было немного; это названия предметов бытового и хозяйственного назначения: элин — 'лен', замит — 'забор' (местное — замёт), гюрци? — 'горшок', ?эсиль — 'кисель', ?учирь? ... — 'кочерга' и др. Буква? — «гортанная смычка» обозначает здесь особый звук, который слышится при тщательном произношении русского слова *соответствовать* между гласными первого и второго слогов: са-атве... Этот звук заменяет в касимовско-татарском говоре заднеязычные согласные *к, г, х* в исконных и старых заимствованных словах.

В дальнейшем приток заимствований, особенно в XIX—XX веках, резко возрос, причем это слова из самых разнообразных сфер жизни — культурно-политической, административно-хозяйственной и др.: гязит — ‘газета’, вагун — ‘вагон’, губирна — ‘губерния’ и т. д. Новые предметы и понятия, входя в быт татар, как правило, сохраняли и свое русское название. Но гласные и согласные звуки в татарской речи претерпевали изменения. Если русские звуки не совпадали с татарскими, они заменялись наиболее близкими к ним звуками татарского языка. Некоторые слова изменялись настолько сильно, что в них с трудом можно узнать то или иное русское слово.

В касимовском говоре некоторые русские гласные и согласные сохраняются или звучат почти так же, как в русском языке, например *а, и, р, л, ж, м*: пажар — ‘пожар’, буйна — ‘бойня’, лента — ‘лента’.

Гласный *е* заменяется татарским *и*: русские слова *репа, весло, клеть* изменяются в *рипи, висла, ?элит*. Русский гласный *о* переходит в *у*: *лодка, погреб, ток* произносятся как *лутка, пуурип, ту?*. В ранних заимствованиях согласные *к, г, х* у касимовских татар переходят в так называемую «гортанную смычку», о которой уже говорилось. Слова *соха, Которово* (название деревни в Касимовском районе), *покров* у татар изменяются в *су?а, ?угэр, пу?рлв*.

Оторвавшись, таким образом, от родного языка, слово приспосабливается по звучанию и грамматическим формам к заимствующему языку. В русизме-заимствовании сохраняются звуки и звуковые явления, которые были характерны для русского говора в тот период, когда данное слово переходило в татарский язык, хотя в русском в этом слове впоследствии могли произойти изменения.

Снимая со слова-заимствования своеобразный татарский звуковой покров, мы можем определить, как произносилось оно в русском языке, диалекте во время заимствования. Так, зная, что русское *о* татары заменили гласным *у*, можно установить, что слово *у?а* (название притока Волги — Оки) у русских произносилось с начальным *о* — Ока, слово *элин* — как *лен* (современное *лён*).

Рассмотрев таким путем касимовские русизмы, мы смогли выявить звуковые явления, имевшие место в древности в русских говорах некоторых районов нынешней Рязанской области.

При установлении татарско-русских звуковых соответствий мы обнаружили, что один и тот же русский звук в одном и том же слогe, но в разных словах, заменяется различными звуками. Так, русский гласный *о* в первом предударном слогe у касимовцев произносится в большинстве слов как *а* (мазуль — ‘мозоль’, ма-

рус — ‘мороз’, падвал — ‘подвал’, карупка — ‘коробка’) и лишь в немногих словах соответствует гласному *y* (купна — ‘копна’, кушль — ‘кошель’, ?учин — ‘кочан’ и др.).

Что касается первой группы слов, то причина такого соответствия ясна; татары заимствовали слова из разговорной речи, а русские в этом районе акают, в первом предупредительном слоге на месте *o* произносят *a*: мазóль, марóс, падвáл, карóбка. В татарском русский гласный *a*, как правило, не изменяется.

Во второй группе слов гласный *y* мог заменить только *o*; значит, эти слова не могли быть заимствованы из акающих говоров, таких, как современные окружающие русские говоры. По-видимому, они были все же заимствованы из соседних русских говоров, но в тот период, когда говоры эти были еще окающими. Но возможно также, что интересующие нас слова пришли к касимовцам из других татарских диалектов, например казанских, нижегородских, которые взаимодействуют с окающими русскими диалектами и сейчас. Нужно еще доказать, что это предположение неверно и что данные слова проникли в касимовско-татарский говор именно из соседних русских диалектов.

Наиболее надежный материал — несколько топонимов: названий деревень, сел, рек. Эти местные наименования известны обычно жителям селений, расположенных близко друг к другу. Они не могли быть заимствованы из других татарских диалектов. К таким названиям относятся *y?a* ‘Ока’, заимствовано могло быть не позже XV века, в период образования на Оке, в Мещерском Городце, татарского ханства. Река имела большое значение для экономико-политической жизни ханства. Надо сказать, что название Оки не известно группам татар, значительно удаленным от реки, — сибирским, мензелинским, пензенским.

Следующий топоним — *Муссу* ‘Мочково’ (деревня) известен только в пределах Касимовского и Елатомского районов. Даже татары, живущие на другом берегу Оки (например в Толстикове, на правом берегу реки) не знают этого названия.

Наименованием *Суба?* ‘Собакино’ (деревня) пользуются татары левобережья Оки. Правобережные татары русское Собакино просто переводят на татарский язык: *?эч?* (касимовско-татарское *?эч?* ‘собака’).

Несколько русизмов с *y* на месте *o* обозначают предметы, связанные с хозяйственно-бытовой жизнью касимовских татар. Естественно предположить, что они были заимствованы из окружающих русских говоров. Так, слово *гюрци?* ‘горшок’ в такой огласовке не встречается ни в одном из татарских диалектов. У азовских, кадомских, тобольских татар в этом значении известно слово *чулмяк* или *цулмяк*. Следовательно, все слова рассмотрен-

ной группы были заимствованы касимовскими татарами из окружающих русских говоров в то время, когда в них было еще *оканье*, когда произносили: *вода, пошла, горшок*.

Поскольку все приведенные здесь слова не могли попасть к касимовцам раньше XV века (время появления здесь татар), то остается заключить, что в XV веке, а может быть, еще и в XVI (но не позже, так как в письменных рязанских документах XVII века уже отражается *аканье*: встречаются написания типа Балотце вместо Болотце — название деревни) в Касимовском, Елатомском и ряде смежных с ними районах нынешней Рязанской области русское население обрело и что формирование среднерусского типа говоров происходило здесь приблизительно в XV—XVI веках.

В литературном языке и в большинстве русских местных говоров на месте гласного *е* после мягких согласных перед твердыми под ударением произносится сейчас *о*: *сёстры, вёл* вместо более старых *сестры, вел* (с гласным *е*) и др. Большинство русизмов проникло к татарам уже после того, как в них *е* изменился в *о*: *кручу?* — «крючок» (из русского *крючок*), *чирут* — «очередь» (из русского диалектного *чирёт*).

Однако несколько русских слов были заимствованы татарами еще в то время, когда в них *е* ударный не перешел в *о*: *замит* (из русского *замёт*, сейчас произносится *замёт*), элин из русского *лен*, сейчас *лён*). В звук *и* мог измениться только русский *е*. Отсюда можно сделать вывод, что по крайней мере в XV веке, в начальный период связей касимовских татар с русскими, в соседних рязанских говорах изменения *е* в *о* еще не было.

Таковы некоторые черты древних русских диалектов нынешней Рязанской области, которые обнаружались путем изучения русских заимствований касимовско-татарского говора.

А. М. КОРНИЛАЕВА,
старший преподаватель Белгородского педагогического института имени
М. С. Ольминского

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

К ЭКЗАМЕНУ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Беседа вторая

В первой беседе («Русская речь», 1972, № 1) мы охарактеризовали требования, которые предъявляются к ответу по русскому языку на экзамене. Теперь расскажем о самостоятельной подготовке к экзамену.

Каждый, кто приступает к работе с книгой, задумывается над тем, как организовать свой труд, как добиться того, чтобы прочно закрепить в памяти полученные знания. Остановимся на наиболее рациональных формах работы с книгой. Конечно, в наших советах нельзя искать нечто вроде общего рецепта: процесс усвоения знаний строго индивидуален. При организации самостоятельной работы необходимо учитывать свои особенности запоминания и осмысливания материала. Кроме того, сама тема, характер и построение учебного материала в книге часто влияют на выбор формы работы.

Многие часто прибегают к выпискам. Это особый вид записи, и при умелом его использовании можно расширить и закрепить знания. Но нужно хорошо представлять себе, когда выписки (цита — один из видов выписок) необходимы. При подготовке к сочинению, например, без них не обойтись. Вы должны выписать с максимальной точностью ряд цитат (в цитате изменение авторской

мысли недопустимо), несколько дат, имеющих прямое отношение к изучаемому произведению или жизненному пути писателя.

Выписки целесообразно делать по ходу чтения произведения, критической статьи, раздела учебника. Заметим, что специфика русского языка как учебного предмета ограничивает возможности использования этой формы самостоятельной подготовки. Иногда на экзамене абитуриенты ссылаются на работы языковедов, авторов вузовских пособий. Конечно, это неплохо. Однако такие ссылки порой таят в себе опасность: цитата должна не только запоминаться, но и осмысливаться, естественно входить в излагаемый учебный материал. Иначе ссылка на известного автора выглядит ненужным «довеском» к ответу, часто приводит к тому, что абитуриент, не разобравшись в цитируемой мысли, нарушает логику ответа и окончательно, как мы обычно говорим, «запутывается» в нем.

Самый простой метод записи прочитанного — составление плана. Эта форма удобна потому, что с плана — устного или письменного — начинается, как правило, и сама подготовка к ответу. Планом называют перечень основных вопросов, рассматриваемых в статье, разделе пособия и т. д. Работа над планом поможет «увидеть» ход мыслей автора, их последовательность, глубже вникнуть в содержание повторяемого или вновь изучаемого раздела, установить его внутреннюю логику и взаимную связь выдвигаемых в нем вопросов.

Для составления плана нужно сначала прочитать раздел, а затем, продумывая ход мыслей автора, выделить их и кратко озаглавить. Если материал еще не усвоен, следует воспользоваться книгой. Краткость, четкость формулировок дается не сразу, поэтому этот вид самостоятельной работы потребует большого труда.

Покажем на примере запись плана параграфа.

§ 61. «Степени сравнения имен прилагательных»

1. Две степени имен прилагательных:

1. Сравнительная степень	Южное лето <i>теплее</i> и <i>продолжительнее</i> северного.
2. Образование сравнительной степени	1) красивый — <i>красивее</i> .
тонкий — <i>тоньше</i> ;
2) сильный — <i>более</i> сильный,
<i>менее</i> сильный.

3. Превосходная степень	Каспийское море — <i>величайшее</i> озеро мира.
4. Образование превосходной степени	1) добрый — <i>добрейший</i> ;
высокий — <i>высочайший</i> ;
2) добрый — <i>самый добрый</i> ,
высокий — <i>наиболее высокий</i> .

Легко заметить, что такая запись позволяет видеть последовательность основных мыслей; приведенные примеры помогают раскрыть содержание каждого пункта намеченного плана.

Напомним, что к плану следует прибегать только в том случае, если материал в основном хорошо усвоен и не вызывает особых трудностей. Если грамматическая теория в свое время не была тщательно изучена, лучше при повторении прибегать к составлению тезисов.

Тезисы существенно отличаются от плана, при составлении которого намечается лишь последовательный перечень вопросов, раскрываемых в каком-либо разделе учебника. С помощью тезисов необходимо сжато и кратко передать содержание основных мыслей параграфа или статьи. Посмотрим, как можно составить примерные тезисы по теме «Неопределенная форма глагола» (С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков. Учебник русского языка. Ч. I. М., «Просвещение», 1967, стр. 183).

1. Начальная форма глагола называется неопределенной. Глагол в неопределенной форме отвечает на вопрос: что делать? или что сделать? (петь, играть, синеть).

2. Глаголы в неопределенной форме имеют суффиксы *-ть, -ти*. У некоторых глаголов в неопределенной форме корень оканчивается на *-чь* (печь, стричь).

3. Неопределенная форма называет действие, но не указывает ни на время, ни на число, ни на лицо.

Попутно заметим, что делать записи в форме тезисов при повторении русского языка нетрудно, так как в учебниках большая часть теоретического материала имеет четкое логическое членение.

При подготовке к экзамену по русскому языку зачастую нельзя ограничиться одним учебником; от поступающих на гуманитарные факультеты требуется более широкая лингвистическая подготовка. Школьный учебник адресуется учащимся определенного возраста и языковой подготовки, многие научные положения в нем излагаются упрощен-

но. Естественно, что при повторении материал необходимо расширять, дополнять, используя другую литературу по русскому языку.

При такой синтетической работе с пособиями лучше составлять конспекты, целесообразнее — тематические. Это наиболее сложная и совершенная запись прочитанного. Конспект обязательно включает план и тезисы статьи, раздела, над которыми вы работаете. Они расширены и дополнены новыми фактами, полезны здесь же и выписки. Конспект, таким образом, менее сжат, категоричен, он дает возможность постоянно дополнять запись новыми фактами, обобщениями, работа над ним требует большей творческой самостоятельности.

Писать следует чернилами, четко и разборчиво. Нельзя согласиться с тем, кто считает, что «свои записи я всегда пойму». С течением времени некоторые положения становятся малопонятными даже для самого записывающего, и вновь приходится обращаться к первоисточнику. Запись, сделанная для себя, должна быть понятна и другому. Поэтому известную осторожность нужно соблюдать в сокращениях слов. Конечно, в конспекте сокращения всегда будут, но все же равняться следует на общеупотребительные: русск. яз.; втор. чл.; прош. вр.; сказ. и т. д. Недопустимы сокращения в названиях, фамилиях, так как это может привести к досадным просчетам в ответе на экзамене.

Общий объем конспекта должен быть небольшим; пространственные записи чаще всего свидетельствуют о поверхностной, недостаточной продуманной работе. Правда, иногда сказывается и неопытность конспектирующего, его неумение выделить главное, разграничить существенное и второстепенное, но это проходит со временем.

Если вы используете несколько источников, то, конспектируя материал по определенной теме, не забывайте указывать фамилию автора, полное название работы, год ее издания. Это поможет свободно ориентироваться в конспекте, шире аргументировать ответ.

Чтобы конспект был действительно вашим помощником, продумайте оформление записей. Они не должны быть однообразными. Нужно научиться выделять самые важные места в конспекте. Это сделает его наглядным. При выделении нового для вас термина можно использовать другой «шрифт»: написать более крупными буквами, или изменить наклон букв, или применить печатные буквы и т. п.

Основной способ обозначения главных положений в конспекте — подчеркивание. Подчеркивать лучше другими чернилами или цветными карандашами. Так можно выделить целую фразу или абзац. Не менее полезны для работы с конспектом замечания на полях. Известно, что В. И. Ленин широко использовал этот прием — вопросительные и восклицательные знаки, отдельные реплики: «важно», «очень важно», «хороший пример!!», «хорошо сказано!», «вернуться вновь» и др. В необходимых случаях можно прибегнуть к различным схемам, таблицам.

Для конспектов советуем использовать специальную тетрадь, чтобы ее можно было взять с собой на консультацию (удобно пользоваться ею и в дороге). Делать записи в тетради рекомендуем по следующей форме:

№ п/п	План параграфа, статьи, раздела	Содержание записей	Дополнительные источники, замечания
-------	---------------------------------	--------------------	-------------------------------------

Разберем (по этапам) «технику» составления конспекта. Возьмем, к примеру, § 113 «Виды глагола» (С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков. Учебник русского языка. Ч. I. М., «Просвещение», 1967, стр. 186—187).

Внимательно перечитываем параграф, уясняем основные мысли и составляем план данного параграфа:

I. «Виды глагола» (§ 113)

1. Два вида глаголов: несовершенный и совершенный.
2. Несовершенный вид глагола.
3. Совершенный вид глагола.
4. Видовые пары глаголов.

Составив план, продумываем основные тезисы по прочитанному. С этой целью пункты плана представим в форме вопросов, ответы на них и явятся своего рода краткими тезисами. На отдельном листе бумаги запишем эти тезисы:

1. Глаголы бывают совершенного и несовершенного вида.
2. Глаголы несовершенного вида отвечают на вопрос: что делать? (рисовать, бегать).
3. Глаголы совершенного вида отвечают на вопрос: что сделать? (нарисовать, прочитать).
4. Многие глаголы несовершенного вида имеют парные глаголы совершенного вида (писал — написал; подталкивал — подтолкнул).

Продумав тезисы, сделав выписки из других учебных пособий по русскому языку, приступаем к составлению конспекта.

I. «Виды глагола» (§ 113)

№ п/п	План параграфа	Содержание записей	Дополнительные источники, замечания
1.	Два вида глаголов: несовершенный и совершенный.	Глаголы бывают несовершенного и совершенного вида.	
2.	Несовершенный вид глагола.	Глаголы несовершенного вида отвечают на вопрос: что делать? Имеют три времени — прошедшее, настоящее и будущее сложное: писал, пишу, буду писать.	«Глаголы несовершенного вида обозначают действие без указания его предела, результата, но с оттенком длительности или повторяемости» («Русский язык», ч. I. 1963 г. Авторы: А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, стр. 204).
3.	Совершенный вид глагола.	Глаголы совершенного вида отвечают на вопрос: что сделать? Имеют два времени — прошедшее и будущее простое: написал — напишу.	«Глаголы совершенного вида, обозначая действие, указывают его внутренний предел, границу, результат» (там же, стр. 204).
4.	Видовые пары глаголов.	Многие глаголы несовершенного вида имеют парные глаголы совершенного вида: запевал — запел; сжигал — сжег; предлагал — предложил.	«Глаголу одного вида может соответствовать глагол другого вида с тем же лексическим значением. Такие глаголы образуют видовые пары» (Т. А. Ладыженская и др. Русский язык. Учебное пособие для IV класса. М., «Просвещение», 1970, стр. 211).

Кратко остановимся на тех учебниках, учебных пособиях, которыми можно воспользоваться при подготовке к экзамену.

В настоящее время в школьные программы по русскому языку внесены значительные изменения. Часть нового материала будет включена в программу вступительного экзамена уже в текущем году. Поэтому советуем тщательно изучить два учебных пособия: Т. А. Ладыженская и др. Русский язык. Учебное пособие для IV класса. М., «Просвещение», 1970; Русский язык. Учебное пособие для V класса, М., «Просвещение»; 1971, а также действующий школьный учебник русского языка (авторы С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков). Необходимость изучения школьных учебников в первую очередь объясняется тем, что программа вступительных экзаменов по русскому языку строится обычно на основе школьной программы.

Понятно, что вопросы на экзамене вряд ли будут повторять формулировки отдельных параграфов учебника. Поэтому при повторении полезно поупражняться в обобщении материала, в группировке грамматических тем по сходству, в отборе примеров.

И еще одно замечание: при повторении важно не только восстановить в памяти теоретические положения, но и тщательно просмотреть все упражнения к параграфу, характер заданий к ним, так как авторы часть теоретического материала предлагают усвоить в процессе выполнения практических упражнений. Так, к § 62 «Образование сравнительной степени» дается упражнение 374, в котором предлагается образовать сравнительную степень от слов типа скользкий, тряский, громоздкий (это как раз те качественные прилагательные, которые не образуют простых форм сравнительной и превосходной степени). Упражнение 375, например, нацеливает учащихся на то, чтобы они хорошо запомнили, что качественные прилагательные легко образуют антонимические пары слов.

Таким образом, характер упражнений, вопросы и задания к ним помогут уточнить теоретический материал, конкретизировать отдельные положения. Особенно важно не забывать об этом при работе с новыми учебниками по русскому языку.

Серьезную помощь при повторении окажет «Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы» В. Ф. Грекова, С. Е. Крюčkова, Л. А. Чешко, где теоретический материал дан в расчете на старший школьный возраст. В изложении грамматических правил здесь преобладает синтез, обобщение; упражнения прак-

тического характера более сложные (в сравнении с учебником для V—VII классов).

При систематизации сведений по синтаксису и пунктуации можно использовать пособие для учащихся «Проверь себя сам» Л. И. Гейдельберга, М. Я. Микулинской (М., «Просвещение», 1969). Помимо теоретического материала по синтаксису и пунктуации, в пособии подобраны интересные упражнения, разработаны методические советы к ним. В конце книги даны специальные проверочные тексты и справки, которые, бесспорно, облегчат вашу самостоятельную работу.

Для повторной проверки своих знаний, тренировки памяти можно обратиться к учебнику для педагогических училищ «Русский язык» (ч. I, II) А. М. Земского, С. Е. Крючкова, М. В. Светлаева.

В заключение отметим, что умение работать с книгой, составлять надежный конспект, выделять из изучаемого материала главное, наконец, умение планировать свою самостоятельную работу поможет не только при поступлении в вуз, но и в дальнейшем при подготовке к студенческим семинарам, зачетам, сессиям.

П. С. ПУСТОВАЛОВ

Справка

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В 1971 ГОДУ

**Сибирский технологический институт
(Красноярск)**

1. Образ В. И. Ленина в советской литературе.

2. Рождение человека в огне революционных боев (по роману М. Горького «Мать»).

3. Тема подвига в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

4. «На Енисее жизнь началась стоном, а кончится удалью» (А. П. Чехов).

5. Руководящая роль Коммунистической партии в социалистическом переустройстве деревни по роману М. А. Шолохова «Поднятая целина».

6. Мечты о героическом и

прекрасном в творчестве раннего Горького.

7. «И всюду победы добьется советский простой человек».

8. Поэзия В. В. Маяковского в борьбе за коммунизм.

9. Мой современник (на материале двух-трех произведений советской литературы 60-х годов).

10. Почему я хочу быть инженером?

11. Мать и сын рядом — это прекрасно (по роману М. Горького «Мать»):

Ждановский металлургический институт

1. Изображение М. Горьким Владимира Ильича Ленина.

2. «Для того, чтобы человек почувствовал себя великаном, нужна была Октябрьская революция» (В. Огнев).

3. Родная природа в изображении А. С. Пушкина.

4. «Срывание всех и всяческих масок» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

5. Коммунист Давыдов (по роману М. А. Шолохова «Поднятая целина»).

6. Мать и дочь Раневские

(по пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»).

7. «Человеку на земле в равной степени нужны и кибернетика, и Пушкин» (И. Смирнов-Сокольский).

8. «Счастье будущего человека только в знании» (А. П. Чехов).

9. Мои любимые страницы романа М. А. Шолохова «Поднятая целина».

10. «Я радуюсь маршу, которым идем...» (В. В. Маяковский).

Новосибирский электротехнический институт

1. В. И. Ленин, партия и народы массы в поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

2. Образы борцов за свободу в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

3. «Я жил, я был — за все на свете я отвечаю головой» (А. Твардовский).

4. Жизнь — подвиг (о жизни и деятельности Н. Островского).

5. Образ Раскольников в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

6. «Я люблю тебя, край мой любимый, неизменно по-рус-

ски люблю» (Е. Долматовский).

7. Проблема истинного и ложного гуманизма в пьесе М. Горького «На дне».

8. Общественная борьба 60-х годов XIX века и ее отражение в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

9. Мечта, обгоняющая жизнь (по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»).

10. «Все счастье земли — за трудом!» (В. Брюсов).

11. Картины жизни униженных и оскорбленных в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Иркутский политехнический институт

1. В. И. Ленин в изображении М. Горького.

2. «Москва, Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» (А. С. Пушкин).

3. «Цена человека — дело его» (М. Горький).

4. Отношение Н. В. Гоголя к миру «мертвых душ».

5. Отец и сын Власовы.

6. Судьба русского дворянства в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад».

7. «Никто не забыт и ничто не забыто» (О. Бергольц).

8. Превращение Старцева в Ионыча.

9. Бойся равнодушных!

10. «Любимый Иркутск — середина земли» (из песни).

11. Мой идеал современной девушки.

12. В. В. Маяковский — сатирик.

13. Есть люди с сердцем Данко.

14. Человек и природа.

15. Два полководца в изображении Л. Н. Толстого (по роману «Война и мир»).

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Появление в Японии систематических сведений о русском языке относится к первой половине XIX века. Основам русского языка обучал японцев капитан В. М. Головнин, находившийся у них в плену с 1811 по 1813 год. После визита в Нагасаки в 1853 году фрегата «Диана» под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина и подписания первого русско-японского договора в 1855 году русский язык стал проникать в Японию. В Японии в то время появились собственные православные священники. При содействии русского консула И. А. Гошкевича в Хакодате открылись школы русского языка, были составлены первые учебники, в основном религиозного содержания.

Одним из первых японских специалистов по русскому языку считается Сига Тикато, который начал его изучение в 1858 году во время захода в Нагасаки фрегата «Аскольд» и впоследствии участвовал в русско-японских дипломатических переговорах. В 1865 году по инициативе И. А. Гошкевича в Россию были отправлены первые семь японских студентов, в 1870—1871 годах — еще три.

Как отмечает советский историк К. Попов, «в 1870—1890-х годах уже немало японцев стало владеть русским языком. Появля-

ются переводы русских классиков, а также и писателей, которые только начинали свою литературную деятельность, как, например, Чехова, Горького, Короленко, Леонида Андреева, Куприна...» (Япония. М., 1964).

Шло время. Изучение русского языка в Японии расширилось после победы Великой Октябрьской революции в нашей стране. Особенно активизировалось оно в послевоенное время.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ И УВЛЕЧЕНИЕ

Помимо теоретического изучения русского языка в научно-исследовательских учреждениях, его практическое преподавание ведется в государственных и частных университетах, в классах, школах, институтах, на курсах, в кружках при различных обществах и организациях Японии.

Многие государственные университеты иностранных языков имеют факультеты русского языка: Токио (ежегодный набор — 60 студентов), Осака (80), Кобэ (40). В Хоккайдском государственном университете есть отделение русской литературы на литературном факультете (ежегодно принимается 10—15 человек). Из наиболее известных частных университетов факультеты русского языка имеют следующие: Дзэти (расположен в Токио, еже-

годный набор — 40 человек), Саппоро (в одноименном городе на Хоккайдо, 50 человек), Тэнри (в Нара, 40 человек). В токийском университете Васэда есть отделение русской литературы на литературном факультете, которое набирает ежегодно 100 студентов.

Таким образом, в университетах Японии ежегодно начинают изучать русский язык более 300 студентов и русскую литературу — более 100, причем эти предметы станут для них специальностью. Кроме того, русский преподается как первый иностранный язык для многих студентов всех специальностей в тех же университетах, а также в педагогическом университете, университетах Хитоцубаси, Хосэй и др. Русский язык как второй или третий иностранный преподается в большинстве университетов страны, а как второй иностранный и в некоторых старших средних школах Японии.

В СССР японские студенты обучаются в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (отделение русского языка и литературы для иностранцев) и в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы. Японские преподаватели русского языка как высших, так и средних учебных заведений ежегодно направляются на летние семинары русского языка при МГУ.

В Японии с характерной для ее населения тягой к самообразованию и крепнущими дружественными связями с Советским Союзом все большее распространение получает изучение русского языка при обществах дружбы с нашей страной.

Старейшее из них — общество «Япония — СССР», преобразованное в 1957 году из Общества японо-советской дружбы, которое существовало с 1949 года. Общество насчитывает более 10 000 членов. При нем работает Институт русского языка («Ниссо гакуин», председатель Экэмура Ёситаро), в котором на дневном и вечернем отделениях учится около 1000 человек. При Институте имеются и заочные курсы русского языка.

Курс русского языка («Росияго кёсицу») есть при Обществе японо-советской дружбы, основанном в 1965 году. Устав общества прямо обязывает его членов заниматься «популяризацией русского языка». Хотя это и небольшой курс, он играет важную роль в укреплении дружбы между народами Японии и Советского Союза.

Потребность в квалифицированных переводчиках русского языка в Японии во многом удовлетворяется Институтом русского языка «Мир» («Миру росияго кэнкюсё», директор Адзума Такико), который был основан в 1967 году на основе слияния одноименных класса и курсов. Филиалом Института стала Школа русского языка «Мир» («Миру росияго гакуин»),

Обучение русскому языку в этих обществах, как правило, платное, делится на семестры. При Институте русского языка существует основной курс (2 года), исследовательский (1 год) и разнообразные курсы от 3 до 9 месяцев. На заочных курсах Института выделяются начальная ступень (9 месяцев), средняя (6 месяцев), повышенная (6 месяцев). Курс русского языка делится на ступени: начальную «А», начальную «В», среднюю и повышенную.

Институт русского языка «Мир» имеет учебное отделение (1 год), подготовительное отделение (3 месяца), основной курс (3 года) и курсы усовершенствования.

Занятия проводятся 2—3 раза в неделю в дневное или вечернее время. В зависимости от уровня начальных знаний можно начинать обучение с соответствующей ступени. Перевод на следующую ступень или курс осуществляется после сдачи экзаменов. Лица, твердо усвоившие учебный материал, могут повторно зачисляться на тот же семестр. Допускается и досрочное окончание курса обучения.

Набор учащихся на новый семестр производится, как правило, 4 раза в год: весной, летом, осенью и зимой. Для рекламы курсов общества составляют объявления, так называемые «извещения о поступлении» («нюгаку аннай»). Вот образец такого рекламного объявления Института русского языка «Мир»:

«Давайте изучать русский язык.

Русский язык изучается в школах 15 республик СССР и многих социалистических стран как обязательный предмет. В различных странах увеличивается число людей, изучающих русский язык ...

В Японии увеличивается культурный, экономический и научный обмен с СССР. Возрастает необходимость умения читать, писать и говорить по-русски ...» (далее приводятся сведения о профиле, месте, расписании занятий, плате за обучение и проч.).

Подобные объявления рассылают в виде открыток, публикуют в газетах и журналах и другие общества.

Преподают русский язык как в университетах, так и на многочисленных курсах при обществах дружбы главным образом японские учителя, а также русские эмигранты. Об одной из них — З. А. Абрамовой, дружелюбно относящейся к советским людям, писал В. Цветов в повести «... Наш корреспондент сооб-

щает из России» (М., 1969). Ценную помощь оказывают сотрудники советского посольства в Токио.

Японские студенты, изучающие русский язык, в основном обеспечены учебниками и словарями. Преобладают японские книги, но в последнее время японцы все охотнее обращаются к изданию «Международной книги». Среди них — учебники и учебные пособия русского языка для зарубежной школы В. Д. Аракина, И. М. Пулькиной и Е. Б. Захава-Некрасовой, С. А. Хаврониной, японско-русский словарь Л. А. Немзера и Н. А. Сыромятникова и др.

При изучении русского языка японские студенты широко применяют лингафонные курсы, например курс профессора Токийского университета иностранных языков Того Масанобу. Пользуется популярностью и лингафонный курс, подготовленный Научно-методическим центром русского языка при МГУ. В качестве хрестоматий используются оригинальные и адаптированные тексты на русском языке, например многие повести, рассказы и пьесы Горького, Чехова.

О популярности русского языка в Японии свидетельствуют конкурсы русской речи, ежегодно устраиваемые редакцией газеты «Асахи» совместно с советским посольством. Каждый из участников конкурса выступает с подготовленным рассказом по-русски на любую тему и отвечает на ряд вопросов. Жюри определяет победителей и присуждает главные премии — путевки на двухнедельную поездку в Советский Союз. В конкурсах принимают участие мужчины и женщины: рабочие, студенты, журналисты, переводчики, учителя... Об одном из таких конкурсов в Токио рассказал в корреспонденции «Когда не нужен переводчик» советский поэт И. Фoniaков («Литературная газета», 15 октября 1969). За последние годы подобные конкурсы стали приобретать общенациональный масштаб, охватывая крупнейшие города Японии. В 1970 году в городе Саппоро состоялся всеохватный конкурс русской речи, в котором участвовали не только студенты, но и широкая публика.

ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК»

Основным периодическим учебно-методическим пособием для изучающих русский язык в Японии служит журнал «Современный русский язык» («Гэндай росияго»), который выходит ежемесячно с подзаголовком «Язык и культура». Издает его Общество современного русского языка (председатель Того Масанобу), объединяющее в своих рядах университетских преподавателей, студентов и лиц, самостоятельно изучающих русский язык.

Несомненное достоинство журнала в том, что в каждом номере материал представлен по различным степеням трудности и может использоваться как начинающими, так и имеющими определенные знания студентами. Большая часть текстов для чтения берется из журналов «Новое время», «Наука и жизнь», газет «Известия», «Вечерняя Москва», «Неделя» и других изданий.

С особым интересом перепечатываются статьи из советской прессы о Японии. Так, в 4-м номере журнала за 1968 года приводится статья В. Зорина «Япония, наш сосед». Представлены образцы современной художественной прозы и поэзии. Все тексты, как правило, печатаются параллельными колонками с переводом на японский язык и подробными лексико-грамматическими комментариями.

Многочисленные мелкие статьи дают развернутое объяснение многих русских слов, неологизмов, содержат сведения о мерах длины и веса, формах обращения, употреблении знаков препинания, специфических особенностях русского языка, представляют собой списки популярных русских имен, афоризмы и высказывания, рекламируют новые книги по русскому языку, вышедшие в СССР. Получили распространение в журнале тематически-изобразительные рубрики («Музыка», «Парикмахерская» и др.); кроссворды. Из номера в номер дается научно-техническая лексика (химическая, геологическая и проч.). Многие тексты озвучены на гибких грампластинках, которые прилагаются к журналу. Некоторые номера выходят в качестве спецвыпусков, посвященных, например, рассмотрению грамматических особенностей русского языка. Журнал является полезным пособием для изучающих русский язык в Японии, он удачно построен.

СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Советский ученый Д. В. Тер-Аванесян, побывавший в Японии, вспоминал, как японские коллеги жаловались ему на трудности изучения русского языка: «Вот посмотрите,— обращается ко мне Итидзима-сан,— я написал иероглиф *юй*, что означает гу-

стой», «роскошный», «огорчение». Он имеет 29 черт, а буквы вашего алфавита нам кажутся предельно простыми, но тем не менее освоить ваш язык для нас очень сложно» (Такой я видел Японию. М., 1968). Трудности, которые встают перед изучающим русский язык, прежде всего чисто языковые (фонетические, грамматические, лексические).

Эти трудности хорошо проявляются в наиболее типичных ошибках, допускаемых японскими студентами: нарушение правил согласования и управления в словосочетаниях, неверное употребление местоимений, предлогов, неразличение форм совершенного и несовершенного вида русского глагола, смешение речевых стилей.

Однако едва ли не более существенны трудности психологические. В. Овчинников писал в «Ветке сакуры» (М., 1971), что «японцы отнюдь не кратки в выражении своих мыслей». Взять хотя бы обилие в японском языке глагольных связей: «... *масу* или *аримасу* или *годзаимасу*... также непереводимы, как твердый знак. Разница между дооктябрьским русским языком и этническим японским в том, что японцы могут употреблять в конце глагола от двух до десяти твердых знаков» (Р. Ким. Ноги к змее. Л., 1927).

В недавно ставшем известным письме И. С. Тургенева на французском языке (20 июня 1870) содержатся следующие весьма любопытные строки: «Кажется, Боткин говорил Анненкову накануне своей смерти с той превосходной сжатостью русского языка, в которой он не уступает даже латыни: „Хоть так, да жить!“ [эти слова написаны И. С. Тургеневым по-русски]. По-французски это значит: „Даже в состоянии, в каком вы меня видите, — жить прежде всего“». («Иностранная литература», 1971, № 1). Японский эквивалент этой русской фразы был бы во всяком случае не короче французского.

Подмечено, что японцы, в совершенстве овладевшие русским языком, способны изъясняться на нем более сжато, точно и стройно, чем на родном языке. В. Овчинников вспоминал, как один из японских выпускников Университета дружбы народов имени П. Лумумбы признавался, что многие вещи ему легче высказать по-русски, чем по-японски. Но прежде чем достичь такого уровня владения русским языком, японским студентам приходится пройти значительную психологическую перестройку.

Г. В. ХРУСЛОВ, В. В. ХРУСЛОВА
Владивосток

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

(Продолжение. Начало в № 4, 5, 6, 1971; 1, 1972)

индекс (дэ)
индустрия и доп. индустрия
иногородный [не иногородный]
инженёр, множ. инженёры,
-ов [не инженерá, -ов]
иноплемённый [не иноплемён-
ный]
иноходь [не иноходь]
инспектор, множ. инспекторы
и инспекторá
инструктор, множ. инструкторы,
-ов и доп. инструкторá,
-ов
инструмент [не инстру́мент]
инсценированный [не инсцени-
рованный]
интеграция (тэ)
интеллект (т'е)
интенсификация (тэ)
интервал (т'е и доп. тэ)
интервенция (т'е и доп. тэ)
интервьюдение (тэ)
интервью (тэ)
интернат (тэ)
интерьер (тэ)
интриган [не интрига́нт]
интриганка [не интрига́нтка]
инцидент [не инциде́нт]
ирис, -а (название цветка)
ирис, -а (конфета)
исконь [не йскони]
искра, род. -ры (проф. искра́,
-ры)
искренне и искренно
искренний (устар. йскренный)
искристый и йскристый

искри́ться и йскри́ться
иску́с (устар. йскус)
испечённый [не испеченный]
испещрённый [не испещрен-
ный]
исповедание [не псповедание]
испоко́н [не йспоко́н]
исполу [не исполу́]
использовать [не использо́вы-
вать]
иссечённый и доп. иссечённый
истёкший (устар. истёкший)
исходатайствовать [не исхода-
тайствовать]
исцелённый [не исцеленный]
исчёрканный [не исчёрканный]
исчерпать [не исчерпа́ть]
ишиас [не ишиа́с]

Каза́к, множ. -ки́, -ко́в и доп.
-áки, -áков
кали́ф и хали́ф
кало́ша и гало́ша
ка́мбала [не камбала́]
ка́менноугольный [не ка́менно-
угольный]
ка́мешек (разг. ка́мушек)
камфа́ра (разг. ка́мфара)
камфа́рный (разг. ка́мфарный)
канделя́бр, -а, муж. (устар.
канделя́бра, -ы, жен.)
караби́нёр [не караби́нер и не
карабинёр]
кара́т, род. множ. кара́тов и
доп. кара́т
ка́рбас и доп. ка́рбас

карббванец [не карбованец]
карбблка [не карбловка]
карé (рə)
картón [не кардón]
каталог [не катáлог]
кáтер, *множ.* катерá (устар.
кáтеры)
катítь, качú, кáтишь, кáтит
[не кóтишь, кóтит]
каучúк [не кáучук], -úка
кафетéрий (тə)
кáшлянуть [не кашлянúть]
кашнé (нə)
квартáл [не квáртил]
квáшение [не квашéние]
кедрóвый (устар. кéдровый)
кéды (обувь), *род. множ.* кéдов
и кед
кéта [не кетá]
кий, *род. кий* и *доп. кий*
килогрáмм, *род. множ.* кило-
грáммов (в устной речи:
килогрáмм)
килогрáммовый (*разг.* кило-
грáммовый)
киломéтр [не килóметр]
киновáрь [не киновáрь]
кíрза (*разг.* кирзá)
кичítься [не кичítься]
кичлívость [не кичлívость]
клáвиша, -и, *жен.* и клáвиш,
-а, *муж.*
клáдбище (устар. кладбйше)
кларнёт (н'е)
клéить (устар. клеить)
клéщи и *доп.* клéщи (инстру-
мент)
кодейн (дə)
кбдекс (дə и *доп.* д'е)
кожанка (*разг.* кожáнка)
коклюш [не кóклюш]
коктéйль (тə)
кóлер [не колёр]
коллédж [не колледж]
колóдец (устар. колóдезь)
колóсс [не колосс]
комбайнер (*разг.* и *проф.* ком-
байнёр)
кóмпас (*проф.* компáс)
компромeтáция [не компромeн-
тáция]
компромeтúровать [не компро-
ментúровать]
кóндóвый [не кóндóвый и не
кóндóвой]

конквистадóр и конкистадóр
контéйнер (тə)
конфóрка (устар. камфóрка)
копéчный (чн и *доп.* шн)
коричневый (чн, *устар.* шн)
корнёт (н'е)
коррeктúв, -а, муж. [не кор-
ректíва, -ы, *жен.*]
кортéж (тə)
корысть [не кóрысть]
кóфе, *нескл.*, муж., (*разг.*
сред.)
крапíва [не крашивá]
красívый, *сравн. ст.* красívее
[не краспéе и не красívше]
кратер (т'е)
зрédит (счёт кредитующего)
кредит (представление в долг)
крейсúровать (устар. крейсú-
рoвáть)
крем (р'е)
кремёнь (*проф.* кремёнь)
критéрий (тə и *доп.* т'е)
кружево, *множ.* кружевá,
кружев [не кружева, не
кружéв]
крупеник (*разг.* крупеник)
крупнопанéльный (н'е)
кружбóвник [не кружбóвник]
ксéндз, ксендзá [не ксéндза],
множ. ксендзý, -óв [не ксéн-
дзы, -ов]
кúхонный [не кухóвный]
Лавировать (устар. лавиро-
вáть)
Лавровишневы́й [не лавровиш-
нёвый]
лавровый (*спец.* лáвовый)
лáзер (зə)
лангúст, -а, муж. и лангúста, -ы,
жен.
лассó [не лáссо]
легализовáть [не легализиро-
вáть]
лeгкó [не лёгко]
легкоатлёт [не лёгкоатлет]
легкомыслeнный, *крат. ф.*
легкомыслeн [не легкомыс-
ленeн]
лédник (погреб со льдом)
ледник (скопление льда)
лэвие [не лэвиé]

(Продолжение
в следующем номере)

Н. КОСТАРЕВ

СТРАНА БУКВАРИЯ

(Окончание. Начало в № 1, 1972)

Окунь жил в реке
 под кручей,
 Полосатый и колючий,
 Был он очень осторожен,
 Но его поймал я все же!

Под копною у проселка
 Пела в поле перепелка.
 Прилетел перепел —
 Перепелку перепел.

Речка Темерничка
 Ростом невеличка.
 Но от вод Темерника
 Полноводней Дон-река!

С пшеницей рядом рос осот,
 Усатый и колючий.
 Осот хвалился: «Я высок!
 Я в поле самый лучший!».
 Мог уколоть он каждый злак,
 Коварен был и вздорен,
 Но вскоре с поля — как
 сорняк —
 Осот был вырван с корнем!

Толстый трутень слезы лил:
 «Почему я всем не мил?
 Сестры-пчелы бьют меня,
 Будто я им не родня!».
 Трутень, ты не любишь труд,
 Вот за то тебя и бьют.

Удод у дороги увидел ужа,
 Удод улетел от испуга
 дрожа,

А уж зашуршал и уполз
 В камыши,
 Над глухим удодом
 смеясь от души.

Футболист в футболке белой
 Шел к штрафной площадке
 смело.
 Поскользнулся и упал...
 В мяч футбольный не попал!

Хутор виден у холма —
 Скрыты зеленью дома.
 А людей, что в нем живут,
 Хуторянами зовут.

Цапля цокала птенцу:
 «Цаплям серый цвет к лицу!
 Целый свет хоть облети,
 Цвета лучше не найти!».

«Чик-чирик! Чик-чирик!» —
 С чердака несется крик.

Что же это за чудак,
 Что шумит на весь чердак?

Школа наша хороша!
 Шел я в школу, не спеша,
 Шаг смирял я, нес портфель.
 Школьник! — вот кто
 я теперь!

«Щуку я отыщу! —
 Обещал лещ лещу. —
 Ей обид не прошу,
 Чешую всю спущу!..».
 Но с разинутым ртом
 Лещ умолк трепеща:
 Грозно щелкнув хвостом,
 Щука шла на леща.

Размечтался мягкий знак:
 «Съесть бы сальца
 натошак!..».
 Возмутился твердый знак:

«Объедаться! Как же так?
Ведь у нас и без еды,
Как арбузы, животы!».

«Ы» на вид весьма сурова,
Но характером скромна:
Никогда в начале слова
Не становится она
Но не ты, не мы, не вы
Не обходимся без «Ы».

Эхо ходит по полям,
Берег будит эхо.
А на смех наш — эхо нам
Отвечает смехом.

Юла кружилась у стола,
Как пшмель, она гудела.
А мне казалось, что юла
О чем-то песню пела.

Якал якорь:
«И тяжёл,
Я моря все обошел.
Всех главней на судне я —
У меня и цепь своя!».

Как видите, Буквария —
Чудесная страна,
Хотя в страну Букварию
Дорога и трудна.
И любят все Букварию,
И крепко дружат с ней:
С высот страны Букварию
Дороги в мир видней!

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ПРЕДЪЯВИТЬ (К) КОМУ?

Читатель В. Бонд из Харькова спрашивает, отвечает ли нормам современного русского литературного языка конструкция с предлогом *к*, встретившаяся ему в газете: «И по закону он имеет право предъявить иск *к* тому, по чьей вине стал инвалидом». Речь идет о том, как управляет глагол *предъявлять* именем в дательном падеже — с предлогом или без предлога.

Глагол *предъявить* (*предъявлять*) — переходный, то есть обязательно требует после себя существительное (или местоимение) в винительном падеже без предлога: предъявить иск, требования, претензии, документы и т. п. Это основная синтаксическая связь, но способность глагола к управлению не ограничивается такой связью. Наряду с обязательным винительным падежом при нем могут быть существительные (или местоимения) в дательном падеже. И дательным падежом глагол управляет уже через посредство тесно связанного с ним прямого дополнения, выраженного винительным именем: предъявить билет контролеру. Связь между глаголом *предъявить* и существительным *контролеру* менее тесная, не обусловленная лексическим значением самого глагола, в связи с чем создаются условия для возможного варьирования. Так возникли конструкции *предъявить что кому* и *к кому* или *предъявить что чему* и *к чему*.

В русской литературе XIX и XX веков употребляются как предложные, так и беспредложные конструкции с дательным при глаголе *предъявить* (*предъявлять*): «Дочь рассыльного Федякова предъявляет к вам иск на содержание ребенка» (Горький); «Вам предъявлено какое-нибудь обвинение?» (Лебедевко); «Движение многостаночников предъявляет к рабочим и административно-техническому персоналу предприятий высокие требования» («Известия», 21 июля 1956). Иногда дательный с предлогом *к* стили-

стически более уместен, чем беспредложный: «Просил эксплуатационников предъявлять свои претензии к конструкции машины» (Галин). Такая ситуация возникает при дательном неодушевленного существительного.

Таким образом, в примере, приведенном нашим читателем, дательный падеж с предлогом допустим, но вполне уместен здесь и дательный без предлога.

Г. А. Качевская

● ДУНИАДА НЕ ОДИНОКА

В газете «Советская культура» (7 октября 1971) была опубликована статья «„Нушичиада“ — праздник веселья». Такое образование — Нушичиада (от имени югославского писателя-юмориста Бранислава Нушича) представляется нам неверным (см. «Русскую речь», 1971, № 5). Как видите, «Дуниада» не одинока. А жаль ...

В. Ф.

Историей русских слов и выражений занимаются не только наши языковеды, но и языковеды других стран. Известный русский тюрколог член-корреспондент АН СССР Андрей Николаевич Кононов любезно сообщил «Русской речи» о статье турецкого языковеда, посвященной анализу русских слов *чайка* 'казацкая лодка' и *шайка* в двух значениях.

● «ОТ ЧАЙКИ ДО ШАЙКИ»

Так озаглавлена статья профессора Стамбульского университета, известного тюрколога Ахмеда Джафероглу в «Ежегоднике Общества турецкого языка» за 1970 год.

Полагая, что этимологические изыскания по поводу двух названных слов представляют интерес для любителей русского языка, ниже привожу пересказ этой статьи с некоторыми комментариями.

Среди различных областей культуры, куда тюркские языки в разные периоды истории внесли свой вклад, одно из первых мест, пожалуй, занимает морское дело; в качестве примера одного из тюркизмов, получивших весьма широкое распространение почти по всему миру, указывается слово *каюк*, *каик*, о котором уже неоднократно писали.

Небольшие суда, называемые *чайка* — *шайка*, плавали по Дунаю, Тиссе и Саве, оберегая границы Австрийской империи от нападений османов. Базы этих судов назывались *чайкаш*.

Чайка — *шайка* — судно, вооруженное пушками (до 10 единиц), с командой около ста человек. Подобные суда использовались запорожскими казаками для нападений на турецкие берега, благодаря чему это слово в форме *щайка* постепенно приобрело значение объединения морских разбойников. Однако этот тип судов у запорожцев претерпел некоторые изменения, превратившись в весельную лодку. У турок это судно называлось *чайка*, а у казаков стало произноситься *шайка* (для русской фонетики безразлично, могло бы сохраниться *чайка*; вероятно, через тюркское посредство таких языков и диалектов, где *ч* изменилось в *ш*). Постепенно этот тип судов перестал употребляться турками и сохранялся долгие годы только у казаков.

Слово *шайка* утвердилось в русском языке в переносном, метонимическом значении — ‘компания морских разбойников’, затем ‘шайка разбойников вообще’.

Слово *чайка* делится на две морфемы: корень *чай* ‘речка’ + суффикс *-ка*, который встречается в немногих словах: башка, кашка, арка, бабушка, атака, абака и проч. Большинство тюркологов в суффиксе *-ка* видят суффикс уменьшительности — ласкательности. Чайкой назывался самый легкий тип судов турецкого флота. Чайки предназначались только для плавания в небольших реках, которые называют в тюркских языках словом *чай*.

Следовательно, заключает А. Джафероглу, термин *чайка*, обозначающий один из первых типов судов в истории турецкого флота, применялся к судам, специально приспособленным для плавания по рекам. Из этого слова в результате фонетических преобразований получилась *шайка* в двух его известных значениях: 1) «скопище дурных людей, ватага вольницы, грабителей, воров, мошенническое товарищество»; 2) «обручная посудинка в треть, в четверть ведра, с ухом, особенно в банях» (В. И. Даль. Толковый словарь). Раздвоение значений у слова *шайка* на русской почве, впрочем, А. Джафероглу не рассматривает.

Интересная статья профессора А. Джафероглу значительно выиграла бы, если бы он использовал весьма обстоятельное исследование профессора Б. Л. Богородского на эту же тему (К истории судовых терминов *шайка* и *чайка*. — «Вопросы теории и истории языка». Сборник статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Изд-во ЛГУ, 1969, стр. 147—156), в котором убедительно доказывается, что термин *шайка* и его вариант *чайка* заимствован вероятнее всего из турецкого языка, но «по происхождению не является турецким, а восходит к латино-итальянским источникам эпохи средневековья».

А. Н. Кононов

«ЗОЛОТЕЙ ТВОИХ КОС...»

Некоторые наши читатели спрашивают, можно ли считать правильными формы сравнительной степени от относительных прилагательных.

Сложность этого вопроса в том, что границы между относительными и качественными прилагательными весьма условны и переходящи. Те и другие прилагательные обозначают признак предмета. Это ведь общее значение прилагательного как особой части речи, хотя содержание «признака» очень различно.

Относительные прилагательные выражают признак, основанный на отношении к предмету (действию, обстоятельству), выводимый из предмета. Можно преобразовать сочетание существительного с относительным прилагательным в сочетание с управляемым существительным: березовая кора — кора березы; золотое кольцо — кольцо из золота; малиновый куст — куст малины. Признак, обозначаемый словами *березовый*, *золотой*, *малиновый* в приведенных примерах, не может быть присущ предмету в большей или меньшей степени — степени сравнения невозможны. Относительное прилагательное характеризуется также тесной связью с производящей основой, то есть с тем существительным, от которого оно образовано (*березовый* — береза).

Качественные прилагательные (*светлый*, *дружный*, *красный*) выражают свойство или качество предмета непосредственно значением своей основы. Отсюда способность изменяться по степеням сравнения, иметь сравнительную степень: *светлый* — светлее, *дружный* — дружнее.

Однако очень многие относительные прилагательные, расширяя круг сочетаемости, развивают в себе качественные значения. Такое новое значение передает уже не просто отношение к предмету, а свойство или качество его. Сравните: *золотые россыпи* — *золотой характер*; *малиновый куст* — «Кто там в малиновом берет?» (Пушкин); *театральный сезон* — «Достоевский бесконечно театрален» (Немирович-Данченко); «на сих развалинах, на сих кучах пепельных» (Жуковский) — «Красивый юноша с пепельными волосами» (Короленко).

Развитие в относительных прилагательных качественно-характеризующих значений далеко не всегда приводит к тому, что эти прилагательные приобретают все грамматические признаки, свойственные качественным прилагательным, нередко мешает этому структура прилагательных. Индивидуально-авторской следует считать форму степени сравнения в следующих примерах: «Все *каменной* ступени, все круче, круче *всход*» (Брюсов); «*Золотей* твоих кос по курганам молодая шумит лебеда» (Есенин); «И

у самого полковника, который, чем больше пил, становился все *стеклянней*, и у других офицеров было отчаянное настроение» (Фадеев). Однако нередки и такие случаи, когда прилагательное, будучи относительным по происхождению, целиком утрачивает связь с предметной основой и становится качественным. К таким прилагательным относятся, например, *грязный*, *пепельный*, *народный* (наше искусство народно), *театральный* (театральный жест).

Прилагательные *кардинальный*, *инфантильный* принадлежат к разряду качественных, в связи с чем краткие формы от них и формы степеней сравнения вполне закономерны. *Кардинальный* — 'главнейший, самый важный' (в соответствии с латинским *cardinalis*) не соотносится с *кардинал* ни по смыслу, ни по форме. От существительного *кардинал* в русском языке есть относительное прилагательное *кардинальский*.

Всеми грамматическими признаками качественного прилагательного обладает слово *инфантильный*. Качественными, а не относительными являются прилагательные *целесообразный* и *предпочтительный*, в связи с чем формы степеней сравнения и наречия на *-о* от них вполне закономерны.

Г. А. Каческая

● АРГАМАК

Аргамак — слово тюркское, заимствованное некогда от татар, у которых оно означает 'кровная лошадь'. Первое употребление его в памятниках русской письменности относят к 1483 году: «А дати... Волку Ухтомскому аргамакъ буръ» (Духовная грамота И. И. Салтыка). Как отмечается в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара, аргамак относится к ценной породе кавказских (кабардинских) и, добавим, среднеазиатских (туркменских) лошадей, легких, быстрых в скачке и выносливых; это «лошадь отменно высокого роста и весьма поджарая, отчего кажется длинноногою, шея у нее длинная, тончаявая и голова довольно красивая». Утверждают, что аргамаки не годились ни для кавалерии, по неспособности к фронтальной службе, ни для упряжной езды, ввиду нехарактерности для них аллюра рыси. Это были, следовательно, верховые, но не боевые кони. Именно в таком значении слово *аргамак* встречается чаще всего в старинной русской письменности.

Название *аргамак* проникло на Русь в мирных условиях, до падения в 1480 году татаро-монгольского ига, судя по употреблению его как самого обычного слова уже в документе 1483 года и по наличию в записи от 1500 года прозвища одного новгородца — Аргамакъ (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен). Тем самым термин *аргамак* отличался от тюркизма *бахмат*,

возникшего в условиях военных столкновений и обозначавшего «боевой конь» («Русская речь», 1970, № 6).

Аргамак — одна из красивых и выносливых пород лошадей, потомков знаменитых арабских скакунов. Естественно, что аргамак весьма часто упоминается в наших старинных памятниках как ценный подарок царям, великим князьям, игуменам. При этом старорусское *аргамак*, судя по его употреблению, не имело яркой поэтической и одобрительной эмоциональной окраски. Действительно, оно встречалось главным образом в деловой письменности. Упоминается *аргамак* и в прозаическом описании свадебного обряда, имеющемся в «Домострое» (XVI в.), где говорится, что новобрачный, выйдя из церкви после венчания, садится на аргамака, а новобрачная — в сани. В русских народных свадебных песнях конь жениха обозначается всегда иначе: либо *комонь*, либо *конь*. В связи с этим весьма любопытно, что в эмоционально насыщенных жанрах русского фольклора — в песнях, былинах — название *аргамак* не обнаружено, а вот в интеллектуально насыщенном жанре — в пословицах — встречается: «Аргамак к пере, меринок к горе» [к работе]. Но, конечно, в тюркских, например в ногайских, народных песнях термин *аргамак* имеется.

Наконец, показательное, что единственное засвидетельствованное в памятниках XV—XVII веков уменьшительное образование от этого слова содержит в себе пренебрежительный (не ласкательный) оттенок — *аргамачишко*. Таковы же по пренебрежительной окраске устаревшие белорусские *аргамака* «гуляка, пьяница» и *аргамачыць* «буянить, пьянствовать». Сравните с этим диалектное рязанское *аргамак* «ческладная, высокая лошадь», а также то, что *аргамаком* и *аргамачихой* в переносном смысле иронически называли в России вплоть до конца XIX века высокого, худощавого и неуклюжего человека.

Поэтическая и одобрительная эмоциональная окраска в слове *аргамак* появилась сравнительно недавно в процессе его некоторого устарения и в результате образно яркого использования его в художественной литературе XIX века, например в произведениях М. Ю. Лермонтова: «Весь в мыле серый аргамак Мотает гривую густой... Бьет землю жилистой ногой, Грызет с досады удила» (Боярин Орша); «Аргамак мой степной ходит весело» (Песня про купца Калашникова). Эта традиция в употреблении слова поддерживается и в наши дни.

Архаизация (процесс устарения) термина *аргамак* вызвана заметным снижением спроса на аргамаков ввиду выведения других, более совершенных быстроаллюрных пород (английской, карабахской) и тем, что на русских конных заводах аргамаков никогда не производили.

Тюркизм *аргамак* — бродячее слово и отмечено во многих языках: в тюркских, монгольском, некоторых угро-финских, индоевропейских (славянских, романских, иранских, армянском и других). Что известно о возникновении этого слова у самих тюркских народов? В 1883 году один из русских военнослужащих полковник В. А. Сухомлин писал, что татарское *аргамак* «образовалось из существительного *ёрга...* ‘иноходь’ и глагольного окончания *-мак* ‘-ствовать’, буквально *ёргамак* значит иноходствовать, то есть бежать иноходью» (Энциклопедия военных и морских наук). Трудно сказать, достоверно ли это, но поскольку аргамаки, как правило, верховые лошади, обычно иноходцы, а татарское *юрга* действительно обозначает ‘иноходь’, то такое объяснение не лишено некоторого основания.

В современном русском языке *аргамак* обозначает то же, что и в большинстве старинных русских памятников — ‘порода рослых скаковых лошадей’ (Словарь современного русского литературного языка); ‘рослая и дорогая азиатская лошадь подверх’ (Словарь В. И. Даля). В старину *аргамак* иногда могло указывать на всякую хорошую лошадь, как и в татарском языке.

Г. Ф. Одинцов

● МАВЗОЛЕЙ, МУЗЕЙ, МАЗАР

«Чутье подсказывает мне, что русские слова *музей*, *мавзолей* и узбекское *мазар* (в переводе ‘кладбище’) имеют что-то общее», — пишет нам начальник производственного отдела треста «Хорезм-облколхозстрой» Азат Балтаев.

Действительно, указанные слова имеют близкие значения и содержат два общих согласных *м* — *з*. Но все-таки их значения не совпадают, а история показывает, что по происхождению общего у них ничего нет, а есть только случайное звуковое сходство. Обратимся к истории этих слов.

М А В З О Л Е Й

Распространенное во многих языках слово *мавзолей* ‘монументальное надгробное сооружение’ происходит от древнегреческого названия знаменитой гробницы карийского царя Мавзола (Мавзола — в латинском чтении), жившего в IV веке до н. э. в Малой Азии. Его гробница в г. Галикарнасе Маусолейон в древности была известна как одно из семи чудес света. Русское звучание слова *мавзолей* обязано латинскому посредству, а также, возможно, немецкому *Mausoleum* и французскому *mausolée*. Слово *мавзолей* известно русскому языку с XVIII века.

Не меньшее распространение имеет также старое греческое слово *музейон* 'святилище, храм муз, место поэтического творчества, школа певческого искусства, пение, хор', которое дословно значило 'принадлежащее музам, музыкальное'. Образовано оно у греков от слова *муса* (у нас известное в латинском звучании *муза*). Имея разные значения — 'музыка, пение, речь, слова, искусство, поэзия, образование, ученость, просвещенность', это слово широко распространилось в своем мифологическом значении как название каждой из девяти богинь — покровительниц наук и искусства: Урания — покровительница астрономии, Клио — истории, Эвтерепя — лирики, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — пляски, Эрато — любовной поэзии, Поли(ги)мния — гимнов, Каллиопа — эпоса.

В русском слове *музей*, которое пришло к нам в латинском звуковом облике в XVIII веке, старое значение 'храм муз' забылось, и словом стали называть 'учреждение, собирающее и выставляющее для обозрения произведения искусства, предметы истории, науки, быта, сельского хозяйства, ремесел, промышленности, материалы из жизни и деятельности выдающихся деятелей и т. д., расположенные по определенной системе, с целью их сохранения, наглядного изучения, а также распространения знаний среди широких масс'. Старая форма этого слова *музеум*, целиком совпадающая с латинским *museum*, сейчас вышла из активного употребления.

МАЗАР

Широко распространенное во многих тюркских языках (в том числе и узбекском) слово *мазар* 'кладбище, могила' известно и русскому языку как диалектное и книжно-литературное слово: *мазарки* (восточное) — 'кладбище; татарское и инородческое кладбище; древнее, покинутое кладбище или место, где оно было по преданию'; *мажары* (орловское) — 'мазарки, древнее кладбище, бугристое место' (В. И. Даль. Толковый словарь); *мазар* — 'мавзолей, гробница мусульманских правителей или святых в Средней Азии и на Ближнем Востоке' (Словарь иностранных слов. 1964). Встречаются эти слова в составе пословично-поговорочных выражений: «От бани до мазарок [от жизни до смерти] недалече» (В. И. Даль. Толковый словарь); «Дом с детьми базар, дом без детей мазар» (З. С. Шеломенцева. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии).

Слово *мазар* восходит к арабскому так называемому имени места (*помен loci*) от глагола *зāра* 'посещать, навещать, делать ви-

зит', образованному с помощью приставки *ма-*. Переходя в различные языки мусульманских и даже немусульманских народов вместе с другими мусульманскими терминами, многозначное арабское имя места *маз̄ар* 'посещаемое место, помещение для молитвы, могила (какого-либо святого)' сохранило лишь последнее значение, иногда с некоторым видоизменением.

Общность слов *мавзолей*, *музей* и *мазар* не подтверждается тем, что в похожей части у них слишком необычные чередования звуков (ав — у — а), да и остатки после выделения части, похожей на корень (мавз-, муз-, маз-), не являются суффиксами с определенным значением. История слов показывает, что и звуковое и смысловое сближение их возникло чисто случайно.

И. Г. Добродомов

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. БЕЛОШАПКОВА, **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**,
В. Я. ДЕРЯГИН, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**,
А. И. ОВЧАРЕНКО, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. ФИЛИН**,
Н. Ю. ШВЕДОВА

и. о. отв. секретаря **В. А. ЕРЕМИН**

Адрес редакции: Москва Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Художники
Ю. И. Космынин и *В. В. Толстоногов*
Корректоры *Н. Н. Глаголева*, *Н. М. Кузьмина*

На обложке Горки Ленинские
Гравюра *Ю. И. Космынина*

Сдано в набор 12/ХІІ — 1971 г. Т-03667. Подписано к печати 15/ІІ — 1972 г.
Тираж 70 000 экз. Формат бумаги 84 × 108/32 Усл. печ. л. 8,4
Бум. л. 2,5 Уч.-изд. листов 9,9 Зак. 3175

РУКОПИСНЫЙ ОРНАМЕНТ

ряду разнообразных рукописных инициалов, красочных заглавных букв разных времен орнаменты «звериного» стиля оказываются самыми «живучими» и привлекательными. Правильнее называть этот орнамент не «звериным», а «зооморфическим», то есть состоящим из форм животного мира: зверей, птиц, рыб, змей, а также фантастических, рожденных человеческой фантазией драконов.

Характернейшим признаком орнаментального стиля является то, что изображения животных входят составными, неотъемлемыми частями в написание буквы, без них буква разрушается, не читается. Рисовали такие инициалы и художники, оформлявшие греческие рукописи XI—XIII веков, и создатели роскошных рукописных книг в средневековых западно-европейских скрипториях и мастерских. Эти украшения всегда носили отпечаток места и времени создания.

В русской рукописной книге этот тип орнамента надолго завоевывает себе симпатии художников с того момента, как в XV веке в придворных мастерских Московского Кремля были «поновлены» несколько торжественных рукописей (евангелия, принадлежавшие боярам Хитрово, Морозову, Кошке и Андроникову монастырю).

В орнаменте предшествовавшего времени («тератологическом») были плоские фантастические силуэты «зверей», продолженные замысловатым плетением «ремней». В новом, «зооморфическом» типе оформитель русской рукописной книги стремится к передаче реальных форм и объемов. Инициалы эти многокрасочны, отличаются особенной красотой, живописностью и разнообразием. Вскоре, вслед за московскими мастерами, такими инициалами украшают свои рукописи художники Новгорода, Пскова и других книгописных центров.

Меняются со временем и типы орнаментов в заставках, но вплоть до XVII века нет-нет да и встретится на страницах русской рукописи «зооморфический» инициал, «родившийся» в XV веке в Московском Кремле при дворе великого князя.

(Продолжение следует)

В номере:
СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ
И УДАРЕНИЯ

Индекс — лэвние

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»